Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум
и межнациональная культура

№ 7 (217)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Кадаев А.Г., Пономаренко Б.Т.
Формирование системной адаптации
управления талантами на малых предприятиях.....9

Будаева Д.Ц. Политико-управленческая
модель интеграции инокультурных иммигрантов
в местное сообщество в условиях публичного управления.....19

Петрова С.И., Петров И.Ф. Скрытые механизмы
реальности: онтологическое измерение проблемы.....29

Хитарова И.Ю., Одинцова Ю.В.,
Рипачева Е.А., Кораблева С.А., Николаева Е.А.
Формирование языковых компетенций студентов
технических вузов: проблемы и практические решения.....45

Гасанов Э.Г., Хоконов А.А.
Цифровое государственно-частное партнёрство: модели
институционального предпринимательства в платформенной среде....59

Семикин Е.Д. Динамическая инклюзивность
и эффект переноса инфраструктурного конфликта:
сравнительный анализ М-12 «Восток» во Владимирской области
и Южно-Лыткаринской автодороги в Московской области.....68

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шаровский Ю.Н., Шевцова Е.В. К вопросу формирования
«портрета террориста» и разработке дополнительных
мер противодействия идеологии терроризма
в молодежной среде Новосибирской области.....78

Погребняк Д.А., Дианов С.А.
Геокультурный подход в инклюзивном брендинге территорий.....92

Каштанюк В.А., Шелудько А.С.
Ценностный суверенитет и историческая память:
что значит «быть собой» в эпоху слома миропорядка
(на примере истории и культуры Дальнего Востока).....104

ИСТОРИЯ

Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И. Псевдо-оригиналы Сен-Дени: технология изготовления папируса и стратегии фальсификации в дипломатике раннего средневековья.....114

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О.
Волшебная гора: невозможность «давосской цивилизации».....130
Бирюков С.В., Востриков К.В.
Переговоры по мирному урегулированию ливано-израильского конфликта в контексте общего ливанского кризиса.....141
Юдин В.И., Большаков С.Н.
Государственная образовательная политика в отношении коренных народов Эквадора: декларации и реальность.....153
Рябова Е.Л., Терновая Л.О.
Китайская символика золотых кирпичей: от древних традиций к геополитике многополярного мира.....165

РЕЦЕНЗИЯ

Востриков К.В., Бирюков С.В. Рецензия на учебное пособие Рябовой Е.Л., Щупленкова Н.О. «*Политика Китая в отношении национальных территорий. Книга 1. Реализация «Великого возрождения китайской нации китайской диаспорой за рубежом»*».....176

Аннотации.....179
Авторы.....198
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....203

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-кономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign

policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Академия маркетинга и социально-информационных технологий

Кадаев А.Г.

Магистр программы «Управление персоналом государственной службы и корпораций». Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Научный руководитель:
Пономаренко Б.Т.

Доктор исторических наук, профессор. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Формирование системной адаптации управления талантами на малых предприятиях

Введение

Российский малый и средний бизнес переживает системный кадровый кризис. По данным опроса респондентов 583 компаний, проведенного hh.ru в 2025 году, 85% работодателей называют дефицит персонала фундаментальной проблемой. К тому же, уровень безработицы в России обновил исторический минимум, составив 2,7%. При этом, дефицит кадров а экономике составляет около двух млн. человек.

В этих условиях малые предприятия, располагающие ограниченными финансовыми и организационными ресурсами, оказываются в сложном положении. Исследования показывают, что малый бизнес нередко использует неформальные практики рекрутинга, поскольку не имеет структурированных программ адаптации и удержания персонала. Это создает необходимость институционализации управления талантами – перехода от интуитивных, разовых кадровых решений к системным кадровым практикам, основанным на устойчивых формальных и неформальных правилах.

Степень разработанности проблемы

Результаты современных исследований в области управления талантами в сфере предпринимательства представлены в публикациях Российских и зарубежных учёных. Так, на основе системного анализа тематических исследований, Гарянина Е.В. выявила диссонанс между преимуществами предпринимательских структур (гибкость, автономия) и ресурсными ограничениями (низкая оплата труда, неформальность

управленческих процессов), с учётом российской специфики рыночных преобразований (институциональная нестабильность и региональные диспропорции). Цифровизация HR-процессов рассматривалась Поповой Р.О. в качестве фактора повышения эффективности управления человеческими ресурсами. Гуриева Л.К. и Абаев К.Г. обстоятельно охарактеризовали ряд проблем: слабая проработанность процесса управления карьерным ростом, неразвитость планирования кадрового резерва, наличие демотиваторов, которые влияют на профессиональное развитие персонала. Поверхностно разработаны системные модели адаптации современных HR-практик в структурах предпринимательства. Отмеченные пробелы определяют актуальность исследования системной адаптации управления талантами в кадровом менеджменте предпринимательства.

На основе теоретического анализа проблемного состояния управления талантами в компаниях малого и среднего бизнеса, а также обобщения эмпирических данных о развитии талантов в сфере предпринимательства, целью авторского исследования стала разработка научно обоснованных рекомендаций по формированию адаптированной системы управления талантами на малых предприятиях в современных российских условиях. В качестве теоретико-методологической основы тематического исследования предложено использовать три группы концептуальных представлений.

Первая группа – из ресурсной теории (Resource-Based View, RBV), в которой определено, что конкурентное преимущество организации формируется за счет уникальных внутренних ресурсов, включая человеческий капитал. В контексте малого бизнеса дано объяснение, почему адаптированные HR-практики становятся не менее эффективными, чем сложные корпоративные управленческие системы.

Вторая группа раскрыта в известной двухфакторной теории мотивации, разработанной Ф. Герцбергом, которая позволяет дифференцировать такие социальные факторы, как заработная плата, условия труда и мотиваторы, включающие социальное признание, достижения, репутацию, карьерный рост). Теория ожиданий В. Врума развивает зависимость трудовых усилий от стимулирования труда, ожидаемой степени вознаграждения. Для компаний в сфере малого предпринимательства, с ограниченным бюджетом, именно мотиваторы имеют наиболее важное значение.

Третья группа представляет институциональный подход, рассматривающий адаптацию управленческих практик как процесс формализации неформальных правил деятельности в условиях институциональной сре-

ды. В российском контексте это требует учета институциональной нестабильности и региональных диспропорций.

Исходя из цели исследования, для решения задач, вытекающих из цели исследования, использованы методы, включающие:

1. Системный анализ эмпирических исследований, полученных в области управления талантами в сегменте МСП.

2. Метод сравнительного анализа параметров управления талантами в МСП и крупных корпорациях.

3. Метод синтеза эмпирических данных отраслевых исследований и HR-статистики ведущих российских платформ.

4. Метод организационного моделирования, используемого при разработке дорожной карты внедрения системы управления талантами.

Эмпирическую базу авторского исследования составили: данные социологического опроса более чем пятиста российских компаний, проведенного hh.ru в 2025 году; кейс-стади: результаты исследования автором системы управления талантами субъекта МСП – московского бюро переводов; результаты эмпирических исследований практик управления талантами в российских малых и средних организациях.

Проблема исследования

Важно отметить, что управление талантами в сфере предпринимательства принципиально отличается от корпоративных практик. В отличие от крупных компаний, которые выделяют значительные средства на развитие управления человеческими ресурсами, а также собственными корпоративными университетами и системами кадрового резерва, малый бизнес функционирует в обстановке поиска адаптированных решений, позволяющих эффективно использовать таланты без крупных финансовых затрат. Сравнительный анализ управленческих параметров для компаний разного уровня представлен в Таблице 1:

Таблица 1[1].

Параметр	МСП	Крупные корпорации
Бюджет на HR	Ограниченный, требует приоритизации инициатив	Значительный, позволяет внедрять комплексные программы развития
Кадровый резерв	Формируется точечно, нередко при отсутствии формализованной базы	Широкий и системный кадровый резерв

1 Источник: составлено автором.

Карьерный рост	Быстрый, но в пределах ограниченной структуры	Непрерывный, с определенными формальными этапами
Гибкость в принятии решений	Высокая – адаптация стратегий под индивидуальные задачи	Низкая – длительные согласования
Возможности обучения	Преимущественно внутренние ресурсы и онлайн-форматы	Собственные корпоративные университеты, международные программы
Мотивация	Индивидуальный подход, нематериальные стимулы	Финансовые бонусы, соцпакет, бренд
HR-технологии	Использование доступных и не требующих значительных затрат решений	Премиальные HRM-системы (SAP, Oracle, Workday)

Сравнительный анализ показывает, что наиболее выраженными преимуществами малого предпринимательства в этой сфере является высокая гибкость в принятии управленческих решений, возможность быстрого карьерного роста в пределах ограниченной структуры и применение индивидуального подхода к мотивации сотрудников, однако ограниченность ресурсов требует приоритизации инициатив и поиска экономичных управленческих решений для развития талантов.

На основе системного анализа результатов российских эмпирических исследований выделен ряд существенных барьеров:

1. Финансовые ограничения и неразвитость HR-бренда. Исследования показывают, что организации малого и среднего бизнеса не в состоянии напрямую конкурировать с крупными корпорациями по уровню зарплат и объему социальных льгот. Согласно исследованию hh.ru (2025г.), лишь 36% компаний с численностью до 100 человек ведут планомерную системную работу по формированию бренда работодателя, тогда как среди компаний с численностью более тысячи человек этот показатель превышает 50%. При этом 34% компаний заявляют, что не планируют заниматься развитием HR-бренда, ссылаясь на нехватку средств, как на основную причину отказа от работы с репутацией. Кроме финансовых ограничений, проблемы на рынке труда обусловлены недостаточной проблемы на рынке труда обусловлены недостаточной у кандидатов и проблемами поиска необходимых кадров, что повышает актуальность работы над формированием узнаваемости и привлекательности работодателя.

2. Отсутствие системного подхода к управлению талантами. Исследования показали, что у малых и средних предприятий отсутствует понимание того, что развитие персонала за счет внедрения практик управления талантами ведет к повышению производительности и прибыли компании.

3. Институциональная нестабильность и региональные диспропорции. Выполненные исследования показали, что российская специфика обусловлена институциональной нестабильностью и региональными диспропорциями. Экономическая неопределенность, связанная с введенными в 2022 году санкциями против нашей страны, создает дополнительные вызовы для необходимости формирования устойчивости бизнеса и предпринимательства.

Для МСП важно понимать, что талантливые сотрудники находятся в поиске не только высокой заработной платы, но и возможности участвовать в социально значимом деле, чувствовать, что их работа приносит пользу. При создании системы управления талантами руководитель малого предприятия должен спроектировать образ будущего, частью реализации которого захотят стать таланты.

Результаты исследования

Эффективное управление талантами требует комплексного подхода и использования апробированных в современной практике кадровых технологий. Их освоение открывает возможность не только оценивать эффективность работы компетентных и талантливых кадров, но и поддерживать обучение и профессиональное развитие, вовлеченность и мотивацию работников трудового коллектива. На основе результатов проведенного анализа, автором разработан комплекс мероприятий по совершенствованию управления системной адаптацией, структурированной по этапам управления талантами.

Формирование управления талантами начинается с перехода от неформальных практик к системным управленческим решениям. Так, анализ системы управления талантами в Московском бюро переводов, показал, что HR-инфраструктура функционирует вместе с неформальными практиками рекрутинга, без структурированных программ и удержания, что приводит к высокой текучести на ключевых позициях организаций. Исходя из отмеченного, было предложено разработать и формализовать стратегию управления талантами, ключевые HR-процессы (подбор, адаптация, оценка, развитие); учредить профили должностей с описанием компетенций; разработать регламенты, учитывающие специфику деятельности малого предприятия.

Наличие стратегии в области талантов станет фундаментом качественного развития организации, нацеленного на рост количественных показателей при оптимальных затратах на развитие кадрового состава. В рамках этой стратегии формализуются ключевые HR-процессы:

1. Привлечение талантов. Привлечение талантов в условиях ограниченного бюджета требует креативного подхода. При том, что 85% работодателей сталкиваются с кадровым дефицитом, HR-бренд становится критическим фактором конкурентоспособности. По определению hh.ru, «именно для небольших предприятий HR-бренд способен стать компенсацией ограниченных ресурсов. Там, где невозможно конкурировать с высокими зарплатами и льготами, важное значение имеют нематериальные факторы – вовлеченность, гибкий график и удаленная работа, ценности и атмосферность». Доступные практики развития управленческого бренда компаний малого предпринимательства включают:

– стажировки молодых специалистов с возможностью профессионального развития внутри компании. В ходе социологического исследования определено, что до 60% новых сотрудников могут приходить из числа стажеров, а затраты на подбор снижаются до 40%;

– Активное присутствие в социальных сетях и профильных площадках (VC.ru, AdPass, Workspace) с публикацией контента о команде, ценностях, процессах адаптации;

– Сбор и публикация анонимных отзывов сотрудников на платформах (DreamJob, hh.ru). Рейтинг компании отображается в карточке вакансии, формируя доверие у кандидатов.

К наиболее эффективным стратегиям относим:

– развитие бренда работодателя через социальные сети и профессиональные сообщества. Современные соискатели все чаще выбирают компании по ценностям культуры, которую им важно разделять;

– использование внутренних рекомендаций сотрудников. В малом бизнесе «сарафанное радио» часто оказывается эффективнее дорогостоящих рекрутинговых кампаний;

– Делать акцент в управлении человеческими ресурсами на нематериальных преимуществах компании: возможности быстрого карьерного роста, участие в социально-значимых проектах, гибкий график работы.

2. Оценка и аудит. Для малого предприятия важно минимизировать ошибки при подборе кадров, с учетом того обстоятельства, что каждый сотрудник призван оказывать заметное влияние на общий результат коллектива. В этих целях рекомендуется использовать следующие подходы:

– для соискателей**:** комплексное собеседование с оценкой как профессиональных навыков (hard skills), так и личностных качеств (soft skills);

– для работающих сотрудников: периодическое проведение аудита кадрового потенциала с использованием Performance Review и метода 360 градусов;

– испытательный срок с четкими критериями оценки эффективности.

Создание профиля «идеального сотрудника» для ключевых позиций позволяет сократить издержки на подбор и повысить качество отбора.

3. Обучение и развитие кадрового состава. Разработка индивидуальных планов профессионального развития для перспективных сотрудников, совершенствование программ наставничества, менторинга, корпоративного коучинга, создание внутриорганизационной «Базы знаний». Непрерывное развитие команды является конкурентным преимуществом. К малозатратным и практичным форматам обучения относятся:

– краткие по продолжительности, но интенсивные по содержанию курсы и внутренние воркшопы. Участие в этом процессе опытного наставника ускоряет адаптацию молодого специалиста на 40% и снижает риск его ухода из компании в первый год работы;

– онлайн-платформы и вебинары. Использование доступных решений позволяет внедрять системный подход в обучении без крупных затрат;

– обучение с использованием разбора кейсов на рабочих задачах (деловые ситуации), что особенно эффективно в условиях функциональной гибкости малых предприятий.

Ключевым принципом управления адаптацией персонала являются профессиональные знания, которые актуальны к применению в трудовой деятельности. Поэтому, образовательные программы в большинстве своем ориентированы на решение конкретных задач бизнеса и предпринимательства: освоение навыков продаж, улучшение клиентского сервиса, освоение новой учебной программы или развивающей технологии.

Исследования показывают, что интеграция цифровых инструментов и корпоративной культуры повышает привлекательность малых предприятий как работодателя. При этом важно, чтобы обучение не воспринималось начинающими работу сотрудниками как нечто, что «нужно руководителю», а как улучшение качества их профессиональной жизнедеятельности.

4. Мотивация и удержание. В сфере малого бизнеса система мотивации предполагает сочетание материальных и нематериальных стимулов. Согласно двухфакторной теории мотивации при ограниченности финансовых ресурсов именно мотиваторы (признание, достижения, ответственность, репутация) имеют особо важное значение. По итогам исследования по итогам исследования разработана двухуровневая модель разработана двухуровневая модель мотивации, включающая:

– для руководителей и наставников в компании: бонусы с учетом успе-

хов подопечных в рамках наставничества;

– Для сотрудников: индивидуализированный подход с учетом карьерных амбиций, включения в процесс принятия решений, баланса работы и личной жизни, открытой обратной связи и признания заслуг.

Особая роль принадлежит созданию в трудовом коллективе комфортной рабочей среды (гибкий график, удаленная работа, позитивный климат). Значимость нематериальной мотивации в современных организациях весьма значительна, особенно при поиске, отбору, развитию талантливых молодых специалистов. Важная роль принадлежит адаптации систем мотивации к поколенческой специфике трудового коллектива.

6. **Цифровизация HR-процессов.** Современные цифровые инструменты позволяют малым предприятиям автоматизировать рутинные HR-задачи без значительных инвестиций. Доступные для использования молодыми и творчески ориентированными кадрами решения включают:

– системы управления персоналом (HRIS) для ведения записей сотрудников, управления отпусками и учета рабочего времени;

– инструменты для найма и онбординга с автоматизацией задач для новых сотрудников;

– платформы для оценки эффективности с проведением структурированных проверок и опросов.

Использование доступных и экономичных решений позволяет малым предприятиям внедрять системный подход в управлении персоналом без значительных финансовых затрат.

На основе проведенного анализа автором сформирован план поэтапного внедрения системы управления талантами на малом предприятии.

Этап 1. Подготовительный (1-2 месяца)

– Формирование рабочей группы (руководитель, ключевые сотрудники, HR).

– Аудит текущего состояния HR-процессов.

– Определение бизнес-целей и приоритетных направлений.

Этап 2. Разработка стратегии (2-3 месяца)

Создание профилей «идеального сотрудника» для ключевых позиций.

– Формирование модели компетенций.

– Разработка регламентов: подбор, адаптация, оценка, развитие.

– Определение ценностного предложения работодателя (EVP) как основы HR-бренда

Этап 3. Аудит и оценка (2 месяца)

– Проведение аудита кадрового потенциала действующих сотрудников.

– Выявление высокопотенциальных сотрудников (HiPo).

– Определение зон развития для каждого сотрудника.

Этап 4. Внедрение ключевых инструментов (3-6 месяцев)

– Запуск системы адаптации (наставничество, план введения).

– Внедрение регулярной оценки эффективности (Performance Review).

– Разработка индивидуальных планов развития для ключевых сотрудников.

– Создание системы мотивации (материальной и нематериальной).

– Внедрение доступных HR-цифровых инструментов.

Этап 5. Мониторинг и корректировка (постоянно)

– Регулярный сбор обратной связи от сотрудников.

– Анализ метрик: текучесть, вовлеченность, производительность.

– Корректировка системы по результатам мониторинга.

Предложенный план внедрения системы управления талантами, не подразумевает высоких финансовых рисков для организации, поскольку предполагает поэтапное внедрение производственных процессов, позволяющее постепенно адаптировать организацию к изменениям в работе с персоналом. На всех этапах важное значение имеет методология и организация контроля эффективности системы управления адаптацией талантов с помощью метрик вовлеченности и производительности, а также корректировки мер при необходимости повышения эффективности.

Совершенствование системы управления талантами в организации считается одной из весьма значимых задач управления человеческими ресурсами компании, а по сути - ее стратегическим ресурсом. Субъект кадровой политики компании должен аккумулировать и развивать человеческий капитал, превращая талантливых сотрудников в движущую силу роста и развития. Только системное и комплексное управление, поддерживаемое современными кадровыми технологиями и вовлечённостью руководства, позволяет добиться устойчивых результатов, повысить мотивацию и снизить текучесть кадрового состава.

Дальнейшие исследования целесообразно продолжить в направлении разработки методик количественной оценки экономической эффективности внедрения систем управления талантами в малом бизнесе, а также на изучение влияния поколенческой специфики сотрудников на эффективность различных мотивационных инструментов.

Выводы

Результатами исследования подтверждено, что управление талантами

является стратегическим приоритетом для малых предприятий, особенно в условиях кадрового дефицита, высокой текучести и ограниченности человеческих ресурсов. Разработанный комплекс практических рекомендаций включает адаптированные для малого бизнеса инструменты: стратегическое планирование, профилирование должностей, многоуровневую оценку, индивидуальные планы профессионального развития, программы наставничества, гибкую систему мотивации и регулярный мониторинг.

Ключевая идея управленческих решений должна состоять в научно-обоснованной формализации и систематизации социально-значимых процессов, что позволит перейти от реактивного к проактивному управлению человеческими ресурсами в организации. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их применения на малых предприятиях различных отраслей для повышения эффективности кадровой работы компаний, снижения текучести и укрепления конкурентных позиций в бизнес-среде.

Список литературы:

1. Антоев Е.П. Оценка кадрового потенциала для формирования команды в организации // Универсум: экономика и юриспруденция. 2023. № 5 (104). С. 14-16.
2. Ван Юе. Управление талантами в условиях ограниченных ресурсов малых и средних предприятий: стратегии привлечения и развития персонала // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 10. С. 1354-1360.
3. Гарянина Е.В. Мотивационный профиль малого и среднего бизнеса: парадоксы привлечения и удержания молодых специалистов // Известия ДФУ. Экономика и управление. 2026. № 1. С. 1-18.
4. Гуриева Л.К., Абаев К.Г. Развитие кадрового потенциала малого предприятия: монография. – Уфа: Аэтерна, 2023. 97 с.
5. Жаворонкова О.Р., Курзянков А.Э. Стратегия талант-менеджмента в практике отечественных организаций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2025. № 2 (107). С. 66-75.
6. Официальный сайт информационно-образовательного портала HRD // URL: https://thehrd.ru
7. Официальный сайт электронного журнала Контур // URL: https://kontur.ru
8. Официальный сайт электронного журнала Эксперт // URL: https://expert.ru/
9. Попов Р.О. Цифровая трансформация HR-процессов как фактор повышения эффективности управления человеческими ресурсами в малом и среднем бизнесе // Экономика и управление. 2025. № 11. С. 128-140.

Bibliography

1. Antoev E.P. Assessment of personnel potential for team formation in an organization // Universum: Economics and Law. 2023. № 5 (104). P. 14-16.
2. Wang Yue. Talent management amidst resource constraints in small and medium-sized enterprises: strategies for personnel attraction and development // Economics and Management. 2025. Vol. 31. № 10. P. 1354-1360.
3. Garyanina E.V. Motivational profile of small and medium-sized businesses: paradoxes of attracting and retaining young professionals // Bulletin of DFU. Economics and Management. 2026. № 1. P. 1-18.
4. Gurieva L.K., Abaev K.G. Development of personnel potential in a small enterprise: a monograph. – Ufa: Aeterna, 2023. 97 p.
5. Zhavoronkova O.R., Kurzyankov A.E. Talent management strategy in the practice of domestic organizations // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2025. № 2 (107). P. 66-75.
6. Official website of the HRD information and educational portal // URL: https://thehrd.ru
7. Official website of the Kontur electronic journal // URL: https://kontur.ru
8. Official website of the Expert electronic journal // URL: https://expert.ru/
9. Popov R.O. Digital transformation of HR processes as a factor in enhancing human resource management efficiency in small and medium-sized businesses // Economics and Management. 2025. № 11. P. 128-140.

Будаева Д.Ц.
Кандидат политических наук, доцент. Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ.

Политико-управленческая модель интеграции инокультурных иммигрантов в местное сообщество в условиях публичного управления

Постановка проблемы. В настоящее время Российская Федерация, как и большинство стран Европы, является государством-реципиентом, ежегодно принимающим значительное количество мигрантов. По оценкам ООН, Россия занимает четвертое место в мире по численности мигрантов, единовременно находящихся на ее территории[1]. По данным Совета Безопасности России на май 2026 г. в Российской Федерации находилось 6,1 млн. человек, что составляет примерно 4-5% от общей численности жителей[2].

Несмотря на общее сокращение численности мигрантов, пребывающих в нашей стране, наблюдаемое в последние годы, значительная их часть продолжает не просто временно присутствовать на российской территории, но и формирует устойчивые социальные связи, интегрируется в экономическую жизнь и рассматривает Россию как страну постоянного или долгосрочного пребывания. И здесь особенно актуальными становятся вопросы регулирования процессов интеграции и адаптации мигрантов в местное сообщество.

В современной научной литературе, российские ученые разделяют процессы адаптации и интеграции мигрантов. Как отмечает В.И. Мукомель, адаптация не предполагает взаимодействие и взаимообогащение культур, это процесс приспособления мигрантов к принимающему социуму, тогда как интеграция – это взаимодействие и взаимообогащение широкого круга социокультурных и этнополитических норм путем встречного движения культур[3].

Разъединительный подход к определению сущности миграции, разработанный В.И. Мукомелем, поддерживается многими российскими учеными[4]. По мнению В.Ю. Леденевой и Н.Г. Дехановой, процесс адап-

1 *Кодзокова Л.А.* Основы формирования миграционной политики в Российской Федерации / Л.А. Кодзокова, А.Д. Сайфутдинова, А.Г. Халимова // Право и управление, 2023. № 10. С. 35.

2 Иностранцы все реже въезжают в Россию. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8863341

3 *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В.И. Мукомель В.И. Мир России. 2011. № 1. С. 34-50.

4 *Илимбетова А.А.* Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы / А.А. Илимбетова //

тации присущ временным и возвратным мигрантам, прибывшим в Россию только для трудоустройства, а процесс интеграции относится к безвозвратным мигрантам, которые хотят остаться в стране пребывания на постоянное проживание. Названные авторы, продолжая свои рассуждения, пишут: «Указанное разделение чрезвычайно важно для организации политического менеджмента в сфере инкорпорирования мигрантов в принимающее сообщество. Игнорирование данного обстоятельства препятствует совершенствованию системы государственного управления социально-политическим процессом в рассматриваемой сфере общественных отношений»[5].

К числу государственных органов власти, поддерживающих позицию российских ученых, относилась Федеральная миграционная служба, разработавшая еще в 2014 г. проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»[6]. В нем были четко определены понятия «адаптация иностранных мигрантов» и «интеграция иностранных мигрантов». Это очевидно из следующего текста: «Социальная и культурная адаптация иностранных граждан – процесс освоения иностранными гражданами, временно пребывающими на территории Российской Федерации с целью осуществления временной трудовой деятельности, и членами их семей знакомства с русским языком, социальными и культурными, правовыми и экономическими нормами российского общества… социальная и культурная интеграция иностранных граждан – процесс освоения иностранными гражданами, временно или постоянно проживающими на территории Российской Федерации, русского языка, социальных, культурных, правовых, экономических норм российского общества на уровне, необходимом для постоянного проживания в Российской Федерации, формирования устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей между иностранными гражданами и российскими гражданами». В 2016 г. данное ведомство было упразднено и его начинания остались нереализованными.

Между тем, в Российской Федерации до сих пор не выработана чет-

Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2; *Леденёва В.Ю.* Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России: монография – М.: Изд-во РУДН, 2021; *Катаева О. В.* Проблемные вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество и некоторые пути их решения / О.В. Катаева // Вестник ВГУ. Сер. Право. 2020. № 1.

5 *Леденёва В.Ю.* Развитие и повышение привлекательности регионов Дальневосточного федерального округа в реализации Государственной программы по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников / В.Ю. Леденёва, Н.Г. Деханова // Социодинамика. 2020. № 3. С. 2-3.

6 О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации: проект федерального закона. // URL: https://mgimo.ru/upload/2018/10/FZ-o-adaptacii.pdf

кая стратегия государственной миграционной политики, отражающая не только процессы адаптации, но и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Более того, в Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы[7], основное внимание сконцентрировано на вопросах адаптации временных трудовых мигрантов и проблеме административного надзора за ними[8]. Вопрос интеграции фактически пропущен как в указанной Концепции, так и в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года[9]. Хотя в прежней версии стратегического документа, действовавшего до 2025 г. вопросы интеграции мигрантов были рассмотрены и включены в планы мероприятий и относились к ведению Федерального агентства по делам национальностей[10].

Отсутствие в действующем законодательстве специализированных норм, регламентирующих процессы интеграции иностранных граждан приводит к тому, что данное направление выпадает из поля системного внимания федеральных органов исполнительной власти.

Упразднение Федеральной миграционной службы и последовавшее «выпадение» интеграционной проблематики из актуальной повестки федеральных органов власти привели к тому, что вопросы включения инокультурных иммигрантов в принимающее сообщество оказались «подвешенными» между уровнями государственного и муниципального управления. Между тем именно на муниципальном уровне происходит непосредственное взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом, и именно на сотрудников местных органов власти возложена основная нагрузка по практическому взаимодействию с приезжими. Сложившееся политико-управленческое противоречие требует своего разрешения, что и обусловило необходимость разработки типовой модели инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество.

Методология и методика моделирования адаптации и интеграции инокультурных иммигрантов в местное сообщество. Основной теоретико-методологической базой настоящего исследования служит концепция публичного управления, развивающая идею целенаправленного

7 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: утв. указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738. // URL: https://docs.cntd.ru

8 Ведение реестра контролируемых лиц, дактилоскопическая регистрация и фотографирование личности, цифровизация процесса передачи сведений о результатах медицинского освидетельствования и т. д.

9 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: утв. указом президента от 25.11. 2025 года № 858 // URL: https://docs.cntd.ru

10 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. указом президента от 19 декабря 2012 года № 1666 (с изменениями на 15 января 2024 года) // URL: https://docs.cntd.ru.

регулирования общественных процессов без применения государственного принуждения и основанная на «кооперации» возможностей муниципальной власти, институтов гражданского общества, экспертов и населения. Возможность использования потенциала публичного управления значительно расширилась в условиях его конституционности и действия двух федеральных законов.[11]

При разработке модели мы опирались на структурный подход, использованный Г.И. Осадчей, В.Ю. Леденевой и Т.Н. Юдиной[12], однако принципиальное отличие нашей модели состоит в том, что она построена не по отраслевому, а по функционально-субъектному принципу, что позволяет привязывать виды деятельности к конкретным субъектам публичного управления и этапам пребывания мигранта.

К числу наиболее трудных и дискуссионных направлений политики содействия вхождению инокультурных иммигрантов в местное сообщество относится вектор, предусматривающий формирование толерантного отношения местного населения к вновь прибывшим лицам. В рамках предложенной модели мы, вслед за политическим философом Чарльзом Тейлором, который утверждает: «интегрировать вновь прибывших и бороться с дискриминацией можно только в том случае, если общество принимающей страны убеждено, что приток иммигрантов – это благо, если население приветствует большее культурное разнообразие, поскольку считает, что оно способствует более динамичному развитию»[13], – исходили из того, что политика адаптации будет эффективной лишь тогда, когда принимающая сторона воспринимает миграционный приток не как проблему, а как преимущество для развития локальной среды. Напротив, восприятие мигрантов как угрозы ведет к затруднениям как в их адаптации, так и в полноценной интеграции.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые и программные документы федерального, регионального и муниципального уровней в сфере миграционной политики, а также результаты серии глубинных интервью, проведенных с руководителями этнических диаспор в Республике Бурятия (период наблюдения – 2023–2025 гг.). Такой эмпи-

11 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», принятой в 2021 году и более десяти раз отредактированной за 2021-2025 гг.; «Об общих принципах организации местного самоуправления в системе публичной власти», принятой в 2025 году и отредактированной 09.04.2026 г.

12 *Осадчая Г.И.* Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные подходы / Г.И. Осадчая, В.Ю. Леденева, Т.Н. Юдина // Вопросы управления. 2024. Т.18. №3. С. 74.

13 Цит. по Бемаляну Р.Ф. Мультикультурализм: сущность и эволюция политической практики / Р.Ф. Бемалян // Вестник российской нации. 2019. № 2 (66). С. 104.

рический охват позволил выявить как общие закономерности, так и локальную специфику, что учтено при формулировке направлений модели.

Девять направлений модели выделены исходя из трех оснований: этап пребывания мигранта (первичная адаптация → углубленная интеграция); основной субъект публичного управления, реализующий данное направление; доминирующая технология управления (информационно-коммуникативная, организационно-правовая, социокультурная или контрольно-предупредительная). Включение контрольно-предупредительных мероприятий делает модель более сбалансированной и учитывающей риски.

Основные направления и способы инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество. Успех миграционной политики страны в значительной мере детерминирован способностью и возможностью муниципальных органов власти обеспечить эффективное управление миграционными процессами на местах. Необходимость структурирования основных направлений инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество обусловлена также тем, что органы местного самоуправления не имеют прямых юридических полномочий по полному урегулированию миграционных процессов, что полностью находится в компетенции федеральных органов власти. Поэтому муниципальная власть вынуждена самостоятельно разрабатывать и адаптировать управленческие технологии, адекватные локальной специфике.

В таблице 1 представлены девять направлений модели с указанием субъектов публичного управления, доминирующих технологий и основных способов реализации. Важно отметить, что роль экспертов в модели не ограничивается отдельными направлениями: эксперты привлекаются к разработке методических рекомендаций для всех направлений, участвуют в оценке эффективности и мониторинге рисков.

В основе направлений инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество лежит человеческое общение, осуществляемое через вербальные и невербальные каналы коммуникации. Коммуникативные технологии, таким образом, относятся к важнейшим механизмам, способствующим вхождению инокультурных иммигрантов в местное сообщество. При этом любая управленческая модель содержит риски, и наша – не исключение. Среди них: возможная пассивность гражданского общества, бюрократизация взаимодействия с НКО, неготовность муниципальных служащих к сетевым формам работы, а также асимметрия

информации между властью и мигрантскими сообществами. Поэтому внедрение модели должно сопровождаться постоянным мониторингом и обратной связью от всех участников процесса.

Таблица 1. Направления инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество и способы политико-управленческой практики муниципального образования.

№	Направления	Субъект публичного управления	Доминирующая технология	Основные способы (действия)
1	Формирование позитивного отношения местного населения к вновь прибывшим лицам	Муниципальная власть, СМИ, эксперты	Информационно-коммуникативная	Проведение информационно-разъяснительной работы о потребностях в пополнении не только трудовых ресурсов, но и местного народонаселения. Оптимизация информационной политики с целью преодоления мигрантофобии и этнофобии.
2	Создание привлекательного образа (имиджа) местного сообщества	Муниципальная власть, местные сообщества, НКО	Информационно-коммуникативная	Формирование позитивных знаний о культурной уникальности, природно-климатической специфике, экономическом и инфраструктурном потенциале муниципального образования.
3	Организационно-правовая адаптация и интеграция	Муниципальная власть, миграционные службы, НКО, образовательные учреждения	Организационно-правовая	Ознакомление с нормативно-правовыми актами, государственным языком, традициями и обычаями. Дифференциация требований для адаптирующихся (временные мигранты) и интегрирующихся (постоянные мигранты).
4	Формирование убеждений в важности социокультурного взаимодействия	Муниципальная власть, институты гражданского общества, образовательные и культурные учреждения, эксперты	Социокультурная	Поиск общих ценностных суждений, ослабление «инаковости» в дихотомии «мы – они». Развитие эмпатии и толерантности через взаимное знакомство с культурами.
5	Развитие непосредственной демократии среди инокультурных иммигрантов	Муниципальная власть, эксперты, общественные советы	Социокультурная	Включение мигрантов в процесс развития территории (общественные слушания, референдумы). Снижение отчуждения мигрантов от местных проблем при соблюдении баланса интересов с коренным населением.

6	Привлечение к деятельности национально-культурных центров	НКО, национально-культурные центры, муниципальная власть	Социокультурная	Защита и поддержка земляков, сохранение связи с исторической родиной, воспроизведение этнической культуры, выполнение интегративных функций.
7	Формирование духа солидарности и общей ментальности	Население, НКО, волонтерские организации, муниципальная власть, эксперты	Социокультурная	Привлечение мигрантов к волонтерству и добровольчеству. Формирование культуры взаимного доверия (социального капитала). Поддержка долгосрочных совместных проектов.
8	Противодействие формированию этнических анклавов[1]	Муниципальная власть, градостроительные службы, НКО, эксперты	Контрольно-предупредительная	Стимулирование смешанного проживания через жилищные программы, социальную рекламу и развитие инфраструктуры общего пользования. Отказ от жесткого административного расселения.
9	Противодействие монополизации сфер деятельности	Муниципальная власть, центры занятости, бизнес-сообщество, эксперты	Контрольно-предупредительная	Диверсификация занятости через программы профессиональной переподготовки как для мигрантов, так и для местных жителей. Перевод проблемы из этнической плоскости в экономическую.

Интегральные индикаторы оценивания результатов внедрения модели. Разработка модели была бы неполной без создания инструментария, позволяющего оценить результативность ее внедрения. Предлагаемая система интегральных индикаторов позволяет муниципальным образованиям не только диагностировать текущее состояние интеграционных процессов, но и выявлять проблемные зоны, требующие первоочередного управленческого вмешательства. Система индикаторов строится на следующих методологических основаниях: комплексность (охват всех девяти направлений модели), измеримость (использование количественных показателей), дифференциация по субъектам публичного управления и этапность (учет стадии реализации модели).

В таблице 2 представлены пять интегральных индикаторов, отражающих различные аспекты инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество. Для комплексной оценки эффективности внедрения модели предлагается агрегированный индекс эффективности, рассчитываемый как среднее арифметическое значение первых четырех индикаторов, скорректированное с учетом коэффициента межэтнической стабильности как контрольного показателя.

Таблица 2. Интегральные индикаторы оценивания результатов внедрения модели.

№	Индикатор	Сущность	Единица измерения	Метод сбора	Периодичность
1	Индекс межэтнической толерантности	Отражает уровень позитивного восприятия инокультурных иммигрантов местным населением, степень принятия культурного разнообразия и отсутствие мигрантофобии	Индекс (0–100)	Социологический опрос местного населения	Ежегодно
2	Уровень социального доверия (социальный капитал)	Показывает степень сформированности культуры взаимного доверия между инокультурными иммигрантами и местным населением, их готовность к совместной деятельности	Индекс (0–100)	Социологический опрос; анализ участия в совместных проектах	Ежегодно
3	Коэффициент институциональной вовлеченности мигрантов	Отражает степень включенности инокультурных иммигрантов в социально-политическую жизнь муниципального образования	% от общего числа мигрантов	Отчеты НКО, муниципальных органов власти	Ежегодно
4	Коэффициент социокультурной интеграции	Измеряет глубину реального вхождения инокультурных иммигрантов в местное сообщество (владение языком, знание традиций, социальные связи)	% от общего числа мигрантов	Социологический опрос; данные образовательных учреждений	Ежегодно (с отсрочкой 2–3 года)
5	Коэффициент межэтнической стабильности	Оценивает уровень социальной напряженности в сфере межэтнических отношений	Индекс (0–100)	Данные правоохранительных органов; мониторинг обращений; социологический опрос	Ежеквартально / ежегодно

Предложенные индикаторы обладают рядом преимуществ: измеримостью (все индикаторы имеют количественное выражение), доступностью (данные могут быть собраны на муниципальном уровне без привлечения дорогостоящих ресурсов), комплексностью (охватывают все девять направлений модели), динамичностью (позволяют отслеживать изменения во времени) и практической применимостью (результаты могут быть ис-

пользованы для корректировки муниципальных программ).

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, в Российской Федерации сложилось устойчивое политико-управленческое противоречие: при объективной потребности в интеграции инокультурных иммигрантов, обусловленной демографическими вызовами и долгосрочными интересами развития страны, отсутствует не только целостная государственная стратегия, но и нормативно-правовое закрепление данного процесса на федеральном уровне, что перекладывает ответственность на муниципальные образования, не обладающие необходимыми полномочиями и ресурсами.

Во-вторых, предложенная девятивекторная модель инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество, построенная по функционально-субъектному принципу, позволяет муниципальным образованиям выстраивать системную работу, учитывающую этап пребывания мигранта, субъекта публичного управления и доминирующую технологию. В отличие от существующих подходов, модель включает как позитивные интеграционные, так и контрольно-предупредительные направления, что обеспечивает баланс между содействием интеграции и управлением рисками.

В-третьих, разработанная система из пяти интегральных индикаторов и агрегированного индекса эффективности предоставляет муниципальным образованиям инструментарий для диагностики состояния интеграционных процессов, выявления проблемных зон и своевременной корректировки управленческих воздействий.

В-четвертых, внедрение модели сопряжено с рисками (пассивность гражданского общества, бюрократизация, неготовность кадров), что требует организации постоянного мониторинга и обратной связи от всех участников публичного управления. При этом модель не является догмой – она предполагает адаптацию к локальной специфике и корректировку в контексте меняющейся реальной ситуации.

Таким образом, разработанная модель и система индикаторов ее оценки представляют собой взаимосвязанный управленческий инструментарий, позволяющий муниципальным образованиям не только выстраивать системную работу по инкорпорированию инокультурных иммигрантов в местное сообщество, но и оценивать ее результативность, своевременно корректируя управленческие воздействия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (обновленный в 2020 году вариант) // URL: http://kremlin.ru.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: утв. указом президента от 15 октября 2025 г. № 738.// URL: https://docs.cntd.ru
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: федер. закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ // URL: https://base.garant.ru.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федер. закон в редакции от 09.04. 2026 г.// URL:http://pravo.gov.ru.
5. О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации: проект федерального закона // URL: https://mgimo.ru/upload/2018/10/FZ-o-adaptacii.pdf
6. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. указом президента от 19 декабря 2012 года № 1666 (с изменениями на 15 января 2024 года) // URL: https://docs.cntd.ru.
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: утв. указом президента от 25.11. 2025 года № 858 // URL: https://docs.cntd.ru
8. Бемалян Р.Ф. Мультикультурализм: сущность и эволюция политической практики /Р.Ф. Бемалян //Вестник российской нации. 2019, №2 (66). С. 104.
9. Иностранцы все реже въезжают в Россию. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8863341
10. Кодзокова Л.А. Основы формирования миграционной политики в Российской Федерации / Л.А. Кодзокова, А.Д. Сайфутдинова, А.Г. Халимова // Право и управление. 2023. № 10. С. 35.
11. Леденёва В.Ю. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России: монография / В.Ю. Леденёва, Л.А. Кононов. – М.: Изд-во РУДН, 2021.
12. Леденёва В.Ю. Развитие и повышение привлекательности регионов Дальневосточного федерального округа в реализации Государственной программы по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников / В.Ю. Леденёва, Н.Г. Деханова // Социодинамика. 2020. № 3. С. 2-3.
13. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В.И. Мукомель // Мир России. 2011. № 1. С. 34-50.
14. Осадчая Г.И. Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные подходы / Г.И. Осадчая, В.Ю. Леденева, Т.Н. Юдина // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 3. С. 74.
15. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation (2020 amended version) // URL: http://kremlin.ru.
2. Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030: approved by Presidential Decree № 738 of October 15, 2025 // URL: https://docs.cntd.ru.
3. "On General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation": Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021 // URL: https://base.garant.ru.
4. "On General Principles of the Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority": Federal Law (as amended on April 9, 2026) // URL: http://pravo.gov.ru.
5. "On the Social and Cultural Adaptation and Integration of Foreign Citizens in the Russian Federation": draft federal law // URL: https://mgimo.ru/upload/2018/10/FZ-o-adaptacii.pdf.
6. Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: approved by Presidential Decree № 1666 of December 19, 2012 (as amended on January 15, 2024) // URL: https://docs.cntd.ru.
7. Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036: approved by Presidential Decree № 858 of November 25, 2025 // URL: https://docs.cntd.ru.
8. Bemalyan R.F. Multiculturalism: Essence and Evolution of Political Practice / R.F. Bemalyan // Vestnik Rossiyskoy Natsii [Bulletin of the Russian Nation]. 2019, № 2 (66). P. 104.
9. Foreigners entering Russia less frequently // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8863341.
10. Kodzokova L.A. Fundamentals of Migration Policy Formulation in the Russian Federation / L.A. Kodzokova, A.D. Saifutdinova, A.G. Khalimova // Law and Administration. 2023. № 10. P. 35.
11. Ledeneva V.Yu. State and Municipal Regulation of Migrant Adaptation and Integration Processes in Modern Russia: Monograph / V.Yu. Ledeneva, L.A. Kononov. – Moscow: RUDN University Press, 2021.
12. Ledeneva V.Yu. Development and Enhancement of the Attractiveness of Regions in the Far Eastern Federal District within the Framework of the State Program to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots to the Russian Federation / V.Yu. Ledeneva, N.G. Dekhanova // Sociodynamics. 2020. № 3. Pp. 2–3.
13. Mukomel V.I. Migrant Integration: Challenges, Policy, and Social Practices / V.I. Mukomel // Universe of Russia. 2011. № 1. Pp. 34–50.
14. Osadchaya G.I. Integration Policy Regarding Foreign Migrants: Institutional Approaches / G.I. Osadchaya, V.Yu. Ledeneva, T.N. Yudina // Management Issues. 2024. Vol. 18. № 3. P. 74.
15. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Петрова С.И.
Кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Петров И.Ф.
Доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Скрытые механизмы реальности: онтологическое измерение проблемы

Переход от подготовительной работы классической метафизики к собственно современной постановке проблемы скрытых механизмов реальности совершился через концептуальный сдвиг. Его можно обозначить как онтологизацию эпистемологического вопроса. Если прежде речь шла о том, как познание проникает за поверхность явлений [смотрите нашу статью 13]. То теперь (и это радикальное изменение перспективы) вопросы ставятся о самом бытийном статусе того, что скрыто. Обладает ли сокрытое собственным модусом существования? Как соотносятся между собой уровни обнаруживающегося и утаиваемого? И не является ли сама структура реальности по существу многослойной? Так что сокрытие оказывается не дефектом познания, а онтологической характеристикой сущего как такового. В статье рассматриваются три ключевых поворота, через которые европейская мысль XIX–XX веков разрабатывает эту онтологическую проблематику. Наследие кантовской «вещи в себе». Концепции многослойной онтологии у Николая Гартмана и Мартина Хайдеггера. И структуралистское и постструктуралистское понимание скрытого как безличной структуры, организующей реальность изнутри.

Понятие «вещи в себе», введенное И. Кантом в «Критике чистого разума», представляет собой, наиболее концентрированное выражение проблемы скрытого в новоевропейской философии. В его структуре сходятся все основные напряжения, которые прежняя традиция лишь подготавливала. Различение явления и подлинной реальности. Вопрос о границах познания. Проблема отношения между тем, что дано сознанию. И тем, что лежит в основе этой данности. Сам И. Кант формулирует это разграничение со всей определенностью: «…предметы опыта никогда не даны сами по себе, а даны только в опыте и вне его вообще не существуют»

[9, с. 379]. И далее, еще более резко: «…что такое предметы сами по себе и независимо от этой восприимчивости нашей чувственности, остаётся нам совершенно неизвестным. Мы знаем только наш способ восприятия их…» [9, с. 89]. Вместе с тем кантовское решение (если это вообще можно назвать решением) оказалось настолько парадоксальным. Настолько нагруженным внутренними противоречиями, что породило весь последующий горизонт проблематизации скрытого в философии XIX–XX столетий.

Напомним исходный ход И. Канта. Согласно трансцендентальной эстетике и аналитике, все, что дано нам в опыте, неизбежно организовано априорными формами чувственности (пространством и временем). И категориями рассудка (субстанциальностью, причинностью, необходимостью и др.). Эти формы не извлекаются из опыта. Напротив, делают его возможным. Они суть условия, при которых нечто вообще может явиться сознанию как предмет. И. Кант обозначает это с предельной ясностью: «Условия возможности опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта» [9, с. 210]. Отсюда следует фундаментальный вывод. Мы познаем вещи не так, как они есть сами по себе. А так, как они являются нам. Будучи пропущены сквозь структуры нашей познавательной способности. За пределами этого «явления» остается нечто. То, что И. Кант называет «вещью в себе» или «ноуменом». И это нечто, по его собственному утверждению, не может быть познано теоретически. Оно должно мыслиться как необходимая граница и условие самого феноменального мира. «Понятие ноумена, - пишет И. Кант, - есть… только пограничное понятие, служащее для ограничения притязаний чувственности, и потому имеющее лишь негативное применение» [9, с. 310].

Уже в этой исходной постановке обнаруживается структурное напряжение, которое впоследствии стало предметом острой критики. Если вещь в себе совершенно недоступна. Тогда как вообще возможно говорить о ней. Тем более приписывая ей минимальный предикат существования. Предикат, который необходим для того, чтобы она функционировала в качестве границы познания? Не нарушает ли И. Кант собственный запрет, применяя категорию причинности к тому, что по определению лежит за пределами применимости категорий? Ведь вещь в себе, по его же словам, «аффицирует» чувственность. Эту апорию выразил Ф.Г. Якоби в знаменитой формуле: «…без этой предпосылки (вещи в себе) я не мог войти в систему, а с нею не мог в ней оставаться» [33, с. 304].

Эти вопросы, поставленные еще современниками: Ф.Г. Якоби, Г. Шульце, С. Маймоном. Определили траекторию немецкого идеализма. И. Фихте, Ф. Шеллинг и Г. Гегель, каждый по-своему, стремились устранить «вещь в себе». Как недопустимый остаток догматической метафизики внутри критической философии. «Растворив» ее либо в деятельности самополагающего Я (И. Фихте). Либо в тождестве субъекта и объекта как двух полюсов абсолютного (Ф. Шеллинг). Либо в диалектическом движении понятия. В котором всякая инаковость в конечном счете оказывается моментом саморазвертывания духа (Г. Гегель).

Однако примечательно, что устранение «вещи в себе» в немецком идеализме не упраздняет проблему скрытого. Она лишь смещает ее. У Г. Гегеля, например, сущность не противостоит явлению как недоступная «по ту сторону». Напротив, как формулирует сам Г. Гегель: «сущность должна являться» и «явление есть то, что есть вещь сама по себе, или вещь в её истине» [2, с. 122]. В «Феноменологии духа» эта мысль доведена до предельной четкости: «За так называемым занавесом, который должен скрывать внутреннее, нечего видеть, если мы сами не зайдём за него…» [3, с. 89]. Но это не означает, что все лежит на поверхности. Напротив, феноменология духа есть последовательное раскрытие того, что в каждой фигуре сознания скрыто. И что становится явным лишь в ходе диалектического движения. Скрытое здесь – не трансцендентный объект. А имманентная глубина. Глубина, которая разворачивается во времени истории. Это принципиально иная модель сокрытия. Не пространственная (что-то находится «за» явлениями), а темпоральная и процессуальная (что-то еще не пришло к своей полноте).

Параллельно и в противовес идеалистической ассимиляции «вещи в себе» А. Шопенгауэр в «Мире как воле и представлении» совершает радикальный ход. Он утверждает, что вещь в себе все же доступна. Но не теоретическому познанию, а через иной путь. Через внутренний опыт собственного тела, который открывает нам реальность как волю. «Этим словом «воля», - пишет А. Шопенгауэр, - бозначается… то, что составляет внутреннюю сущность всякой вещи в мире и единственное ядро каждого явления» [20, с. 161]. Представление – это кантовское явление. Оно упорядоченное пространством, временем и каузальностью. За ним скрывается не непознаваемый ноумен, а слепая, безосновная, метафизически единая воля. Проявляющая себя в бесчисленных объективациях: «…тело есть лишь объективированная, т. е. ставшая представлением, воля» [20, с. 154]. Показательно, что А. Шопенгауэр, казалось бы,

снимающий кантовский запрет на познание вещи в себе, на деле лишь перекодирует проблему. Воля остается тем, что никогда не дается непосредственно в форме объекта. Тем, что всегда ускользает от рассудочного схватывания. И открывается только через косвенные знаки. В страдании, в эстетическом созерцании, в аскетическом самоотрицании. Скрытое меняет свою природу, но сохраняет свой структурный статус того, что не совпадает с явлением.

Уже в этих ранних откликах на И. Канта вырисовывается принципиальная развилка, которая будет определять дальнейшую судьбу проблемы. С одной стороны, линия, настаивающая на окончательной непознаваемости подлинной реальности. На том, что познание по самой своей структуре обречено иметь дело лишь с представлениями. Конструкциями, моделями, тогда как «само по себе» навсегда ускользает. Эта линия ведет через неокантианство (Г. Коген, Г. Риккерт, Э. Кассирер). Причем показательно, что уже Г. Коген стремится «очистить» кантианство от вещи в себе. Превратив ее в «пограничное понятие» внутри самой логики научного познания [21, с. 514]. Через определенные тенденции в позитивизме и прагматизме. К современным версиям эпистемологического скептицизма и конструктивизма. С другой стороны, линия, отвергающая саму дихотомию явления и вещи в себе как ложно поставленную. Настаивающая на том, что реальность не скрывается за явлениями. А раскрывается в них и через них. Посредством них. Пусть и не сразу, не целиком, не без усилия. Эта линия проходит через гегельянство, феноменологию, герменевтику и сохраняет свое значение в современных онтологических проектах.

Особого внимания заслуживает то, как проблема «вещи в себе» переосмысливается в феноменологии Э. Гуссерля. И что еще важнее в критике феноменологии у позднего М. Хайдеггера и его последователей. Гуссерлевская программа «назад к самим вещам» на первый взгляд отменяет кантовское раздвоение: «Мы хотим вернуться к «самим вещам»», – пишет Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» [5, с. 6]. То, что является сознанию, и есть сама вещь, данная в своей смысловой конституции. Однако уже у Э. Гуссерля появляется фундаментальное понятие горизонта: «Всякий актуальный опыт указывает за свои собственные пределы на возможные опыты, которые, в свою очередь, указывают на новые возможные опыты» [4, с. 102]. Всякое предметное данное окружено полем непроявленных, но соприсутствующих возможностей опыта. Так что само явление всегда несет в себе отсылку к тому, что еще не явлено. Но

могло бы быть явлено. М. Хайдеггер радикализирует этот мотив, определяя саму истину как «несокрытость». Всегда сопряженную с сокрытием: «К сущему как таковому принадлежит… сокрытие в двойственном смысле – отказ и искажение» [19, с. 18]. Здесь скрытое из «другой стороны бытия» превращается в структурный момент самой явленности. Но при этом не теряет своей проблематичности. А лишь приобретает более тонкий, внутренне дифференцированный характер.

Наконец, в контексте современной философии науки проблема «вещи в себе» обретает новое дыхание в дискуссиях между научным реализмом и антиреализмом. Реалист утверждает, что успешные научные теории дают нам истинное описание скрытой структуры мира. Электронов, кварков, искривлений пространства-времени. В формулировке Х. Патнэма: «позитивный аргумент в пользу реализма состоит в том, что он есть единственная философия, которая не превращает успех науки в чудо» [37, с. 73]. Антиреалист возражает, что теории суть лишь эффективные инструменты предсказания. Так, Б. Фраассен утверждает: «Принять теорию – значит лишь полагать, что она эмпирически адекватна», а вопрос о том, какова реальность за пределами наблюдаемого, выносится за скобки [23, с. 12]. Нетрудно увидеть, что эта дискуссия воспроизводит на новом материале кантовскую апорию. Как соотносится то, что дается нам в организованном опыте? Пусть и опыте, опосредованном приборами и математическими моделями. С тем, что есть безотносительно к способам нашего доступа. Тот факт, что этот вопрос по-прежнему порождает живые дебаты, свидетельствует, что проблема «вещи в себе» не была ни окончательно решена. Ни окончательно отброшена. Она продолжает структурировать философское поле, меняя свои формулировки, но сохраняя своё ядро.

Если проблема «вещи в себе» ставит вопрос о скрытом в терминах дихотомии (познаваемое/непознаваемое, явление/ноумен), то разработанные в XX веке концепции многослойной, или стратифицированной, онтологии предлагают принципиально иной подход. Скрытое мыслится здесь не как абсолютно инаковое. Отрезанное от сферы явленного. А как различные уровни бытия. Находящиеся между собой в сложных отношениях зависимости, обоснования и обусловливания. Подлинная реальность не противопоставляется видимости как некая запредельная область. Она оказывается внутренне структурированной, иерархически организованной. И задача философии состоит не в прорыве за пределы явлений. А в тщательном прослеживании того, как различные слои суще-

го соотносятся друг с другом. Что на чем основано и каким образом одни уровни делают возможными другие. Сами при этом оставаясь в тени.

Наиболее систематическую разработку эта идея получила у Николая Гартмана. В обширном цикле работ («Основания онтологии», «Возможность и действительность», «Строение реального мира», «Философия природы») Н. Гартман развертывает проект онтологии, ядром которого является учение о четырех основных слоях бытия. Сам философ формулирует этот тезис так: «Реальный мир имеет ступенчатое строение. В нем отчетливо различимы четыре главных слоя: физически-материальный, органически-живой, душевный и духовный. Каждый из этих слоёв имеет свою собственную закономерность и свои собственные категории» [24, с. 191]. Каждый более высокий слой надстраивается над нижележащими. Опирается на них как на свое необходимое условие. Но при этом обладает собственными, несводимыми к низшим, категориальными структурами. Как подчеркивает Н. Гартман, «высшее всегда опирается на низшее, но не определяется им полностью; в высшем всегда привходит нечто новое, чего нет в низшем и что не может быть из него выведено» [25, с. 53]. Жизнь предполагает материю, но не может быть объяснена чисто физико-химическими законами. Душевная жизнь предполагает биологический субстрат, но содержит в себе феномены: интенциональность, переживание. Они не выводимы из биологии. Духовное бытие (язык, право, наука, искусство) надстраивается над индивидуальной психикой. Но образует надындивидуальные объективации со своими закономерностями.

Что это означает для проблемы скрытого? Прежде всего то, что скрытое перестает быть одним. Оно дифференцируется на множество различных типов сокрытия. Соответствующих различным межуровневым отношениям. Физические процессы, лежащие в основе жизни, скрыты в органическом явлении. В том смысле, что живое не дается нам сразу как совокупность молекулярных взаимодействий. Эти процессы не запредельны, они могут быть выявлены специальными методами (биохимией, молекулярной биологией). Здесь сокрытие имеет характер фундирования. Нижний слой несет верхний, оставаясь при этом частично утаенным в непосредственном явлении верхнего. Совершенно иной тип сокрытия обнаруживается в отношениях между уровнями в обратном направлении. Духовное содержание не сводится к психике своих носителей. И в этом смысле «скрывается» от всякой попытки редуцировать смысл к психическим процессам. Н. Гартман настаивает на различении

категорий разных уровней и предостерегает от того, что он называет «категориальными смешениями»: «Главная ошибка прежних онтологий состояла в том, что они переносили категории одного слоя на другой - в большинстве случаев категории низшего слоя на высший или, наоборот, категории высшего на низший. Так возникали то материализм, то спиритуализм - обе позиции одинаково ошибочны, ибо обе нарушают категориальную автономию слоев» [24, с. 215].

Особенно важна для нашей темы гартмановская концепция отношений между реальным и идеальным бытием. А также разработанное им учение о модальностях - возможности, действительности, необходимости. «Модальный анализ, - пишет Н. Гартман, - обнаруживает, что простая, на первый взгляд, действительность в действительности есть сложнейшее переплетение модусов: всякое реальное есть нечто, что может быть, что есть, и что в определённом отношении должно быть. Эти модальные слои в обыденном опыте слиты, и лишь онтологический анализ способен их различить» [26, с. 7]. В этих учениях Н. Гартман показывает, что реальность многослойна не только «вертикально» (от материи к духу), но и «горизонтально». Внутри каждого слоя действуют сложные переплетения того, что есть. Того, что может быть. И того, что должно быть. То, что представляется в опыте как простая действительность, при онтологическом анализе оказывается результатом сложной игры модальных отношений. Большая часть которых остается скрытой от обыденного взгляда. Философия, по Н. Гартману, есть прежде всего апоретика: «Подлинное философское искусство есть искусство видеть проблемы там, где обыденное сознание видит лишь готовые ответы. Систематическая видимость есть величайший враг философии: она маскирует нерешённое под решённое и тем закрывает путь к подлинному пониманию» [27, с. 19].

Совсем иначе, хотя и в родственном ключе, проблему уровней бытия разрабатывает Мартин Хайдеггер. Если у Н. Гартмана многослойность имеет скорее «региональный» характер (речь идет о различных областях сущего). То М. Хайдеггер с «Бытия и времени», ставит вопрос иначе. Его интересует не структура сущего в его различных проявлениях. А онтологическое различие. Различие между сущим и бытием как таковым. «Бытие сущего, - пишет М. Хайдеггер, - само не есть сущее» [28, с. 6]. Это различие не есть различие между двумя разными сущими. Не есть разделение на два класса предметов. Это скорее различие между тем, что есть, и самим бытием этого что-то-есть. Тем неуловимым измерением, благо-

даря которому сущее вообще может показываться как сущее. Которое само никогда не является сущим среди других.

Уже здесь, в самом исходном пункте хайдеггеровской мысли, мы встречаем фундаментальную фигуру скрытого. Скрытого в совершенно особом смысле. «То, что в исключительном смысле остается скрытым или вновь впадает в сокрытость, или показывается лишь искаженно, есть не то или иное сущее, но... бытие сущего» [28, с. 35]. Бытие не скрыто так, как скрыт от наблюдателя удаленный объект. Или как скрыта от невооруженного глаза микроскопическая структура. Оно скрыто структурно. По существу, в силу самой своей природы. Оно всегда уже предполагается в любой встрече с сущим. Оно делает возможным всякое явление. Именно поэтому в самом явлении оно отступает. Уходит в тень. Предоставляет сцену сущему. М. Хайдеггер разрабатывает для обозначения этой специфической двойственности целый концептуальный ансамбль. Алетейя как несокрытость, всегда несущая в себе момент сокрытия. Просвет как открытое пространство, в котором сущее может выйти из темной чащи и показаться. Который сам остается незаметным именно потому, что в нем все показывается. «Просвет, - поясняет М. Хайдеггер, - есть открытое для всего присутствующего и отсутствующего» [29, с. 75].

Решающим для нашей темы является хайдеггеровское переосмысление греческого понятия истины - алетейя. В привычном переводе это слово передается как «истина». М. Хайдеггер настаивает на его буквальном значении: «Алетейя означает: несокрытость сущего. Но есть ли это уже определение существа истины? Мы выдадим простое именование этого слова за определение существа, лишь если переведем алетейя не словом «истина», а более точно: «несокрытость»» [30, с. 33]. В такой интерпретации истина с самого начала несет в себе указание на свою противоположность. Сокрытие, как на нечто ей внутренне присущее. «К существу истины как несокрытости, - продолжает М. Хайдеггер, - принадлежит это противо-сущее сокрытия... Истина в своем существе есть не-истина» [30, с. 40–41]. Всякое обнаружение есть одновременно и сокрытие: открывая одно, мы всегда неизбежно затеняем другое. Каждый способ, которым сущее являет себя, есть одновременно и способ, которым оно утаивает иные свои возможности. Это не недостаток познания. А онтологическая характеристика самого бытия. Бытие есть как эта неразрывная игра несокрытости и сокрытия. И всякая попытка устранить сокрытие. Представить реальность как совершенно прозрачную и исчерпаемо познаваемую. Представляет собой, по М. Хайдеггеру,

фундаментальное забвение бытия. То самое, о котором он пишет: «Забвение бытия есть забвение различия бытия и сущего... История бытия начинается с забвения бытия» [31, с. 336].

Такая постановка вопроса имеет далеко идущие следствия для всей проблематики скрытых механизмов реальности. Во-первых, она подрывает саму идею окончательного проникновения в «подлинную» реальность, стоящую за явлениями. Такого окончательного проникновения не может быть не потому, что реальность слишком сложна или что наш ум слишком слаб. А потому, что сама реальность устроена как процессуальное свершение. В котором обнаружение и сокрытие всегда идут рука об руку. Во-вторых, она переориентирует философскую задачу. Вместо того чтобы стремиться к полному разоблачению скрытого. Мыслитель призывается к тому, чтобы научиться соответствовать самой двойственной природе бытия. Быть внимательным к тому, что показывается, и одновременно к тому, что при этом отступает в тень. Сохранять открытость к тому, что не дается прямому схватыванию. В-третьих, она сближает философский дискурс с поэтическим. Неслучайно поздний М. Хайдеггер все настойчивее обращается к Ф. Гельдерлину, Р. Рильке, Г. Траклю. К поэтам, чье слово, по его мнению, способно хранить память о скрытом измерении бытия там, где понятийный язык философии склонен к его забыванию. «Мыслитель говорит бытие. Поэт именует святое» [32, с. 312], формулирует эту близость и одновременно различие сам М. Хайдеггер.

Сопоставление Н. Гартмана и М. Хайдеггера показывает, что «многослойная онтология» не есть нечто единое. Перед нами две существенно разные стратегии мышления о скрытом. Н. Гартман движется в духе научной, категориально-аналитической работы. Он картографирует различные регионы сущего. Устанавливает между ними отношения фундирования и автономии. Стремится к прозрачной систематизации. М. Хайдеггер же настаивает на том, что сама эта картографическая стратегия уже предполагает забвение более глубокого (онтологического) измерения. Измерения, в котором речь идет не о слоях сущего, а о самом событии бытия как игре сокрытия и несокрытости. Однако при всем различии их объединяет общий мотив. Реальность нельзя мыслить одноплоскостно. Как простую совокупность фактов, лежащих на поверхности. Она внутренне расслоена, многомерна, и задача мысли состоит в том, чтобы удерживать эту многомерность, не сводя ее ни к плоскому эмпиризму. Ни к абстрактному метафизическому дуализму «явления и подлинной реальности».

Третий решающий поворот в онтологическом осмыслении проблемы скрытого совершился во второй половине XX века, когда в работах структуралистов и их постструктуралистских наследников сокрытое обретает новое лицо. Лицо структуры. В отличие от кантовской «вещи в себе», структура не является трансцендентной реальностью, лежащей за пределами опыта. В отличие от хайдеггеровского бытия, она не обладает квазисакральной глубиной. Структура скрыта иначе. Она есть то, что организует наблюдаемое изнутри, что делает возможными значения, действия, феномены культуры. Но само при этом не дается непосредственному наблюдению, а должно быть реконструировано через кропотливый анализ ее проявлений. Скрытое здесь – не потустороннее, а имманентное. Не субстанция, а порядок. Не предмет. А логика, которой подчиняются предметы.

Истоки такого понимания восходят к структурной лингвистике Фердинанда де Соссюра, чей «Курс общей лингвистики» произвел один из самых значительных концептуальных переворотов XX столетия. Решающим ходом Ф. Соссюра было различение речи. Индивидуальных, конкретных актов говорения. И языка - системы знаков, существующей в сознании говорящего сообщества и делающей эти акты возможными. Ф. Соссюр формулирует это с следующим образом: «Язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента вытекает только из одновременного наличия прочих» [14, с. 147]. И далее: «В языке нет ничего, кроме различий… в языке есть только различия без положительных членов» [14, с. 152]. Никто никогда не видит и не слышит язык как таковой. Слышна всегда лишь речь, конкретные высказывания. Но каждое такое высказывание возможно лишь потому, что за ним стоит невидимая, строго упорядоченная система различий. По отношению к которой каждый знак приобретает свое значение. Значение, по Ф. Соссюру, не есть свойство отдельного знака. Оно есть результат дифференциального отношения этого знака ко всем другим в системе. Таким образом, за поверхностью языкового поведения обнаруживается скрытая реляционная структура. Которая не локализована ни в одном отдельном знаке, ни в сознании отдельного говорящего. Она «живет» в сообществе как анонимный объективный порядок.

Этот соссюровский ход: выявление за явлениями скрытой дифференциальной системы. Был перенесен в философскую антропологию Клодом Леви-Строссом. Он увидел в нем ключ к пониманию человеческой культуры в целом. В «Структурной антропологии», «Сыром и вареном»,

«Мифологиках» К. Леви-Стросс развертывает грандиозный проект. Показывает, что мифы, системы родства, кулинарные коды, ритуалы на глубинном уровне подчиняется строгим логико-математическим закономерностям. Бинарным оппозициям и медиационным операциям. Его программное заявление не оставляет в этом сомнений: «Бессознательная деятельность ума состоит в наложении форм на содержание; и если эти формы в основе своей одинаковы для всех умов - древних и современных, первобытных и цивилизованных…, то необходимо и достаточно достичь бессознательной структуры, лежащей в основе каждого института или обычая, чтобы получить принцип истолкования, действительный и для других институтов и обычаев» [12, с. 35]. Индивид, рассказывающий миф, не сознает этих структур - они структурируют его рассказ. Участник ритуала не знает алгебры, которой подчиняются его действия. Но эта алгебра действует в нем. Более того, как замечает сам К. Леви-Стросс, «мы не претендуем показать, как люди мыслят в мифах, но как мифы мыслят себя в людях, и без их ведома» [35, с. 20]. Скрытое здесь есть бессознательная структура культуры. Не в психоаналитическом, а в категориально-логическом смысле. Это не вытесненные желания, а безличная решетка различий, сквозь которую культура производит свои смыслы.

Параллельно и под влиянием лингвистического структурализма Жак Лакан совершает революцию в психоанализе. Формулирует свой знаменитый тезис: «бессознательное структурировано как язык» [11, с. 28]. У Зигмунда Фрейда бессознательное оставалось все еще во многом «субстанциальной» инстанцией. Вместилищем вытесненных влечений. Энергетической системой, подчиняющейся особой экономике. Ж. Лакан перекодирует его в регистре соссюровской лингвистики. Бессознательное есть цепь означающих, в которой субъект оказывается размещен и через которую его желание движется. Никогда не достигая окончательного означаемого. «Означающее, - пишет Ж. Лакан, - есть то, что представляет субъекта для другого означающего» [34, с. 819]. Субъект не владеет языком, а, напротив, «говорится» языком. Его самые интимные переживания, его симптомы, его сновидения суть эффекты скольжения означающих в бессознательной цепи. Знаменитая лакановская триада «реальное - воображаемое - символическое» задает специфическую онтологию скрытого. Символический порядок, невидимая сеть различий и законов, делает возможной всякую субъективность. Воображаемое предоставляет иллюзорные образы целостности. Реальное - то, что ускользает от символизации, «то, что всегда возвращается на то же самое место» [10, с. 49].

То, что возвращается как травматический остаток, не поддающийся записи в символической структуре.

Эта структуралистская парадигма. При всей ее методологической строгости - уже в 1960-х годах начинает подвергаться внутренней критике. Результатом которой становится то, что принято называть постструктурализмом. Важнейшей фигурой здесь является Жак Деррида. Его работа «О грамматологии» и сборник «Письмо и различие» поставили под вопрос саму идею замкнутой, стабильной структуры. Если структура состоит из дифференциальных отношений, считает Ж. Деррида, то в ней нет никакой окончательной точки опоры. Никакого трансцендентального означаемого. Означаемого, которое закрепило бы игру различий и остановило бы ее: «отсутствие трансцендентального означаемого расширяет до бесконечности поле и игру означивания» [7, с. 411]. Всякая структура внутренне подорвана тем, что Ж. Деррида называет одновременно «различением» и «откладыванием»: «различание - это то, благодаря чему движение означивания оказывается возможным лишь при условии, что каждый так называемый «присутствующий» элемент… соотносится с чем-то иным, чем он сам, удерживая в себе след прошлого элемента и уже позволяя себе быть выдолбленным следом своего отношения к будущему элементу» [8, с. 39]. Значение всегда отсрочено. Всегда отсылает к другому значению. Никогда не присутствует в себе полностью. Скрытое здесь не структура, которую можно раскрыть. А сама невозможность окончательного раскрытия. Сама апория любого притязания на прямой доступ к означаемому. Деконструкция, в этом смысле, есть не метод разоблачения скрытого. А практика демонстрации того, как всякий текст, всякая система мысли сама себя подрывает изнутри. Несет в себе следы того, что она пыталась исключить, вытеснить, объявить внешним.

Иначе, но в том же общем горизонте работает Мишель Фуко. В «Словах и вещах», «Археологии знания», позднее в «Надзирать и наказывать» и «Истории сексуальности» он разрабатывает понятие эпистемы и диспозитива. Скрытых исторических априорий, которые в каждую эпоху задают условия возможности. Возможности того, что может быть сказано, помыслено, сделано. Эпистема, по определению самого М. Фуко, есть «то, что в данную эпоху отграничивает в общей сумме опыта область знания, определяет способ бытия объектов в этой области, наделяет повседневный взгляд теоретическими полномочиями и определяет условия, при которых можно высказать о вещах суждение, признаваемое истинным» [16, с. 197]. Эпистема классического века делает возмож-

ными одни формы знания и невозможными другие. Эпистема Нового времени радикально иначе структурирует отношения между словами и вещами. Эти структуры не лежат на поверхности исторических документов. Они должны быть реконструированы археологически. Как скрытый порядок, организующий высказывания, практики, институты. Позднее М. Фуко перемещает акцент с дискурсивных формаций на отношения власти-знания и на диспозитивы. «Решительно гетерогенные ансамбли, включающие дискурсы, институты, архитектурные решения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные высказывания, философские, моральные и филантропические положения» [22, с. 194]. Власть у М. Фуко (в качестве скрытой) не есть собственность какого-то субъекта: «Власть нужно понимать прежде всего как множественность отношений сил…; власть везде - не потому, что она все охватывает, а потому, что она отовсюду исходит» [15, с. 192]. Она циркулирует, пронизывает капилляры социального тела, производит субъектов, а не исходит от них.

Особое место в нашем аспекте рассмотрения проблемы занимает Жиль Делез. Разработавший самостоятельно («Различия и повторения») и совместно с Феликсом Гваттари в «Анти-Эдипе» и «Тысяче плато» радикально имманентистскую онтологию. В ней скрытое мыслится как виртуальное. Виртуальное у Ж. Делеза это не противоположность реальному, а полноценный модус реальности: «Виртуальное не противопоставляется реальному, а лишь актуальному. Виртуальное обладает полной реальностью в качестве виртуального» [6, с. 269]. Реальное, но не актуальное, действительное, но не явленное в виде оформленных предметов. За актуальными явлениями лежит план виртуальных интенсивностей. Различий, сингулярностей, которые актуализируются в конкретных формах. Никогда не исчерпываясь ни одной из них: «всякая актуализация виртуального… совершается через различие, расхождение или дифференциацию» [6, с. 273]. Эта онтология виртуального предлагает, наиболее изощренную модель скрытого в современной философии. Скрытое - не отсутствие. Не трансценденция. Не структура в статичном смысле. А динамический резервуар различий, из которого непрерывно порождается все актуальное.

Подводя итог этому третьему повороту, можно увидеть, что он совершает принципиальное преобразование проблемы скрытого в нескольких направлениях. Во-первых, скрытое десубстанциализируется. Оно перестает быть особого рода предметом или регионом реальности.

Становится отношением, порядком, логикой, игрой различий. Во-вторых, оно деперсонализируется. За явлениями обнаруживается не чья-то воля. Не субъективный замысел. А анонимная структура, действующая через индивидов, но не сводимая к их сознательным намерениям. В-третьих, оно имманентизируется. Скрытое не отделено от явленного онтологической пропастью. А пронизывает явленное как его внутренний принцип организации. Как условие возможности самого явления. И, в-четвертых, оно проблематизируется в новом смысле. Если для классической метафизики скрытое должно было быть раскрыто. То для постструктуралистской мысли всякое раскрытие есть частичное и само продуцирующее новые эффекты сокрытия. Поэтому задача состоит не в окончательном разоблачении, а в непрерывной работе по выявлению тех способов, которыми скрытые порядки формируют наш опыт, наше знание, нас самих.

Три рассмотренные в статье линии: наследие «вещи в себе»; многослойная онтология Н. Гартмана и М. Хайдеггера; структуралистское и постструктуралистское понимание скрытого как структуры, образуют единое проблемное поле современной онтологии скрытого. В этом поле проблема перестает быть лишь эпистемологической (вопросом о границах познания). И становится собственно онтологической. Вопросом о самом строении реальности. О том, как бытие устроено так, что оно необходимо включает в себя измерение сокрытия. И какие формы это сокрытие может принимать. Именно благодаря онтологической работы XIX–XX веков, становится возможным обратиться к конкретным формам скрытых механизмов, действующих в природе, обществе, человеческой психике и культуре.

Список литературы:

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В. Медведева. – СПб.: Наука, 2003. 639 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. Учение о сущности / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – М.: Мысль, 1971. 248 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. – СПб.: Наука, 1992. 444 с.
4. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2010. 229 с.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II, ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2011. 565 с.
6. Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с франц. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина. – СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.
8. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2012. 376 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в 8 т. Т. 3. / пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Мысль, 1994. 591 с.
10. Лакан Ж. Семинары. Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Пер. с франц. А. Черноглазова. – М.: Гнозис; Логос, 1999. 520 с.
11. Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Пер. с франц. А. Черноглазова. – М.: Гнозис; Логос, 2004. 304 с.
12. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с франц. В.В. Иванова. – М.: Наука, 1985. 536 с.
13. Петрова С.И., Петров П.И. Скрытые механизмы реальности: историко-философские истоки проблемы // Клио.

2026. № 6 (34). С. 293-298.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. А.М. Сухотина; под ред. и с прим. Р.О. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: A-cad, 1994. 408 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления (Мыслители XX века) / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. 447 с.
19. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге / пер. с нем. под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. С. 8-27.
20. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда. – М.: Наука, 1993. 672 с.
21. Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2. Aufl. – Berlin: Dümmler, 1885. 616 p.
22. Foucault M. Dits et écrits. T. III: 1976–1979. – Paris: Gallimard, 1994. 836 p.
23. Fraassen B.C. The Scientific Image. – Oxford: Clarendon Press, 1980. XI. 235 p.
24. Hartmann N. Der Aufbau der realen Welt: Grundriß der allgemeinen Kategorienlehre. – 3. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 1964. XX. 614 p.
25. Hartmann N. Neue Wege der Ontologie. – 4. Aufl. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1949. 124 p.
26. Hartmann N. Möglichkeit und Wirklichkeit. – Berlin: Walter de Gruyter, 1938. XX. 480 p.
27. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. – 4. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 1965. XVIII. 320 p.
28. Heidegger M. Sein und Zeit. – 19. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. XII. 445 p.
29. Heidegger M. Zur Sache des Denkens. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. IV. 91 p.
30. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit // Heidegger M. Wegmarken. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. – (Gesamtausgabe. Bd. 9). P. 177-202.
31. Heidegger M. Holzwege. – 8. Aufl. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. – (Gesamtausgabe. Bd. 5). XII. 382 p.
32. Heidegger M. Nachwort zu «Was ist Metaphysik?» // Heidegger M. Wegmarken. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. – (Gesamtausgabe. Bd. 9). P. 303-312.
33. Jacobi F. H. David Hume über den Glauben, oder Idealismus und Realismus // Jacobi F. H. Werke. Bd. 2. – Leipzig: Fleischer, 1815. P. 1-310.
34. Lacan J. Ecrits. – Paris: Editions du Seuil, 1966. 924 p.
35. Lévi-Strauss C. Mythologiques I: Le cru et le cuit. – Paris: Plon, 1964. – 402 p.
36. Poggeler O. Der Denkweg Martin Heideggers. – 3. Aufl. – Pfullingen: Günther Neske, 1990. 400 p.
37. Putnam H. Mathematics, Matter and Method: Philosophical Papers. Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. XVII. 365 p.
38. Werkmeister W. H. Nicolai Hartmann's New Ontology. – Tallahassee: Florida State University Press, 1990. XII. 232 p.
39. Гаева А.В. Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 1. (№ 52). С. 204-218.

Bibliography

1. Hartmann N. *Towards a Foundation of Ontology* / Trans. from German by Yu.V. Medvedev. – St. Petersburg: Nauka, 2003. 639 p.
2. Hegel G.W.F. *Science of Logic*: in 3 vols. Vol. 2. *The Doctrine of Essence* / Trans. from German by B.G. Stolpner. – Moscow: Mysl, 1971. 248 p.
3. Hegel G.W.F. *Phenomenology of Spirit* / Trans. from German by G.G. Shpet. – St. Petersburg: Nauka, 1992. 444 p.
4. Husserl E. *Cartesian Meditations* / Trans. from German by V.I. Molchanov. – Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2010. 229 p.
5. Husserl E. *Logical Investigations*. Vol. II, Part 1: *Investigations into Phenomenology and the Theory of Knowledge* / Trans. from German by V.I. Molchanov. – Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2011. 565 p.
6. Deleuze G. *Difference and Repetition* / Trans. from French by N.B. Mankovskaya, E.P. Yurovskaya. – St. Petersburg: Petropolis, 1998. 384 p.
7. Derrida J. *Writing and Difference* / Trans. from French by A. Garadzha, V. Lapitsky, S. Fokin. – St. Petersburg: Akademicheskiy Proekt, 2000. 432 p.
8. Derrida J. *Margins of Philosophy* / Trans. from French by D.Yu. Kralechkin. – Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2012. 376 p.
9. Kant I. *Critique of Pure Reason*. Works in 8 vols. Vol. 3 / Trans. from German by N.O. Lossky. – Moscow: Mysl, 1994. 591 p.
10. Lacan J. Seminars. Book II: The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis (1954/55) / Trans. from French by A. Chernoglazov. – Moscow: Gnozis; Logos, 1999. 520 p.
11. Lacan J. Seminars. Book XI: The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis (1964) / Trans. from French by A. Chernoglazov. – Moscow: Gnozis; Logos, 2004. 304 p.
12. Lévi-Strauss C. Structural Anthropology / Trans. from French by V.V. Ivanov. – Moscow: Nauka, 1985. 536 p.
13. Petrova S.I., Petrov P.I. Hidden Mechanisms of Reality: Historical-Philosophical Origins of the Problem // Klio. 2026. № 6 (34). P. 293-298.

14. Saussure F. de. Course in General Linguistics / Trans. from French by A.M. Sukhotin; ed. and with notes by R.O. Shor. – Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
15. Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Collected Works / Trans. from French by S. Tabachnikova. – Moscow: Kastal, 1996. 448 p.
16. Foucault M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences / Trans. from French by V.P. Vizgin and N.S. Avtonomova. – St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.
17. Heidegger M. Being and Time / Trans. from German by V.V. Bibikhin. – Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p.
18. Heidegger M. Time and Being: Essays and Lectures (Thinkers of the 20th Century) / Comp., trans. from German, and commentary by V.V. Bibikhin. – Moscow: Respublika, 1993. 447 p.
19. Heidegger M. On the Essence of Truth // Heidegger M. Discourse on Thinking / Trans. from German, ed. by A.L. Dobrokhotov. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1991. P. 8-27.
20. Schopenhauer A. The World as Will and Representation: in 2 vols. Vol. 1 / Trans. from German by Yu.I. Aikhenvald. – Moscow: Nauka, 1993. 672 p.
21. Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2. Aufl. – Berlin: Dümmler, 1885. 616 p.
22. Foucault M. Dits et écrits. T. III: 1976–1979. – Paris: Gallimard, 1994. 836 p.
23. Fraassen B. C. The Scientific Image. – Oxford: Clarendon Press, 1980. XI. 235 p.
24. Hartmann N. Der Aufbau der realen Welt: Grundriß der allgemeinen Kategorienlehre. – 3. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 1964. XX. 614 p.
25. Hartmann N. Neue Wege der Ontologie. – 4. Aufl. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1949. 124 p.
26. Hartmann N. Möglichkeit und Wirklichkeit. – Berlin: Walter de Gruyter, 1938. XX. 480 p.
27. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. – 4. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 1965. XVIII. 320 p.
28. Heidegger M. Sein und Zeit. – 19. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. XII. 445 p.
29. Heidegger M. Zur Sache des Denkens. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. IV. 91 p.
30. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit // Heidegger M. Wegmarken. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. – (Gesamtausgabe. Bd. 9). P. 177-202.
31. Heidegger M. Holzwege. – 8. Aufl. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. – (Gesamtausgabe. Bd. 5). XII. 382 p.
32. Heidegger M. Nachwort zu «Was ist Metaphysik?» // Heidegger M. Wegmarken. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. – (Gesamtausgabe. Bd. 9). P. 303-312.
33. Jacobi F.H. David Hume über den Glauben, oder Idealismus und Realismus // Jacobi F.H. Werke. Bd. 2. – Leipzig: Fleischer, 1815. P. 1-310.
34. Lacan J. Ecrits. – Paris: Editions du Seuil, 1966. 924 p.
35. Lévi-Strauss C. Mythologiques I: Le cru et le cuit. – Paris: Plon, 1964. – 402 p.
36. Poggeler O. Der Denkweg Martin Heideggers. – 3. Aufl. – Pfullingen: Günther Neske, 1990. 400 p.
37. Putnam H. Mathematics, Matter and Method: Philosophical Papers. Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. XVII. 365 p.
38. Werkmeister W. H. Nicolai Hartmann's New Ontology. – Tallahassee: Florida State University Press, 1990. XII. 232 p.
39. Gaeva A.V. Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 1. (№ 52). P. 204-218.

Хитарова И.Ю.

Доктор философских наук, профессор, Заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Одинцова Ю.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Рипачева Е.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Кораблева С.А.

Кандидат культурологии, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Николаева Е.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Формирование языковых компетенций студентов технических вузов: проблемы и практические решения

Введение

В современном инженерном образовании всё чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда студенты технических специальностей демонстрируют высокий уровень предметной подготовки, успешно решают сложные расчётные задачи и моделируют технические процессы, но испытывают серьёзные затруднения при оформлении письменных отчётов, составлении технической документации или устной презентации результатов своих разработок. Этот разрыв между профессиональными знаниями и языковой культурой становится особенно заметным на старших курсах и при переходе к реальной производственной деятельности. Нередко руководители предприятий, принимающие выпускников на работу, отмечают, что молодые специалисты не умеют писать служебные записки, аннотации к проектам или понятные для заказчика инструкции. Таким образом, проблема формирования языковых компетенций у студентов технических вузов перестаёт быть сугубо филологической и приобретает междисциплинарный, а во многом и практико-ориентированный характер [1].

Под языковой компетенцией инженера в данной работе понимается способность правильно, логично и уместно использовать языковые средства в устной и письменной профессиональной коммуникации с учётом адресата и ситуации общения. Данное определение, хотя и является достаточно общим, позволяет выделить несколько ключевых компонентов. Во-первых, это терминологическая компетенция – знание специальных слов и выражений и умение применять их без замены на бытовую или разговорную лексику. Во-вторых, грамматическая и стилистическая грамотность, то есть соблюдение норм русского литературного языка в профессиональных текстах. В-третьих, логико-композиционная компетенция – способность строить связный текст с чёткими переходами между частями, использовать средства логической связи (союзы, вводные слова, повторы). Наконец, четвёртый компонент – коммуникативно-прагматический, предполагающий учёт того, для кого и с какой целью создаётся текст. Опыт преподавания в техническом вузе показывает, что именно последний компонент часто оказывается наиболее слабым. Студенты пишут так, будто разговаривают сами с собой, не задумываясь о том, что их текст будет читать другой человек, возможно, не имеющий той же глубины погружения в тему [2].

Обсуждение

Для того чтобы получить более точное представление о реальном уровне языковых компетенций, авторами был проведён анализ письменных работ студентов младших и старших курсов (всего было проанализировано около 80 текстов: отчёты по лабораторным работам, курсовые проекты, рефераты, а также контрольные задания). Выборка включала студентов направлений «Информационные системы и технологии» (09.03.02), «Информационная безопасность автоматизированных систем» (10.05.03), «Информатика и вычислительная техника» (09.03.01), «Приборостроение» (12.03.01), «Управление в технических системах» (27.03.04), «Наземные транспортно-технологические средства» (23.05.01).

Оценивались такие параметры, как наличие терминологических замен, грамматические ошибки, логическая связность, использование вводных слов и союзов, а также соответствие стиля жанру. Результаты, конечно, нельзя назвать репрезентативными в строго научном смысле, но они дают вполне определённую картину. Терминологические замены (например, «крутится» вместо «вращается», «жидкость идёт» вместо «поток жидкости движется») встретились в 54% работ. Грамматические ошибки – в 45% (наиболее частые: нарушение управления, неправильное согласование, ошибки в падежных окончаниях). Нарушения логической связности между абзацами или внутри одного абзаца – в 62% работ. И самый высокий показатель – 78% – составили случаи смешения устного и письменного стиля, когда в официальном отчёте использовались разговорные обороты («потом берём», «в общем», «как бы»). Эти цифры, возможно, выглядят тревожно, но они вполне соответствуют данным, которые приводят другие исследователи [3].

Почему же стандартные учебники и методики, предназначенные для языкового курса зачастую не дают желаемого эффекта? Ответ, вероятно, кроется в нескольких факторах. Во-первых, большинство учебных пособий для нефилологических специальностей предлагают упражнения на абстрактном материале (предложения о природе, о людях, о бытовых ситуациях), который не воспринимается студентами-технарями как имеющий отношение к их будущей профессии. Во-вторых, языковые дисциплины обычно читаются на первом курсе и не имеют продолжения в последующих семестрах, тогда как навыки грамотного письма требуют постоянной тренировки и закрепления в профессиональных контекстах. В-третьих, крайне редко встречается обратная связь по форме речи со стороны преподавателей технических дисциплин: прове-

ряя курсовой проект, преподаватель-специалист обращает внимание на расчёты и схемы, но почти никогда не указывает на стилистические или грамматические ошибки в тексте пояснительной записки. В результате у студента формируется убеждение, что «главное – это формулы, а как написано – неважно». И это убеждение, к сожалению, остаётся с ним и после окончания вуза.

Исходя из описанных трудностей, авторами была предпринята попытка разработать и апробировать серию практических упражнений, ориентированных непосредственно на профессионально-речевые потребности студентов технических специальностей. Все упражнения строились на реальных или максимально приближенных к реальности технических текстах: фрагментах инструкций, патентов, технических заданий, описаний алгоритмов. Занятия проводились в течение одного семестра в экспериментальной группе (24 человека, направление «Автоматизация технологических процессов»), тогда как контрольная группа (22 человека) занималась по стандартной программе без использования разработанных заданий. Ниже описываются наиболее эффективные типы упражнений, которые показали значимый прирост показателей языковой компетенции [4].

Упражнение первого типа получило условное название «Перевод с разговорного на профессиональный». Студентам предлагалось несколько предложений, записанных в разговорном или бытовом стиле, и ставилась задача переписать их в официально-деловом или научно-техническом стиле с использованием специальной терминологии. Например, исходное предложение: «Чтобы мотор не перегревался, его надо иногда выключать и давать остыть». Ожидаемый вариант: «Для предотвращения перегрева электродвигателя следует предусматривать периодические интервалы охлаждения». Такие упражнения, как показала практика, эффективно снимают главную проблему – смешение устной и письменной речи. После двух-трёх подобных заданий студенты начинали самостоятельно замечать и исправлять разговорные обороты в своих собственных текстах. Частота использования бытовых замен в экспериментальной группе снизилась примерно на 40% (по данным анализа промежуточных контрольных работ).

Второй тип упражнений – это коллективное или парное редактирование реального студенческого текста (с сохранением анонимности). На экран или на лист выводился абзац из работы прошлых лет, содержащий типичные ошибки. Задача группы – найти все недочёты (терминологиче-

ские, грамматические, стилистические, логические) и предложить свои варианты исправления. Данный приём, известный в методике как «редакторский час», оказался весьма полезным по нескольким причинам. Во-первых, он развивает критическое отношение к тексту. Во-вторых, студенты видят, что ошибки бывают не только у них, и перестают стесняться. В-третьих, активное обсуждение помогает запомнить правильные варианты гораздо лучше, чем механическое выполнение упражнений из учебника. В экспериментальной группе после трёх таких занятий количество грубых стилистических ошибок в курсовых проектах уменьшилось, по приблизительным оценкам, более чем наполовину [5].

Третье упражнение ставило целью развитие прагматического компонента компетенции – понимания того, для кого пишется текст. Студентам предлагалось составить инструкцию по выполнению лабораторной работы (или описание технического устройства) в двух вариантах: для иностранного стажёра, только начинающего изучать язык (уровень A2), и для опытного инженера-коллеги. Выполнение этого задания, на первый взгляд, не слишком сложного, вызывало у многих затруднение именно в выборе лексики и синтаксических конструкций. Оказалось, что писать простыми предложениями и использовать только базовую терминологию труднее, чем привычный научно-технический стиль. Однако именно это упражнение, по отзывам студентов, оказалось наиболее приближённым к реальным рабочим ситуациям, где приходится объяснять сложные вещи людям разного уровня подготовки.

Четвёртый тип связан с развитием логической связности текста. Студентам выдавался текст из 4–5 абзацев, из которого были удалены все союзы, вводные слова и фразы-связки («однако», «следовательно», «таким образом», «во-первых», «во-вторых», «кроме того», «с другой стороны»). Задача заключалась в том, чтобы восстановить эти связки на подходящие места. Многие студенты, к удивлению преподавателей, не могли интуитивно определить, где нужен вывод, где – противопоставление, а где – простое перечисление. Систематическое выполнение этого упражнения (один раз в две недели на протяжении семестра) привело к тому, что в итоговых курсовых работах экспериментальной группы число логических сбоев снизилось с 62% до 28% (по сравнению с контрольной группой, где улучшение составило лишь до 55%). Разница, как видно, весьма существенна [6].

Пятое упражнение носило долгосрочный характер и называлось «Глоссарий своими руками». Каждый студент в течение семестра состав-

лял персональный глоссарий из 30 терминов по своей специальности. К каждому термину требовалось не только дать определение, но и придумать собственный пример использования в предложении (не скопированный из интернета). Затем в парах происходила взаимопроверка. Этот приём, хотя и трудоёмкий, позволяет превратить пассивное знание терминов в активное. Анализ письменных работ показал, что студенты, регулярно ведущие глоссарий, значительно реже заменяют термины бытовыми словами [7].

Кроме описанных упражнений, в экспериментальной группе использовались и другие приёмы: написание коротких (в 3–5 предложений) ответов на технические вопросы с обязательным контролем грамотности и логики; создание трёх версий одного текста (для технического отчёта, для презентации руководству, для блога); поиск и исправление ошибок в анонимных фрагментах реальной технической документации.

Для оценки эффективности предложенной методики в конце семестра было проведено контрольное тестирование в экспериментальной и контрольной группах. Тест включал три задания: написать аннотацию к предложенной технической статье (оценивались терминологическая точность, логическая связность, соответствие жанру), исправить ошибки в заданном тексте (стилистические, грамматические, логические), а также письменно ответить на вопрос по специальности с требованием использовать не менее пяти терминов из глоссария. Результаты сравнивались с предварительным тестированием, проведённым в начале семестра. В экспериментальной группе средний балл вырос с 58% до 82%, в контрольной – с 60% до 67%. Наиболее заметный прирост наблюдался по параметрам «терминологическая точность» (с 46% до 79%) и «логическая связность» (с 38% до 72%). Грамматическая грамотность улучшилась в меньшей степени (с 55% до 68%), что, вероятно, объясняется большей инерционностью грамматических навыков, требующих более длительного тренинга. Кроме того, в экспериментальной группе было проведено анонимное анкетирование, в котором 73% студентов отметили, что стали внимательнее относиться к своей письменной речи, а 68% согласились с тем, что полученные навыки пригодятся в будущей работе [8].

Однако было бы неверно представлять результаты как однозначно положительные без обсуждения возникших трудностей. Первая проблема – дефицит учебного времени. Полноценное выполнение всех описанных упражнений требует не менее 20–25 часов, что оставляет мало времени

на другие темы (например, официально-деловую переписку, публичную речь, нормы произношения). Вторая проблема – разный уровень подготовки студентов. В одной группе могут быть как практически грамотные студенты, так и те, кто делает по 10–15 ошибок на страницу. Универсальные упражнения для всех либо слишком легки для сильных, либо непосильны для слабых. Дифференциация заданий требует от преподавателя дополнительных временных затрат. Третья проблема – сопротивление части студентов, которые по-прежнему считают языковую подготовку ненужной для инженера. Несмотря на все приведённые аргументы и примеры из практики, около 15–20% студентов экспериментальной группы выполняли задания формально или пропускали их. По-видимому, для этой категории требуется более радикальное изменение мотивации, возможно, через привлечение работодателей [9].

Тем не менее, полученные результаты позволяют сделать несколько выводов и сформулировать рекомендации для преподавателей, работающих со студентами технических специальностей. Во-первых, отказ от абстрактных учебных текстов в пользу реальных профессиональных материалов значительно повышает вовлечённость и переносимость навыков. Во-вторых, короткие, но частые задания (например, письменный ответ на вопрос в 3–5 предложений каждую неделю) дают больший эффект, чем два-три больших текста за семестр. В-третьих, формирование языковых компетенций не может быть делом только преподавателей языков; необходимо сотрудничество с техническими кафедрами, включение критериев грамотности и стиля в оценку курсовых и дипломных проектов. В-четвёртых, обратная связь по форме речи должна быть регулярной и доброжелательной, без излишнего педантизма, но и без всепрощения. И, наконец, в-пятых, полезно использовать взаимопроверку и коллективное обсуждение студенческих текстов – это снижает тревожность и развивает критическое мышление.

Следует также остановиться на одном аспекте, который в ходе работы проявился достаточно отчётливо, но не был зафиксирован в количественных показателях. Речь идёт о роли так называемой оперативной обратной связи и о том, как по-разному воспринимают одни и те же корректирующие замечания разные студенты. Например, в экспериментальной группе было замечено, что студенты, которые имели опыт производственной практики или подработки по специальности (даже недолгой), относились к упражнениям по редактированию текстов значительно серьёзнее, чем те, кто никакого практического опыта не имел. Первые часто приводили

собственные примеры из реальной документации, с которой им приходилось сталкиваться на предприятии, и говорили примерно следующее (цитаты из анкет, переданных анонимно): «Когда я увидел, как на самом деле пишут техзадания, я понял, что нас учат правильно»; «Оказывается, из-за одной неудачной фразы в инструкции может случиться поломка». Вторые же, не имевшие такого опыта, нередко задавали вопрос: «А зачем нам всё это, если главное – чтобы работала схема?» Разница в мотивации, как видно, была очень существенной, и она, вероятно, объясняет, почему даже в экспериментальной группе около пятнадцати процентов студентов остались равнодушными к упражнениям [10].

Другой фактор, который не планировался изначально, но проявился в ходе эксперимента, – это разница в скорости усвоения разных типов компетенций. Оказалось, что терминологическая точность и логическая связность улучшаются сравнительно быстро – за четыре-пять недель регулярных занятий можно достичь заметного сдвига. Тогда как грамматическая грамотность (особенно такие её аспекты, как управление и согласование, а также пунктуация) улучшается медленно и требует не только специальных упражнений, но и, по-видимому, большего объёма чтения профессиональных текстов, написанных грамотно. Некоторые студенты в анкетах писали: «Правила я помню, но когда пишу быстро, то автоматически их нарушаю». Следовательно, одних лишь занятий по культуре речи недостаточно; нужна ещё и практика регулярного написания текстов под контролем, причём на протяжении всего периода обучения, а не только одного семестра.

Ещё одно наблюдение, которое, вероятно, заслуживает упоминания, связано с форматом обратной связи. В экспериментальной группе преподаватель старался давать комментарии к ошибкам не в виде «неправильно» или «ошибка», а в виде вопроса: «Как вы думаете, можно ли здесь заменить это слово на термин?» или «Связано ли это предложение с предыдущим?» Такой подход, как показала практика, вызывает меньшее сопротивление и ведёт к более осмысленному исправлению ошибок. Студенты начинали сами искать альтернативы и чаще запоминали правильные варианты. В контрольной группе, где обратная связь была более прямой и оценочной («здесь ошибка, вот как правильно»), исправления делались механически, и через некоторое время те же ошибки повторялись. К сожалению, из-за небольшой продолжительности эксперимента не удалось получить строгих количественных подтверждений этого эффекта, но качественные данные (анкетирование и наблюдение) указыва-

ют на его существование.

Помимо этого, было замечено, что студенты, которые писали курсовые проекты в соавторстве с товарищем (а таких в экспериментальной группе было несколько пар), демонстрировали более высокие показатели языковой грамотности в итоговом тестировании по сравнению с теми, кто работал индивидуально. Возможно, совместное написание заставляет обсуждать не только содержание, но и форму, а также перечитывать написанное друг за другом. Однако выводы здесь надо делать с осторожностью, так как количество таких пар было невелико (всего четыре пары). Тем не менее сам факт заслуживает внимания и, возможно, дальнейшего изучения [11].

Наконец, нельзя обойти вниманием и такой, казалось бы, второстепенный момент, как использование цифровых инструментов при выполнении упражнений. В экспериментальной группе было разрешено пользоваться электронными словарями и справочниками (включая онлайн-ресурсы), но запрещалось использовать автозамену и проверку орфографии в текстовых редакторах. Цель заключалась в том, чтобы студент сам принимал решение о выборе слова или написании. Многие поначалу жаловались: «Зачем отключать автокоррекцию? Она же исправляет». Однако к концу семестра те же студенты признавали, что без автокоррекции они стали лучше замечать свои ошибки. В контрольной группе, где такого ограничения не было, участники полагались на встроенные проверки и в итоге демонстрировали худшие результаты в заданиях, требующих правки текста вручную (разница составила примерно 15 процентов). Это, кстати, косвенно подтверждает известный в педагогике тезис о том, что чрезмерная автоматизация навыка на ранних этапах может тормозить его формирование.Подводя промежуточный итог этим дополнительным наблюдениям, можно сказать, что эффективность формирования языковых компетенций зависит не только от содержания упражнений, но и от таких, казалось бы, «мягких» факторов, как форма обратной связи, наличие практического опыта у студента, возможность коллективной работы и даже режим использования цифровых инструментов [7].

Некоторые из этих факторов относительно легко поддаются управлению (стиль обратной связи, отключение автокоррекции на время выполнения упражнений), другие же требуют более глубоких изменений в организации учебного процесса (например, интеграция языковой подготовки с производственной практикой). В любом случае, игнори-

ровать их, вероятно, не стоит. Кроме того, нельзя обойти вниманием и ещё одно направление работы, которое не было затронуто в основном описании эксперимента, но, как представляется, заслуживает отдельного обсуждения. Речь пойдёт о формировании языковых компетенций не только через специально разработанные упражнения, но и через так называемую «косвенную» методику, когда студенты вовлекаются в языковую рефлексию не прямо, а через анализ уже готовых, профессионально значимых текстов, взятых из реальной практики. Для этого в дополнение к описанным выше пяти типам заданий в экспериментальной группе было проведено ещё несколько серий занятий, которые носили характер сравнительного анализа. Суть их заключалась в следующем. Студентам выдавались две версии одного и того же технического документа (например, инструкции по эксплуатации насосной станции или фрагмента технического задания на разработку программного обеспечения). Одна версия была оригинальной, составленной профессиональными инженерами-документалистами. Вторая версия была намеренно «испорчена» – в неё вносились типичные для студенческих работ ошибки: разговорные обороты, нарушение логической связности, терминологические замены, грамматические погрешности. Задача студента заключалась не просто в том, чтобы найти ошибки (это было бы слишком просто), а в том, чтобы письменно обосновать, почему тот или иной вариант хуже или лучше, и предложить свой, третий вариант, который, по мнению студента, был бы оптимальным для конкретной производственной ситуации. Данное задание, как показал опыт, имеет несколько важных преимуществ по сравнению с обычным редактированием. Во-первых, студент вынужден не просто механически исправлять, но и сравнивать, оценивать, аргументировать. А это, в свою очередь, развивает не только собственно языковые навыки, но и аналитическое мышление. Во-вторых, работа с реальными документами (пусть и несколько упрощёнными) даёт ощущение причастности к настоящей профессиональной деятельности, что повышает мотивацию. В-третьих, как ни странно, именно этот тип заданий вызвал наибольшее количество споров и дискуссий в группах. Студенты спорили о том, какой вариант лучше, приводили доводы, ссылались на собственный опыт (пусть небольшой) и в итоге запоминали правильные решения гораздо прочнее, чем при выполнении обычных упражнений. Вот, пожалуй, стоит привести конкретный пример, чтобы было понятнее. Студентам раздали два варианта одного и того же абзаца из инструкции по

технике безопасности при работе с гидравлическим прессом. Первый вариант (оригинальный) был таким: «Перед началом работы оператор обязан убедиться в отсутствии видимых повреждений шлангов высокого давления. При обнаружении повреждений эксплуатация пресса запрещается до их устранения». Второй (намеренно испорченный) выглядел так: «Сначала посмотри, не порваны ли шланги. Если порваны, то работать нельзя, пока не починят». Разница очевидна, но, как выяснилось, не для всех. Некоторые студенты заявляли: «Ну и что, второй вариант тоже понятный, зачем усложнять?» Тогда преподаватель задавал наводящие вопросы: «А кому адресована эта инструкция? Каковы последствия, если оператор поймёт слово «посмотри» как беглый взгляд, а не как тщательную проверку? Где гарантия, что «починят» сделано правильно?» Дискуссия занимала пять-семь минут, но после неё, как правило, даже самые скептически настроенные студенты признавали, что точность формулировок имеет значение [6].

Таких парных текстов было подготовлено десять штук на разные темы (безопасность, настройка оборудования, приёмочные испытания, оформление отчётности). Работа с каждым занимала примерно десять-пятнадцать минут на занятии. К концу семестра, когда студентам экспериментальной группы дали новое задание (самим написать небольшой фрагмент инструкции на заданную тему), качество текстов оказалось заметно выше, чем в контрольной группе – в среднем на 20–25 процентов по таким параметрам, как ясность и полнота инструкций. Более того, в экспериментальной группе почти исчезли такие ошибки, как использование неопределённых местоимений («кто-то должен проверить») и пассивных конструкций без указания действующего лица. Студенты стали писать «оператор обязан проверить» вместо «должно быть проверено».

Ещё один дополнительный блок заданий, который был введён во второй половине семестра (уже после того, как основные упражнения были освоены), касался работы с так называемыми «ложными друзьями переводчика» в техническом контексте. Парадоксально, но студенты технических специальностей часто сталкиваются с терминами, заимствованными из английского, и не всегда правильно их используют. Например, слово «реализовать» в значении «продать» (от английского «to realize») вместо правильного технического «реализовать алгоритм»; «консистенция» вместо «последовательность» (consistency); «дейта» вместо «данные» (data). Было замечено, что такие ошибки особенно ха-

рактерны для студентов, которые активно пользуются англоязычными форумами и технической документацией, но не проверяют значение слов в русскоязычных источниках. Для борьбы с этим явлением были составлены короткие тесты-ловушки, где в одном предложении сталкивались два возможных значения, и студент должен был определить, какое из них уместно в профессиональном техническом тексте. Например: «Разработчик реализовал модуль и получил прибыль» – нужно было указать, что в данном контексте слово «реализовал» употреблено неверно, так как речь идёт о программном обеспечении, а не о коммерческой деятельности. Или: «Выходные данные должны быть консистентными» – правильный вариант: «последовательными». Как ни странно, многие студенты на первых порах делали ошибки в таких заданиях. Однако после двух-трёх тренировок частота подобных лексических погрешностей в их собственных текстах снизилась примерно на 30 процентов (по данным анализа курсовых проектов) [4].

Стоит также упомянуть, что в экспериментальной группе было проведено заключительное занятие в формате «деловой игры», где студенты разбивались на пары и выступали по очереди в роли «заказчика» и «исполнителя». Заказчик давал задание (например, «опишите процедуру замены датчика давления в системе охлаждения»), а исполнитель должен был написать краткий текст (три-четыре предложения) прямо на занятии, без использования черновиков и словарей. Затем заказчик оценивал текст по трём критериям: понятность, точность, грамотность. Интересно, что в роли заказчика студенты проявляли гораздо больше требовательности к языку, чем когда они оценивали свои собственные тексты. Например, один студент, который сам в своём отчёте написал «крутится», в чужом тексте заметил фразу «поворачивается» и сказал: «А почему не «вращается»? Это же технический документ». Это наблюдение подтверждает известный психологический эффект: на чужих ошибках учиться легче, и формат «заказчик – исполнитель» позволяет этот эффект использовать. К сожалению, в рамках одного семестра невозможно было провести более одной такой игры, но, судя по опросам, студенты оценили её как «очень полезную» (так ответили 82 процента участников) [1].

Заключение

Обобщая всё сказанное, можно сделать вывод, что помимо систематических упражнений на трансформацию стиля, редактирование и ра-

боту с терминологией, значительный вклад в формирование языковых компетенций вносят также задания, построенные на сравнении хороших и плохих профессиональных текстов, на преодолении лексических интерференций (особенно заимствованных слов) и на ролевых играх, моделирующих реальные коммуникативные ситуации. Причём эти задания имеют преимущество перед традиционными упражнениями именно в том, что они воспринимаются студентами как более «взрослые» и приближенные к жизни, а следовательно, вызывают меньше внутреннего сопротивления. Другой важный вывод заключается в том, что эффективность таких заданий повышается, если они проводятся не в самом начале курса, а после того, как студенты уже освоили базовые техники работы с профессиональным языком. Это позволяет избежать перегрузки и даёт возможность постепенно усложнять материал. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку системы сквозного мониторинга языковой подготовки с первого по выпускной курс, а также на создание открытой базы профессиональных текстов с типовыми ошибками для тренингов.

Список литературы:

1. Воног В.В. Формирование профессиональной коммуникативной личности инженера в контексте практико-ориентированного подхода на основе технологий искусственного интеллекта / В.В. Воног // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2025. № 1. С. 156-163.
2. Коряжкина О. В. Принципы обучения лексике при системном подходе в техническом вузе / О. В. Коряжкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 215. С. 81-92. – DOI: 10.33910/1992-6464-2025-215-81-92.
3. Методы формирования профессионально-коммуникативной компетентности студентов технических направлений подготовки / И.А. Преснухина [и др.] // Ресурсосберегающие технологии в агропромышленном комплексе России: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Красноярск, 15–16 мая 2024 г.) / отв. ред. И.А. Преснухина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 112-116.
4. Назаров Р. Модель развития коммуникативной компетентности будущих инженеров / Р. Назаров // Общество и инновации. 2025. Т. 6. Вып. 4. С. 535-540. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss4/S-pp535-540.
5. Суровцев А.В. Организационно-педагогические условия формирования профессионально-коммуникативной компетентности в процессе обучения графическим дисциплинам / А.В. Суровцев, О.Е. Носкова, Ф.М. Носков // Вестник Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 2. С. 226-231.
6. Пиралова О.Ф. Компетентностный подход в системе многоуровневой подготовки инженерных кадров / О.Ф. Пиралова // Успехи современного естествознания. 2011. № 1. С. 69-71. // URL: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=15843 (Дата обращения: 23.05.2026).
7. Пути совершенствования коммуникативных компетенций инженера / под ред. В.Г. Иванова. – Казань: Издательство КНИТУ, 2025. С. 156-158.
8. Созонова Ю.А. Русский язык в подготовке инженерно-технических специалистов: актуальные требования и практические задачи / Ю.А. Созонова // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 дек. 2025 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. С. 427-428.
9. Хасанов Н.Б. Формирование речевой компетенции студентов технического вуза на занятиях русского языка: дис. … канд. пед. наук / Н.Б. Хасанов. – Бишкек, 2025. 175 с.
10. Цыбина О.С. Формирование мягких компетенций («soft skills») у студентов технических специальностей / О.С. Цыбина // Технологии и методики обучения: традиции и инновации. 2025. № 2. С. 41-47.
11. Sanger P.A. An Experiment in Project Based Learning: A comparison of Attitudes between Russian and America / P.A. Sanger, J. Ziyatdinova, V.G. Ivanov // ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings. 2012. P. 25.437.1–25.437.10.
12. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

Bibliography

1. Vonog V.V. Formation of the engineer's professional communicative personality within a practice-oriented approach based on artificial intelligence technologies / V.V. Vonog // Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. 2025. № 1. P. 156-163.

2. Koryazhkina O.V. Principles of vocabulary teaching using a systemic approach at a technical university / O.V. Koryazhkina // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2025. № 215. P. 81-92. – DOI: 10.33910/1992-6464-2025-215-81-92.

3. Methods for developing professional communicative competence in students of technical majors / I.A. Presnukhina [et al.] // Resource-saving technologies in the agro-industrial complex of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, May 15–16, 2024) / Ed. by I.A. Presnukhina. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2024. P. 112-116.

4. Nazarov R. A model for developing the communicative competence of future engineers / R. Nazarov // Society and Innovations. 2025. Vol. 6. Iss. 4. P. 535-540. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss4/S-pp535-540.

5. Surovtsev A.V. Organizational and pedagogical conditions for developing professional communicative competence during instruction in graphic disciplines / A.V. Surovtsev, O.E., Noskova, F.M., Noskov // Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities. 2025. Vol. 18. № 2. P. 226-231.

6. Piralova O.F. Competence-based approach in the multi-level training system for engineering personnel / O.F. Piralova // Advances in Current Natural Sciences. 2011. № 1. P. 69-71. // URL: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=15843 (May 23, 2026).

7. Ways to improve engineers' communicative competencies / ed. by V.G. Ivanov. – Kazan: KNRTU Publishing House, 2025. P. 156-158.

8. Sozonova Yu.A. The Russian language in the training of engineering and technical specialists: current requirements and practical tasks / Yu.A. Sozonova // Education, innovations, and research as a resource for community development: proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Cheboksary, Dec. 16, 2025) / editorial board: Zh.V. Murzina [et al.]. – Cheboksary: Sreda Publishing House, 2025. P. 427-428.

9. Khasanov N.B. Development of speech competence among technical university students during Russian language classes: Cand. Sc. (Pedagogy) thesis / N.B. Khasanov. – Bishkek, 2025. 175 p.

10. Tsybina O.S. Development of soft skills among students of technical majors / O.S. Tsybina // Teaching technologies and methodologies: traditions and innovations. 2025. № 2. P. 41-47.

11. Sanger P.A. An Experiment in Project Based Learning: A comparison of Attitudes between Russian and America / P.A. Sanger, J. Ziyatdinova, V.G. Ivanov // ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings. 2012. P. 25.437.1–25.437.10.

12. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Гасанов Э.Г.
Аспирант 2-го года обучения. АНО ВО «Институт деловой карьеры».

Научный руководитель:
Хоконов А.А.
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Цифровое государственно-частное партнёрство: модели институционального предпринимательства в платформенной среде

ВВЕДЕНИЕ

Классическая доктрина ГЧП концептуально и нормативно привязана к логике масштабных капиталовложений в физическую инфраструктуру [7]. Мосты, порты, больницы, трубопроводы – вот её естественная среда обитания. Три несущие конструкции держат эту модель: долгосрочный жизненный цикл материального объекта, юридически безупречная спецификация прав собственности и формализованный механизм распределения рисков между публичным и частным партнёрами [2]. Десятилетиями этот инструментарий работал безотказно, пока в ткань публичного управления не вторглась цифровая платформа [5; 9].

Сегодня привычная оптика даёт системный сбой. Маркетплейс автоматически исчисляет и перечисляет налоги за сотни тысяч самозанятых; система цифровой маркировки «Честный знак» функционирует одновременно и как бизнес-сервис частной компании, и как инструмент государственного надзора; Единая биометрическая система строится на частной инфраструктуре, но обеспечивает предоставление государственных услуг. Во всех этих случаях классическая теория ГЧП умолкает [6]. П. ДиМаджио и У. Пауэлл не зря подчёркивали, что новые организационные формы часто рождаются именно в лакунах между устоявшимися институтами [1]. Отсюда возникают три принципиальных вопроса. Кто здесь публичный партнёр, а кто частный, если платформа де-факто выполняет суверенные функции, не имея на руках концессионного соглашения? Где проходит граница партнёрства, когда взаимодействие опосредовано не бумажным договором, а программным кодом и API [3]? И как мерить

эффективность, если главный социально-экономический эффект рождается не из ввода объекта в эксплуатацию, а из тектонического сдвига трансакционных издержек целой отрасли [8]?

Центральная гипотеза статьи состоит в том, что цифровое ГЧП – не частный случай классической модели и не её эволюционное продолжение, а самостоятельный феномен. Он возникает на пересечении трёх интеллектуальных полей: институциональной экономики, теории платформенных рынков и исследований государственной управляемости [4; 9]. В качестве ключевой аналитической линзы я использую концепцию институционального предпринимательства, то есть деятельности агентов, которые не приспосабливаются к существующим правилам игры, а целенаправленно их переписывают, создавая новые институты под собственные бизнес-модели [1; 2].

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ: ПОЧЕМУ КЛАССИЧЕСКОЕ ГЧП НЕ РАБОТАЕТ В ЦИФРЕ

Российское законодательство о ГЧП (Федеральный закон № 224-ФЗ) и концессиях (Федеральный закон № 115-ФЗ) определяет партнёрство через создание, реконструкцию и эксплуатацию имущественного комплекса [7]. Логика проста и обозрима: частник вкладывает капитал, государство даёт гарантии и делит риски, а объект соглашения можно физически пощупать, оценить и при необходимости изъять. Информационные системы в эту логику не вписываются категорически [5]. Им не нужны двадцатилетние инвестиции в бетон и сталь; их жизненный цикл укладывается в три–семь лет; главная ценность сосредоточена не в серверах, а в алгоритмах, данных и пользовательской базе, то есть в активах принципиально нематериальной природы [3; 6].

Анализ российской практики 2020–2025 годов позволяет выделить три устойчивые конфигурации взаимодействия государства и цифровых платформ. Участники рынка и эксперты всё чаще называют их «ГЧП», хотя под действие профильного законодательства они не подпадают [6; 9].

Первая конфигурация – инфраструктурная платформа. Ярче всего она воплощена в системе цифровой маркировки «Честный знак» и её операторе, компании «Центр развития перспективных технологий» (ЦРПТ). Формально-юридически всё выглядит как госконтракт с единственным исполнителем плюс участие государства в уставном капитале оператора [7]. Но реальное содержание отношений гораздо глубже: платформа вы-

полняет контрольные функции государства (отслеживает движение товаров от производителя до кассы), а бизнес субсидирует её существование через обязательную плату за коды маркировки. Возникает уникальная ситуация: частная компания де-факто реализует публичную функцию, финансируемую не бюджетом, а рынком [6; 8].

Вторая конфигурация – распределённый комплаенс. Она реализована в налоговых интеграциях крупнейших маркетплейсов с Федеральной налоговой службой. Формальная основа – добровольные соглашения и техническая интеграция через открытые API [9], но по существу платформа превращается в полноценного налогового агента, не имея законодательно закреплённого статуса. Маркетплейс регистрирует продавцов, автоматически рассчитывает налоги, формирует отчётность и перечисляет платежи в бюджет [3]. Государство получает обеление целого сектора экономики, не принимая нового закона, а платформа – беспрецедентный уровень доверия и легитимности своей экосистемы [5].

Третья конфигурация – гибридная биометрия. Единая биометрическая система (ЕБС) управляется частной компанией-оператором, которая взаимодействует с государственным заказчиком на основании специального федерального закона; цифровая идентичность граждан управляется частным кодом, но используется для доступа к государственным услугам [4]. Перед нами не концессия и не госконтракт, а уникальный правовой гибрид, созданный ad hoc под конкретную задачу [6].

Во всех трёх случаях картина одна и та же: концессионного соглашения нет; разделение рисков в классическом понимании не просматривается, поскольку риски носят не строительно-финансовый, а репутационно-регуляторный характер [2]; горизонт партнёрства определяется не амортизацией физических активов, а циклами обновления кода и изменениями законодательства [8]. Следовательно, классический понятийный аппарат ГЧП не описывает и не может описать эти конфигурации. Нужен переход к иной модели, а именно к цифровому ГЧП, где объектом партнёрства выступает не имущественный комплекс, а цифровая функция [1; 4].

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА

Понятие «институциональное предпринимательство» ввели в оборот Пол ДиМаджио и Уолтер Пауэлл в конце 1980-х, чтобы объяснить, как новые организационные формы преодолевают сопротивление укоренённых институциональных сред [1]. В отличие от предпринимательства

классического, нацеленного на ценовой арбитраж и максимизацию прибыли в заданных правилах, институциональный предприниматель стремится изменить сами правила: правовые нормы, отраслевые стандарты, когнитивные схемы и алгоритмы распределения ресурсов [2]. Очередной виток развития информационно-коммуникационных технологий и становление новых практик рыночного обмена высветили границы централизованно-бюрократической модели управления и дали этим стратегиям мощный импульс [9].

Применительно к цифровой экономике это означает, что крупные платформенные компании и их альянсы с государством не просто адаптируются к налоговому, антимонопольному или отраслевому законодательству. Они активно формируют новое регуляторное поле, в котором их бизнес-модели становятся не только легальными, но и фактически обязательными для всех остальных участников рынка [3; 5]. Институциональное предпринимательство в цифровой среде – это всегда игра на опережение: не нарушить закон, а обогнать его, создав ситуацию, при которой государство оказывается перед необходимость легитимировать уже сложившуюся практику [8].

Анализ позволяет выделить четыре аналитически чистые модели институционального предпринимательства в российском цифровом пространстве. Они различаются вектором инициативы, глубиной институциональных изменений и способом легитимации нового порядка [6].

Модель первая: регуляторный арбитраж. Возникает, когда цифровая платформа находит пробел или неопределённость в законодательстве и использует их для создания нового продукта или сервиса, а затем – и это ключевой момент – предлагает государству «дорегулировать» возникшую ситуацию уже под свою бизнес-модель [1]. Классический пример – эволюция правового статуса агрегаторов такси. На раннем этапе закон прямо не регулировал ответственность агрегатора за безопасность перевозок, и компания последовательно добивалась поправок, закрепляющих её статус как информационного посредника, а не фактического перевозчика [9]. Институциональный эффект состоит в том, что платформа не нарушает закон, а «перепрыгивает» через него, и государство вынуждено догонять, узаконивая уже сложившуюся практику [2].

Модель вторая: платформенное делегирование. Здесь инициатива исходит от государства, которое сознательно передаёт отдельные функции контроля, сбора данных или администрирования специально со-

зданной частной компании, сохраняя за собой политический надзор и право устанавливать правила игры [6]. «Честный знак» представляет собой наиболее чистый случай: государство утверждает перечень товаров, подлежащих маркировке, и ставки платы за коды, а ЦРПТ разрабатывает программный код, собирает платежи и предоставляет аналитику регуляторам [7]. Институциональное предпринимательство проявляется в том, что компания-оператор постепенно расширяет зону своей компетенции, переходя от простого отслеживания оборота к контролю прослеживаемости всей товарной цепочки и рекомендациям по корректировке ставок [4]. Государство получает готовую инфраструктуру без бюджетных инвестиций, а бизнес получает, пусть и принудительно, единый отраслевой стандарт, который в долгосрочной перспективе снижает издержки на добровольную сертификацию и борьбу с контрафактом [8].

Модель третья: комплаенс-интеграция. Характерна для отношений между маркетплейсами и налоговыми органами [5]. Платформа встраивает в свой пользовательский интерфейс модули для регистрации продавцов, автоматического расчёта налогов и передачи отчётности [3]. Институциональное предпринимательство здесь носит кумулятивный, ползучий характер: чем больше продавцов подключается к платформе, тем менее выгодным для них становится пребывание в «серой» зоне, а сам маркетплейс постепенно превращается в «привратника» легального рынка [9]. Через несколько лет такой интеграции различие между налоговым агентом по закону и налоговым агентом по факту практически стирается [1]. Принципиальная особенность комплаенс-интеграции состоит в том, что она не требует формального ГЧП-соглашения: достаточно добровольного технического взаимодействия и последующего точечного законодательства, закрепляющего уже сложившийся порядок вещей [2].

Модель четвёртая: обратная нормативная инженерия. В отличие от трёх предыдущих, этот тип институционального предпринимательства стартует с официальной регуляторной песочницы или экспериментального правового режима, запускаемого по инициативе бизнес-консорциума [6]. Участники песочницы получают право временно игнорировать отдельные законодательные нормы в обмен на апробацию новой технологии или организационной схемы [4]. Если эксперимент признаётся успешным, его нормы затем экспортируются в отраслевое законодательство, становясь обязательными для всего рынка [8]. Примерами служат

эксперименты по онлайн-продаже рецептурных лекарств и по удалённой идентификации клиентов банков через ЕБС [5]. В обоих случаях частные компании сначала доказывали жизнеспособность модели в контролируемой среде, а затем лоббировали её распространение на всю отрасль [9]. Институциональный результат состоит не в адаптации к старым правилам, а в создании новых правил под себя, но через публичную процедуру, обеспечивающую легитимность результата [2; 3].

3. ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВОЕ ГЧП»

Проведённый теоретический и эмпирический анализ позволяет предложить рабочее определение, принципиально отличное от классических трактовок [2; 7]. Цифровое государственно-частное партнёрство (ЦГЧП) есть институциональный режим, при котором частная цифровая платформа систематически замещает или опосредует реализацию публично значимых функций (контроль, идентификация, фискальное администрирование), а государство, в свою очередь, оказывается в асимметричной зависимости от платформенной инфраструктуры, что порождает циклическую коадаптацию правил [1; 4; 9].

В отличие от классической модели ГЧП, ориентированной на долгосрочные контракты и материальные активы, ЦГЧП обладает тремя сущностными характеристиками [3; 5]. Во-первых, объектом партнёрства становится не имущественный комплекс, а цифровая функция, то есть способность платформы опосредовать отношения между государством и гражданином или государством и бизнесом [6]. Во-вторых, правовая форма ЦГЧП не сводится к концессии или контракту: это может быть специальный закон, регуляторная песочница, добровольное соглашение или даже имплицитно признанная практика [8]. В-третьих, ключевой зоной риска выступает не превышение сметы капитальных затрат, а правовая неопределённость, кибербезопасность и репутационные издержки для обеих сторон [2; 9].

Для эмпирической идентификации случаев ЦГЧП я предлагаю трёхкритериальную модель, апробированную на российском материале 2020–2025 годов [6; 7]:

Функциональное замещение. Платформа устойчиво выполняет задачу, которая в доцифровую эпоху входила в исключительную компетенцию государства (например, отслеживание оборота товаров, принудительная идентификация личности, администрирование налогового сбора). Как показывают исследования Г. Грэбхера и Й. Кёнига, именно этот критерий

отличает платформенное управление от простого аутсорсинга [8].

Асимметричная институциональная зависимость. Критическая масса участников рынка (продавцов, потребителей, посредников) не может отказаться от использования платформы без потери доступа к рынку или утраты статуса легальности. Эта асимметрия создаёт «ловушку платформы» – ситуацию, когда государство уже не может легко сменить оператора, не спровоцировав коллапс целой отрасли [3; 5].

Циклическая коадаптация правил. Нормативные рамки взаимодействия пересматриваются не реже одного раза в два-три года в ответ на технологические изменения, судебные решения или сдвиги в рыночной конъюнктуре. Как отмечает В.Л. Тамбовцев, именно высокая частота институциональных сдвигов отличает институциональное предпринимательство от обычной адаптации к заданным правилам [2].

Применение этих трёх критериев к рассмотренным конфигурациям («Честный знак», ЕБС и налоговые интеграции маркетплейсов) даёт однозначный результат: все три случая являются полноценными примерами цифрового ГЧП, хотя ни один из них не соответствует формальному определению 224-ФЗ [4; 7]. Это означает, что российское законодательство де-факто регулирует лишь малую и всё менее значимую часть реально существующих партнёрств [6]. На повестку дня встаёт вопрос о правовой реформе: либо законодательство о ГЧП должно быть распространено на цифровые платформы с учётом их специфики, либо должен появиться отдельный правовой институт – «цифровое соглашение о партнёрстве» – с упрощёнными процедурами и целевым учётом нематериальных активов [1; 9]. Опыт Китая и Сингапура, где подобные институты уже созданы, показывает, что промедление в этой сфере ведёт к неконтролируемому росту теневых форм гибридного управления [4; 5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать три ключевых вывода, обладающих как теоретической, так и практической значимостью.

Первый вывод носит концептуальный характер. Классическое и цифровое ГЧП относятся к разным родам явлений, и попытки втиснуть платформенные конфигурации в прокрустово ложе концессионной модели ведут к теоретическим натяжкам и практическим ошибкам в оценке эффективности [2; 5]. Цифровое ГЧП – это не «лёгкая версия» традиционного, а самостоятельный феномен, требующий собственного категори-

ального аппарата. Центральным элементом этого аппарата становится не имущество, а цифровая функция [4; 8].

Второй вывод можно назвать типологическим. Четыре модели институционального предпринимательства (регуляторный арбитраж, платформенное делегирование, комплаенс-интеграция и обратная нормативная инженерия) охватывают основной спектр реально существующих в России форм сращивания государственных функций и частной цифровой инфраструктуры [1; 3; 6]. Каждая из них обладает собственной логикой развёртывания, собственными драйверами и собственными рисками. Регуляторный арбитраж минимизирует первоначальное сопротивление, но создаёт риски захвата регулятора [2]. Платформенное делегирование эффективно для стандартизированных отраслей, но порождает монополию оператора [7]. Комплаенс-интеграция даёт быстрый фискальный эффект, но размывает юридическую ответственность [9]. Обратная нормативная инженерия наиболее легитимна, однако требует длительных экспериментальных режимов [4].

Третий вывод является прикладным. Идентификация цифрового ГЧП в эмпирическом поле должна опираться не на формально-юридические признаки (наличие концессионного соглашения), а на содержательные критерии: функциональное замещение, асимметричную институциональную зависимость и циклическую коадаптацию правил [5; 8]. Только такая оптика позволяет увидеть реальный масштаб явления и адекватно оценить его последствия для цифрового суверенитета [6].

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены, во-первых, на разработку методики оценки эффективности ЦГЧП с акцентом на динамику трансакционных издержек [3], а во-вторых, на сравнительный анализ российского и зарубежного опыта институционального предпринимательства в платформенной среде, прежде всего на материале Китая, Сингапура и Южной Кореи, где модели «платформенного государства» получили наиболее продвинутое воплощение [4; 9].

Список литературы:

1. ДиМаджио П., Пауэлл У. Новый институционализм в организационном анализе // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 12-36.
2. Тамбовцев В.Л. Институциональное предпринимательство как фактор экономического развития // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 45-63.
3. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. 352 p.
4. O'Reilly T. Government as a Platform // Innovations: Technology, Governance, Globalization. 2011. Vol. 6. № 1. P. 13-40.
5. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концептуализация и измерение платформенной экономики // Форсайт. 2018. Т. 12. № 3. С. 22-31.
6. Цифровые платформы как агенты государственной политики: аналитический отчёт АНО «Цифровая экономика». – М.: 2024. 88 с.

7. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. От 08.08.2024).
8. Grabher G., König J. Disruption, Embedded: A Polanyian Framing of the Platform Economy // Sociologica. 2020. Vol. 14. № 1. P. 95-118.
9. Белоконев С.Ю., Хоконов А.А., Шогенов М.З. Социальные эффекты совместного потребления (sharing economy): сетевые экономические и политические сообщества // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 115-123.
10. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

Bibliography

1. DiMaggio P., Powell W. The New Institutionalism in Organizational Analysis // Economic Sociology. 2010. Vol. 11. № 3. P. 12–36.
2. Tambovtsev V.L. Institutional Entrepreneurship as a Factor of Economic Development // Voprosy Ekonomiki. 2021. № 9. P. 45–63.
3. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. 352 p.
4. O'Reilly T. Government as a Platform // Innovations: Technology, Governance, Globalization. 2011. Vol. 6. № 1. P. 13–40.
5. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // Foresight and STI Governance. 2018. Vol. 12. № 3. P. 22–31.
6. Digital Platforms as Agents of Public Policy: Analytical Report by the Autonomous Non-Profit Organization "Digital Economy". – Moscow: 2024. 88 p.
7. Federal Law № 224-FZ of July 13, 2015, "On Public-Private Partnerships and Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024).
8. Grabher G., König J. Disruption, Embedded: A Polanyian Framing of the Platform Economy // Sociologica. 2020. Vol. 14. № 1. P. 95–118.
9. Belokonev S.Yu., Khokonov A.A., Shogenov M.Z. Social Effects of Collaborative Consumption (Sharing Economy): Network-Based Economic and Political Communities // Vlast. 2019. T. 27. № 6. P. 115-123.
10. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Семикин Е.Д.

Аспирант. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Динамическая инклюзивность и эффект переноса инфраструктурного конфликта: сравнительный анализ М-12 «Восток» во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги в Московской области

Введение

Существенная корректировка инфраструктурного проекта меняет не только документацию, но и распределение общественных издержек. Зоны воздействия, объемы изъятий, транспортную связность, экологические риски и потребность в защитных мерах. Поэтому гражданское участие нельзя считать завершенным после первого обсуждения, если проектная конфигурация впоследствии меняется.

Исследования городских и территориальных конфликтов связывают мобилизацию с распределением локальных издержек, коалициями и качеством включения сообществ в принятие решений [2; 3; 4; 14; 22]. Для инфраструктурной политики важна и коммуникация риска, технически рациональная корректировка может создать новую конфигурацию затронутых интересов [1]. Отсюда возникает вопрос о способности институтов повторно открывать участие после изменения проекта.

Исследовательский вопрос состоит в том, почему корректировка проекта в ответ на требования одной группы может перераспределить издержки и вызвать новую мобилизацию. Динамическая инклюзивность понимается как способность институтов повторно выявлять и включать группы, существенно затронутые измененной альтернативой. Эффект переноса инфраструктурного конфликта возникает, когда снижение напряжения в одной точке сопровождается новым или возобновленным конфликтом в другой территориальной либо социальной конфигурации.

Цель исследования - раскрыть этот механизм на материале М-12 «Восток» во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги в Московской области (ЮЛА). В обоих кейсах официально зафиксированы изменения, связанные с требованиями жителей, но дальнейшая

конфликтная динамика различается. Анализируется не транспортная эффективность, а способность политико-управленческой системы согласовывать интересы и сохранять прослеживаемость общественного влияния при смене проектных параметров.

Литературный обзор

Классические модели участия различают информирование и реальное влияние на решение. С. Арнстейн описывает уровни участия [24], А. Фанг связывает его качество с составом участников, способом коммуникации и воздействием на решение [26], К. Хофер и Д. Кауфманн предлагают учитывать акторов, арены и цели [27]. Эти подходы подробно описывают дизайн процедуры, но слабее объясняют, как должна меняться инклюзивность после корректировки самого объекта решения.

Российские исследования также смещают внимание от наличия каналов к их связи с принятием решений. Значимы институциональный контекст и качество обратной связи [10; 18], тогда как расширение электронных каналов само по себе не гарантирует содержательного влияния и может сочетаться с централизацией обработки обращений [7; 8; 19; 21; 23]. Государственное решение при этом рассматривается как многостадийный процесс с обратными связями и корректировками [20].

Исследования территориальных конфликтов показывают, что коалиции формируются вокруг конкретного распределения локальных издержек [3; 4], внутренняя фрагментация влияет на траекторию мобилизации [22], а включение локальных сообществ связано с устойчивостью конфликтной переработки [14]. Следовательно, изменение трассы или инженерного решения способно изменить состав групп, для которых издержки становятся политически значимыми.

Аналитический пробел возникает между содержательной корректировкой проекта и последующим изменением круга затронутых групп. Понятие динамической инклюзивности используется для проверки того, перестраивает ли процедура карту участников после изменения проектной альтернативы; отдельный интегральный индекс не вводится.

Материалы и методы

Исследование построено как сравнительный документальный process tracing двух дорожных проектов [25]. Для каждого кейса прослеживается последовательность: исходная альтернатива, требования затронутых групп, институциональная реакция, существенная корректировка, пере-

распределение издержек, новая или возобновленная мобилизация, повторное включение и дальнейший результат.

Эмпирический корпус включает официальные сообщения, региональные и локальные СМИ, публичные обращения и сведения о реализации решений. По М-12 ключевыми являются сообщение Минтранса о новой трассировке с учетом замечаний жителей [12], материалы о последующих возражениях [9; 11] и вводе трассы [13]. По ЮЛА используются сообщение о корректировках по просьбам жителей [6], материалы встреч и протестов в Видном [16; 17] и данные о реализации тоннельного решения [5].

Источники оцениваются с учетом двух ограничений. Публикации, восходящие к одному первичному сообщению, считаются одной доказательной цепочкой. Изменение проекта связывается с общественным влиянием только при прямом указании источника; при наличии инженерных, земельных, природоохранных или стоимостных факторов причинный вывод ограничивается. Недостаток публичных данных обозначается как «Н/Д».

Динамическая инклюзивность фиксируется по последовательности наблюдаемых признаков, без балльной суммы. Эффект переноса устанавливается при документируемой связи между изменением проектной конфигурации и последующей локализованной мобилизацией.

Результаты

М-12 «Восток»: корректировка трассировки и смена состава затронутых территорий. В 2019-2020 гг. обсуждались несколько вариантов трассировки. Возражения касались близости дороги к населенным пунктам, возможного сноса, воздействия на лесные территории и раскрытия итогового маршрута [9; 11].

В мае 2020 г. Минтранс сообщил о новом варианте, трассу приблизили к Владимиру и Южному обходу, Гридино исключили из зоны прохождения; отдельно указано, что замечания жителей были учтены [12]. Документ тем самым связывает общественные требования с изменением проекта. Корректировка одновременно изменила распределение территориальных издержек и круг затронутых групп.

После изменения трассировки появились требования не согласовывать новый вариант, опасения других населенных пунктов и призывы раскрыть окончательный маршрут [9; 11]. Новую мобилизацию нельзя объяснять только предыдущей уступкой, поскольку действовали и инженерные, природоохранные и земельные ограничения. Тем не менее по-

Таблица 1. Наблюдаемые признаки динамической инклюзивности и переноса инфраструктурного конфликта.

Аналитический элемент	**Наблюдаемый признак**	**Интерпретация**
Существенное изменение альтернативы	Меняется трассировка, глубина, узел, объем изъятий или иной параметр распределения издержек	Триггер повторного картирования
Переопределение затронутых групп	Появляются новые группы либо существенно меняется воздействие на прежние	Признак динамической инклюзивности
Повторное информирование	Обновленные материалы доступны до необратимой фиксации решения	Условие осмысленного участия
Повторный канал участия	По новой версии зафиксированы встречи, обращения или обсуждения	Участие не исчерпывается первым раундом
Прослеживаемый ответ	Требования сопоставлены с решением, изменение или отказ объяснены	Сохраняется цепочка влияния
Перенос конфликта	После корректировки возникает мобилизация вокруг новой конфигурации издержек	Признак неполной переработки конфликта
Устойчивый исход	Согласованные изменения реализованы без воспроизводства той же проблемы	Признак институциональной устойчивости

Источник: составлено автором.

следовательность «новая трассировка - новая зона воздействия - возражения других территорий» позволяет фиксировать перенос конфликта.

Динамическая инклюзивность в кейсе М-12 подтверждается частично. Официальная коммуникация упоминает повторное согласование с территориальными администрациями, но открытые источники не позволяют для всех вновь затронутых групп подтвердить своевременный доступ к материалам, равную возможность предъявить требования и прослеживаемый ответ. Поэтому речь идет о неполной документальной подтвержденности, а не об отсутствии повторного включения. Трасса впоследствии была поэтапно введена [13].

ЮЛА: содержательная корректировка и повторное открытие конфликта на строительной стадии. До основной фазы строительства часть параметров проекта оставалась изменяемой. В марте 2022 г. официально сообщалось о корректировках по просьбам жителей: заглублении трассы, тоннеле более 290 м в 6-м микрорайоне Видного, изменениях у М-4, обходе усадьбы Суханово, сокращении числа изымаемых участков в районе

Орлово с 24 до двух и исключении одного съезда [6]. Прямая формулировка источника позволяет фиксировать документированный вклад требований жителей.

На строительной стадии в 2023 г. конфликт в Видном возобновился. Материалы фиксируют встречи, обращения и протесты по поводу близости трассы к домам, вырубки зеленых насаждений и защитных мер [16; 17]. Канал взаимодействия с администрацией и проектными структурами сохранялся, однако повторная мобилизация показала, что влияние на ранней стадии не завершило конфликтный цикл.

В М-12 перенос связан прежде всего со сменой территориальной конфигурации издержек, в ЮЛА - с повторной локализацией конфликта при детализации строительного воздействия. Источники не позволяют утверждать, что все участники протестов 2023 г. были новыми группами, поэтому причинная трактовка здесь осторожнее. К августу 2026 г. тоннельное решение в Видном было реализовано [5], что подтверждает исполнение части согласованных мер, но не отменяет факта повторной эскалации.

Таблица 2. Сравнительный process tracing М-12 и ЮЛА.

Звено механизма	**М-12 «Восток»**	**ЮЛА**
Исходная изменяемость	Несколько вариантов трассировки в 2019-2020 гг.	Заданный коридор при изменяемых локальных и инженерных параметрах
Документированное общественное влияние	Новый вариант связан с учетом замечаний жителей [12]	Изменения прямо названы внесенными по просьбам жителей [6]
Перераспределение издержек	Снижение воздействия на одни территории сопровождалось рисками для других	Заглубление, тоннель и сокращение изъятий снизили часть издержек; на стройке проявились уточненные риски
Новая/возобновленная мобилизация	Возражения других территорий и требование раскрыть маршрут [9; 11]	Повторные встречи и протесты в Видном в 2023 г. [16; 17]
Повторное включение	Документируется частично; по полному набору признаков - Н/Д	Встречи и коммуникация есть, устойчивого закрытия конфликта нет
Реализация	Трасса поэтапно введена [13]	Часть защитных решений, включая тоннель, реализована [5]
Диагностический вывод	Перенос между территориальными конфигурациями	Повторная эскалация и необходимость нового картирования интересов

Источник: составлено автором по материалам [5; 6; 9; 11–13; 16; 17].

Обсуждение

Сравнение показывает, что учет требований жителей не тождествен устойчивому согласованию интересов. В обоих проектах общественное влияние на параметры решения документируется, но каждая существенная корректировка меняет распределение выгод и издержек. Если состав участников остается прежним, возникает разрыв между состоявшейся процедурой и новой структурой затронутых интересов.

Динамическая инклюзивность описывает способность закрывать этот разрыв. Существенное изменение проекта должно запускать обновление карты затронутых акторов, раскрытие новой конфигурации воздействия, возможность предъявить требования до необратимой фиксации параметров и документированный ответ. Такой подход дополняет классические критерии представительства и реального влияния [24; 26; 27].

Для российской системы публичного управления это важно, поскольку наличие цифровых и офлайн-каналов не гарантирует их связи с конкретной стадией решения [7; 8; 19; 21; 23]. Динамическая инклюзивность требует повторной активации канала при перераспределении издержек и тем самым дополняет исследования муниципальной публичной политики и цифрового взаимодействия государства и граждан [10; 15; 18].

Эффект переноса не означает неудачу любой корректировки. Это диагностический признак того, что изменение проекта создало новую конфигурацию политически значимых издержек. В М-12 она проявилась между территориями, в ЮЛА - при переходе к строительной детализации, что соответствует выводам исследований городских конфликтов о зависимости мобилизации от локального распределения потерь и выгод [3; 4; 22].

Практически это требует институционализировать повторный вход гражданского участия. Существенная корректировка должна сопровождаться обновлением перечня затронутых групп, сравнением старой и новой версии проекта, новым окном для требований и прослеживаемой цепочкой «требование - ответ - изменение или отказ - реализация». Для многоуровневых проектов также нужен понятный адресат каждого требования [2; 14; 20].

Ограничения исследования связаны с малым числом кейсов (N=2), неодинаковой полнотой открытых источников и невозможностью отделить общественное влияние от всех технических и финансовых факторов. Повторная мобилизация также не равна автоматически институциональному провалу: часть интересов может быть объективно несовместима.

Поэтому статья диагностирует не отсутствие конфликта, а способность системы учитывать последствия собственных проектных корректировок.

Заключение

Сравнение М-12 и ЮЛА показывает, что содержательное влияние граждан необходимо, но само по себе не обеспечивает устойчивого согласования интересов. Корректировка проекта перераспределяет территориальные и имущественные издержки, выявляет новые риски и может менять состав мобилизованных групп. Инклюзивность поэтому должна оцениваться и как способность системы повторно открывать участие после существенного изменения альтернативы.

Понятие динамической инклюзивности операционализировано через документальные признаки без дополнительного интегрального индекса. В М-12 наиболее отчетливо прослеживается перенос конфликта: корректировка, официально связанная с замечаниями жителей, сопровождалась возражениями на других территориях. ЮЛА показывает смежный механизм: ранние изменения по просьбам жителей и реализация части защитных решений не исключили повторной эскалации на строительной стадии. Устойчивость требует повторного картирования интересов и прослеживаемости решений при каждой существенной корректировке.

Значимая смена трассировки, инженерной конфигурации или распределения изъятий должна служить процедурным триггером для новой идентификации затронутых групп и открытия релевантного канала участия. Это не гарантирует исчезновения конфликта, но повышает способность публичной системы институционально перерабатывать его последствия.

Список литературы:

1. Афанасьев К.С. Партисипаторные механизмы управления коммуникационными рисками реализации инфраструктурных проектов в городской среде // Наука и искусство управления. 2024. № 1. С. 23-37. – DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37.

2. Бедерсон В.Д., Минаева Э.Ю. «Свои люди – сочтемся»: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 67-89. – DOI: 10.17323/1728-192X-2024-2-67-89.

3. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY // Мир России. 2024. Т. 33. № 3. С. 99-117. – DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117.

4. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. «Мамочки с колясками» против «мегатюрьмы»: коалиции и фреймы городского конфликта // Мир России. 2025. Т. 34. № 3. С. 123-145. – DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145.

5. Дороги и мосты. Открыто движение по участку ЮЛА, построенному при участии НПС [Электронный ресурс]. 04.08.2026. // URL: https://aodim.ru/media-center/news/otkryto-dvizhenie-po-uchastku-yula-postroennomu-pri-uchastii-nps/ (Дата обращения: 25.08.2026).

6. Интерфакс. Изменения внесли в проект платной автотрассы, которая пройдет от Солнцево до Железнодорожного [Электронный ресурс]. 02.03.2022. // URL: https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/izmeneniya-vnesli-v-proekt-platnoy-avtotrassy-kotoraya-proydet-ot-solncevo-do-zheleznо-

dorozhnogo (Дата обращения: 25.08.2026).

7. Кабанов Ю.А. Условия успешной имплементации институтов электронного участия: случай неконкурентных политических систем // Вестник Пермского университета. Политология. 2026. № 1. С. 25-37. DOI: – 10.17072/2218-1067-2026-1-25-37.

8. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Электронное гражданское участие в России: от «электронной демократии» к «нервам государства» // Политическая наука. 2025. № 3. С. 182-205. – DOI: 10.31249/poln/2025.03.08.

9. Комсомольская правда – Владимир. Жители Владимирской области просят губернатора не согласовывать новый проект трассы М-12 [Электронный ресурс]. 07.05.2020. // URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/27127/4212877/ (Дата обращения: 25.08.2026).

10. Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi. 2024. Т. 16. № 3. С. 533-554. – DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

11. КПРФ. «Просим обнародовать итоговый маршрут трассы М-12 во Владимирской области»: открытое обращение фракции КПРФ в Законодательном Собрании Владимирской области к губернатору В.В. Сипягину [Электронный ресурс]. 10.03.2021. // URL: https://kprf.ru/dep/reg/201028.html (Дата обращения: 25.08.2026).

12. Министерство транспорта Российской Федерации. Ежедневный мониторинг СМИ от 23.05.2020: сообщение РИА Новости «"Автодор" разработал новый вариант трассировки автодороги Москва – Казань» // URL: https://mintrans.gov.ru/file/448654 (Дата обращения: 25.08.2026).

13. Министерство транспорта Российской Федерации. М-12 «Восток» – пример успешной реализации мегапроектов в России [Электронный ресурс]. 17.11.2023. // URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10989 (Дата обращения: 25.08.2026).

14. Мирошниченко И.В., Кольба А.И., Шпиро Л.А. Локальные сообщества в принятии решений по поводу конфликтов развития территорий: потенциал процессного и проектного подходов // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 4. С. 87-101.

15. Морозова С.С. Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 638-653. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653.

16. Моё Видное 24. На встрече с жителями в Видном рассказали все о строительстве дороги ЮЛА [Электронный ресурс]. 08.02.2023. // URL: https://vidnoe-24.ru/na-vstreche-s-zhitelyami-v-vidnom-rasskazali-vse-o-stroitelstve-dorogi-yula/ (Дата обращения: 25.08.2026).

17. Моё Видное 24. В Видном прошла восьмая встреча протестующих против платной трассы ЮЛА [Электронный ресурс]. 19.03.2023. // URL: https://vidnoe-24.ru/v-vidnom-proshla-vosmaya-vstrecha-protestuyushhih-protiv-platnoj-trassy-yula/ (Дата обращения: 25.08.2026).

18. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 4-22. – DOI: 10.21638/spbu23.2024.101.

19. Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 253-264. – DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264.

20. Соловьев А.И. Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 9-24. – DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24.

21. Титов Е.А., Паксиваткина В.А. Цифровые платформы участия граждан: российский и зарубежный опыт // Ars Administrandi. 2025. Т. 17. № 1. С. 111-132. – DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-111-132.

22. Тыканова Е.В. Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 297-318. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2713.

23. Чугунов А.В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А. Централизация системы электронного участия в России: взгляд из регионов // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 2. С. 25-35. – DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35.

24. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35. № 4. P. 216-224. – DOI: 10.1080/01944366908977225.

25. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. № 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.

26. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66. Suppl. 1. P. 66-75. – DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.

27. Hofer K., Kaufmann D. Actors, arenas and aims: A conceptual framework for public participation // Planning Theory. 2023. Vol. 22. № 4. P. 357-379. – DOI: 10.1177/14730952221139587.

28. Бормотова Т.М. Влияние социальных предпосылок актуализации миграции на разработку эффективной миграционной политики и ее реализацию // Культура мира. 2014. № 1. С. 52-57.

Bibliography

1. Afanasyev K.S. Participatory mechanisms for managing communication risks in urban infrastructure projects // Science and Art of Management. 2024. № 1. P. 23-37. – DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37.
2. Bederson V.D., Minaeva E.Yu. "Among friends, we'll settle up": conditions for the centralization of municipal powers in urban planning // Russian Sociological Review. 2024. Vol. 23. № 2. P. 67-89. – DOI: 10.17323/1728-192X-2024-2-67-89.
3. Belousov A.B., Davydov D.A. Urban conflicts in Russia: between the "right to the city" and NIMBY // Universe of Russia. 2024. Vol. 33. № 3. P. 99-117. – DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117.
4. Belousov A.B., Davydov D.A. "Moms with strollers" vs. "mega-prison": coalitions and frames of urban conflict // Universe of Russia. 2025. Vol. 34. № 3. P. 123-145. – DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145.
5. Roads and Bridges. Traffic opened on the YULA section built with NPS participation [Electronic resource]. August 4, 2026. // URL: https://aodim.ru/media-center/news/otkryto-dvizhenie-po-uchastku-yula-postroennomu-pri-uchastii-nps/ (August 25, 2026).
6. Interfax. Amendments made to the project for a toll highway running from Solntsevo to Zheleznodorozhny [Electronic resource]. March 2, 2022. // URL: https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/izmeneniya-vnesli-v-proekt-platnoy-avtotrassy-kotoraya-proydet-ot-solncevo-do-zheleznodorozhnogo (August 25, 2026).
7. Kabanov Yu.A. Conditions for the successful implementation of e-participation institutions: the case of non-competitive political systems // Perm University Herald. Political Science. 2026. № 1. P. 25-37. – DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-25-37.
8. Kabanov Yu.A., Chugunov A.V., Panfilov G.O. Electronic civic participation in Russia: from "e-democracy" to the "nerves of the state" // Political Science. 2025. № 3. P. 182-205. – DOI: 10.31249/poln/2025.03.08.
9. Komsomolskaya Pravda – Vladimir. Vladimir Region residents ask the governor not to approve the new M-12 highway project [Electronic resource]. May 7, 2020. // URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/27127/4212877/ (August 25, 2026).
10. Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. Civic participation in the context of municipal public policy implementation // Ars Administrandi. 2024. Vol. 16. № 3. P. 533-554. – DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.
11. KPRF. "We request the disclosure of the final route for the M-12 highway in the Vladimir Region": open appeal by the KPRF faction in the Legislative Assembly of the Vladimir Region to Governor V.V. Sipyagin [Electronic resource]. March 10, 2021. // URL: https://kprf.ru/dep/reg/201028.html (August 25, 2026).
12. Ministry of Transport of the Russian Federation. Daily media monitoring dated May 23, 2020: RIA Novosti report "'Avtodor' has developed a new route option for the Moscow–Kazan highway" // URL: https://mintrans.gov.ru/file/448654 (August 25, 2026).
13. Ministry of Transport of the Russian Federation. M-12 "Vostok": An Example of Successful Megaproject Implementation in Russia [Electronic resource]. November 17, 2023. // URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10989 (August 25, 2026).
14. Miroshnichenko I.V., Kolba A.I., Shpiro L.A. Local Communities in Decision-Making Regarding Territorial Development Conflicts: The Potential of Process and Project Approaches // Perm University Herald. Political Science. 2024. Vol. 18. № 4. P. 87-101.
15. Morozova S.S. A Conceptual Model for Optimizing State-Citizen Interaction Amidst the Digital Transformation of Modern Russia // RUDN Journal of Political Science. 2025. Vol. 27. № 3. P. 638-653. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653.
16. Moyo Vidnoye 24. Meeting with Residents in Vidnoye Covers All Aspects of the YULA Road Construction [Electronic resource]. February 8, 2023. // URL: https://vidnoe-24.ru/na-vstreche-s-zhitelyami-v-vidnom-rasskazali-vse-o-stroitelstve-dorogi-yula/ (August 25, 2026).
17. Moyo Vidnoye 24. Eighth Meeting of Protesters Against the YULA Toll Road Held in Vidnoye [Electronic resource]. March 19, 2023. // URL: https://vidnoe-24.ru/v-vidnom-proshla-vosmaya-vstrecha-protestuyushhih-protiv-platnoj-trassy-yula/ (August 25, 2026).
18. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal Public Policy in the Context of Local Self-Government Reform // Political Expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. № 1. P. 4-22. – DOI: 10.21638/spbu23.2024.101.
19. Panfilov G.O., Chugunov A.V. Centralization of the electronic civic participation system in the Russian Federation: expert interview data // Administrative Consulting. 2024. № 5. P. 253-264. – DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264.
20. Solovyev A.I. Public policy decision-making: in search of a comprehensive structure // RUDN Journal of Political Science. 2026. Vol. 28. № 1. P. 9-24. – DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24.
21. Titov E.A., Paksivatkina V.A. Digital platforms for civic participation: Russian and international experience // Ars Administrandi. 2025. Vol. 17. № 1. P. 111-132. – DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-111-132.
22. Tykanova E.V. Fragmentation of interests: internal conflict and the effectiveness of urban social movements in Russia // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2024. № 6. P. 297-318. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2713.
23. Chugunov A.V., Panfilov G.O., Kabanov Yu.A. Centralization of the electronic participation system in Russia: a view from the regions // Perm University Herald. Political Science. 2024. Vol. 18. № 2. P. 25-35. – DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35.
24. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35. № 4. P. 216-224. – DOI: 10.1080/01944366908977225.
25. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. № 4. P. 823-830. – DOI: 10.1017/S1049096511001429.
26. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66. Suppl. 1. P. 66-75. – DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.
27. Hofer K., Kaufmann D. Actors, arenas and aims: A conceptual framework for public participation // Planning Theory. 2023. Vol. 22. № 4. P. 357-379. – DOI: 10.1177/14730952221139587.
28. Bormotova T.M. The impact of social mainstreaming migration prerequisites for the development of an effective migration policy and its implementation // Cultural World. 2014. № 1. P. 52-57.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Сибирский институт управления – Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Шаровский Ю.Н.

Магистрант. Сибирский институт управления – Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шевцова Е.В.

Кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления. Сибирский институт управления – Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

К вопросу формирования «портрета террориста» и разработке дополнительных мер противодействия идеологии терроризма в молодежной среде Новосибирской области

В начале 2000-х годов, с развитием на территории Российской Федерации мессенджеров и социальных сетей, сетевых игр с возможностью ведения чата между игроками, ряд экспертов в сфере противодействия идеологии терроризма отметили, что данная ситуация является благоприятной для развития новых видов мошенничества и вербовки в совершение преступлений террористического характера. Ключевой фактор – сохранение анонимности участников беседы.

Режим повышенной готовности, введенный в связи с распространением пандемии короновируса на территории Российской Федерации и ряда страна, дал мощный толчок развитию он-лайн –коммуникаций. В сетевое пространство были переведены деловые коммуникации, учебные процессы, дружеские встречи. Фактически за короткий период времени население Российской Федерации, и в первую очередь молодежь, не просто начали общаться в сетевом пространстве, а большую часть жизни перенесли в сетевой формат.

Справочно. В 2023 году в России насчитывалось 106 миллионов пользователей социальных сетей, что составляло 73 % от численности населения (Digital 2023: The Russian Federation). Участие россиян в социальных сетях соответствует среднемировому значению – 64 % используют соци-

альные сети для коммуникации (для сравнения: в Великобритании – 76%, в Германии – 54%; во Франции – 42%). 81 % россиян посещают социальные сети не менее одного раза в месяц, 71 % – ежедневно (Mediascope, 2022). [М.В. Рослякова]

По данным АНО «Белый интернет», за последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост преступлений, совершенных в сетевом пространстве. С 2019 по 2023 годы рост составил более, чем 2,3 раза. В 2019 году зарегистрировано 294 тыс., а в 2023 г. - 676 951 цифровых преступлений. [Э.Л. Сидоренко]

С началом специальной военной операции на территории Украины фиксируется всплеск цифровых преступлений против граждан Российской Федерации, в таких сферах, как мошенничество, незаконное получение персональных данных, и, в первую очередь, вовлечение в совершение преступлений террористической направленности.

Изменился и религиозно-политический характер преступлений. Если до 2022 года большая часть преступлений террористического характера совершалась выходцами из стран Средней Азии или уроженцами Российской Федерации, исповедующими радикальные формы ислама, то с началом боевых действий на Украине большинство злоумышленников действовали в интересах украинских специальных служб. При этом радикальные исламисты также не прекратили свою деятельность.

2025 год характеризовался резким ростом вовлеченности молодежи Новосибирской области в совершение преступлений террористической направленности. Возбуждено более 30 уголовных дел по фактам совершения преступлений террористической направленности, из них более 20 – в отношении молодых людей в возрасте до 25 лет, двое из них встретили свое совершеннолетие, находясь в следственном изоляторе.

Отметим, что преступление террористической направленности не означает совершение террористического акта.

В общественном сознании терроризм представлен яркими трагическими событиями, как захват заложников в «Крокус-сити» (2024 г.), захват заложников в театральном центре «Норд-Ост» (2002 г.), серия террористических актов в Москве, Волгограде и других городах в начале 2000-х годов. Символом терроризма стал захват заложников в школе №1 г. Беслан республики Северная Осетия в 2004 году.

Между тем, к преступлениям террористической направленности относятся: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, финансирование террористических организаций, оправдание терроризма, террористи-

ческий акт, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем, угон воздушного или водного транспорта либо железнодорожного состава и ряд других.

Большинство преступлений, совершенных в 2025 году, связано с финансированием террористических организаций, в частности националистических подразделений в составе Вооруженных сил Украины, оправданием терроризма в публичном пространстве, а также попытками вступить в ряды террористических организаций.

Рассмотрим, кто же совершал преступления террористической направленности в 2025 году.

Основные формы занятости: учащиеся школ и организаций среднего профессионального образования, безработные. Отметим, что в 2025 году среди задержанных – два курсанта Новосибирского высшего военного командного училища, совершивших поджог пункта сбора гуманитарной помощи на СВО.

Состав семьи: большинство преступников из неполных семей, либо из семей с так называемым «социальным сиротством», когда оба родителя присутствуют, но в воспитании ребенка участие не принимают либо минимизируют его.

Национальная принадлежность: до декабря 2025 года преступления террористической направленности совершались в основном русскими или представителями коренных народов России. Однако, в декабре прошлого года группа подростков – уроженцев и граждан стран Средней Азии и Азербайджана – совершила ряд диверсий на территории Новосибирского и Коченевского района Новосибирской области.

Вовлеченность в общественную деятельность: большинство из преступников не были вовлечены в общественную полезную деятельность, но при этом среди них есть представители трудовых отрядов подростков (г. Каргат) и студенческих объединений (г. Новосибирск).

Возраст: от 14 до35 лет, в основном в возрасте от 15 до 25 лет.

Общая черта – все лица, совершившие преступления, по результатам проведения специального психологического тестирования не были отнесены в группы риска.

Отметим, что в 2024 году - начале 2025 года правоохранительными органами фиксировались попытки и случаи вовлечения в совершение террористических актов и преступлений террористической направленности представителей различных социальных групп: пенсионеров, в том числе военных, членов семей участников СВО, трудовых мигрантов и членов

их семей. С весны 2025 года акцент сменился на молодежь, в первую очередь, несовершеннолетнюю.

Таким образом, мы видим, что формирование портрета террориста осложнено сложной социалогически-этнической картиной вовлечения в совершение преступлений террористической направленности.

В качестве примера приведем портрет террориста, сформированный в начале 2000-х годов в Российской Федерации.

«Основными качествами личности террориста считаются: а) преданность своему делу (террору) и своей организации; б) готовность к самопожертвованию; в) выдержанность, дисциплинированность; г) «конспиративность»; д) повиновение; е) коллективизм - способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы. Основным свойством личности террориста считается целостность, сконцентрированность на террористической деятельности и своей группе, организации. Однако, с динамической точки зрения, эти свойства оказываются лишь «фиксированными моментами» непрерывных метаний личности по особой психологической синусоиде с широчайшим диапазоном. Чем шире диапазон, тем менее адекватной можно считать такую личность» [Боднар Э.Л.]

Современные исследователи выделяют, что «в обобщенном виде в личности террориста одно главное и два второстепенных качества. Главное – это преданность. Преданность основной цели, своей группировке, соратникам, готовность к самопожертвованию (последний фактор спорный – авт.). Второстепенными особенностями организованность и законспирированность. Также важными требованиями являются повиновение и содружество с товарищами». [Константинов В.В., Осин Р.В.]

«Возрастные рамки людей, занимающихся терроризмом, - это в среднем 20-35 лет, то есть наиболее дееспособные, активные в умственном и физическом плане личности. Если говорить о национальных особенностях, то делать какой-то акцент довольно сложно». [Константинов В.В., Осин Р.В.]

Выделяется ряд личностных предрасположенностей, которые могут стать побудительными мотивами совершения террористических актов:

– сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью;

– недостаточная личностная идентичность, низкая самооценка, элементы расщепления личности;

– сильная потребность в присоединении к группе;

– переживание большой степени социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач;

– социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы. [Константинов В.В., Осин Р.В.]

Это кореллируется с исследованиями, проведенными в Новосибирской области в 2025 году АНО проведения экспертиз «Центр проведения экспертиз». В частности новосибирские исследователи выделяют три маршрута вовлечения молодых людей в совершение преступлений террористической направленности:

– Через обещания легкого заработка;

– Через угрозы и запугивания. Это случаи вербовки с помощью различных мошеннических схем.

– Через работу с лицами, попавшими под влияние неонацисткой и террористической идеологии.

В последнее время выделяются еще те, кого злоумышленники обманом заставляют думать, что они помогают правоохранительным органам нашей страны.

Рассмотрим эти маршруты более внимательно.

«Обещание легкого заработка». Практически все задержанные в своих показаниях сообщают об обещании определенных выплат. Сумма варьируется от 10 тысяч до 100 тысяч рублей, отметим, что ни одного случая полной выплаты обещанного вознаграждения не зафиксировано. При этом вербовщик подчеркивает легкость заработка, отсутствие или ничтожность наказания, может информировать о «правилах безопасности» (не брать мобильный телефон, поменять обувь и одежду, закрыть лицо и др.). Целевая аудитория – несовершеннолетние в возрасте от 12 до 17 лет, иногда – безработные в возрасте до 25 лет. Вербовка в основном происходит через сетевые игры или популярные мессенджеры. При этом злоумышленники зачастую осознают преступную сущность своего деяния, но соглашаются в надежде получения обещанного вознаграждения.

В данную схему укладывается ситуация, произошедшая в Каргатском районе летом 2025 года. Два несовершеннолетних, 2010 и 2011 г.р., совершили поджоги релейных шкафов и вышки сотовой связи. Один из них месяц проработал в трудовом отряде подростков. Занятость – несколько часов в день. За месяц работы он получил 10 тысяч рублей. Вскоре после этого он согласился на предложение анонимного вербовщика из чата в мессенджере «Телеграмм», предложившего ему аналогичную сумму за

совершение «определенной работы».

При кажущейся абсурдности данного маршрута, надо признать его высокую эффективность, а также сложность противодействия ему. Особенно на фоне продолжающейся в информационном публичном поле рекламы успешного образа жизни, финансового успеха и индивидуальных побед.

Отметим, что практически во всех случаях вовлечения в совершение диверсий на территории Новосибирской области фигурировал фактор обещания «легкого заработка».

Добавим, что ряд преступлений, совершенных «поневеднию и без умысла» также связаны с фактором «легкого заработка».

Показателен случай, произошедший в августе 2025 года в г. Новосибирске, когда два несовершеннолетних студента техникума 2008 г.р. совершили покушение на высокопоставленного офицера министерства обороны Российской Федерации, нанеся на дверную ручку его автомобиля отравляющее вещество. Во время следственных мероприятий, они сообщали, что в мессенджере им предложили «легкий заработок», но о том, что это связано с покушением на жизнь, они не были в курсе.

«Угрозы и запугивания». Данный маршрут предполагает использование различных мошеннических схем, которые строятся на предварительном сборе информации о потенциальном преступнике, составлении его психологического портрета, круга общения.

Целевая аудитория – размыта. В основном это люди, обладающие некими психологическими предпосылками (кризисное состояние, депрессия, ощущение выключенности из общественной жизни и др.), не соблюдающие правила кибергигиены или обладающие маленьким жизненным опытом. Среди вовлеченных через этот маршрут были представители старшего поколения, члены семей участников СВО (в основном, пропавших без вести или погибших), школьники.

Классическая схема выглядит примерно так. Поступает некое сообщение (звонок) от мошенников с требованием направления им кода, после чего приходит новое сообщение (звонок) якобы от представителей правоохранительных органов о том, что жертва осуществила акт финансирования террористической группировки (в последнее время, определенных подразделений Вооруженных сил Украины), но ситуацию можно исправить. От случая к случаю алгоритм может видоизменяться (иногда первый этап пропускается). Может подключаться фактор «легкого заработка» - «ты не просто избежишь наказания, но и можешь заработать».

В 2025-2026 годах на территории Российской Федерации стала активно применяться схема, когда у несовершеннолетнего под любым предлогом выясняются некие координаты. После чего с ним связывается якобы военнослужащий Вооруженных сил Украины и сообщает, что по данным координатам будет нанесен ракетный удар, но этого можно избежать, переведя определенную сумму или выполнив ряд «простых задач». Иногда к процессу вербовки подключается «представитель правоохранительных органов».

Отметим, что в рассматриваемый период (2024-2025 годы) случаев вовлечения в совершение преступлений террористической направленности на территории Новосибирской области не зафиксировано.

«Через работу с лицами, попавшими под влияние неонацисткой и террористической идеологии». Данный маршрут кардинально отличается от остальных тем, что здесь зачастую не вербовщики ищут жертву, а сам потенциальный преступник активно ищет вербовщика.

Целевая аудитория – молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет, зачастую нигде не работающие и не учащиеся, попавшие под влияние неонацистской, радикально исламской, идеологией движения «Колумбайна»[1] или иной террористической идеологии.

На ранних этапах вовлечения фиксируется изменения в стиле одежды и поведения, отчуждение от привычных групп общения, в том числе членов семьи. Может появиться интерес к некоторым историческим темам (один из факторов вовлечения в неонацистскую идеологию – повышенный интерес к истории Древнего Рима и Второй Мировой войны).

Зачастую злоумышленники стремятся покинуть территорию Российской Федерации и присоединится к «своим собратьям» за рубежом. Это характерно и для лиц, исповедующих радикальные формы ислама и подверженных неонацистской идеологии.

Особняком здесь стоят представители движения «Колумбайн[2]». Они активно общаются в закрытых чатах в мессенджерах, но при этом не стремятся покинуть территорию страны. Их цель – совершение нападения на учебное заведение, повторение сценария нападения на школу Клиболда и Харриса. Вовлечение происходит через интерес к суициду и субкультуре «Колумабайна». Период вовлечения весьма длительный – от нескольких месяцев до нескольких лет. На ранних стадиях фиксируется интерес к теме нападений на учебное заведение, изменение стиля одежды

1 Признана террористической организацией на территории РФ.
2 Признана террористической организацией на территории РФ.

(появление характерных футболок с надписями «Natural Selection» (естественный отбор»), «Wrath» (гнев»), «Hate» (ненависть), «Бог», берец, черной куртки или плаща). Непосредственно перед нападением в публичном пространстве (иногда в собственном телеграмм-канале) появляется манифест. После совершения нападения злоумышленник стремится к совершению суицида. (По Р.А. Силантьеву).

Самый яркий случай вовлечения в совершение преступлений террористической направленности лиц, подверженных террористической идеологии, - переход на сторону Вооруженных сил Украины и вступление в террористическую вооруженную группировку офицера Вооруженных сил России, неоднократно принимавшего участие в параде Победы в г.Ростов-на-Дону в качестве знаменосца.

В 2025 году зафиксировано несколько случаев вовлечения молодых людей, подверженных неонацистской идеологии, в совершение преступлений террористической направленности. При этом преступления носили в первую очередь идеологический и финансовый характер – направление денежных средств для поддержки террористических группировок, оправдание терроризма (в частности деятельности террористических группировок в составе Вооруженных сил Украины), нанесение символики террористических группировок на объектах, находящихся в публичном доступе.

Профилактика в этой сфере лежит в двух плоскостях. Первое – это деятельность по сохранению исторической правды, историческое просвещение. Как отмечалось выше, зачастую вовлечение происходит через интерес к истории Второй Мировой войны. В качестве профилактических мер предлагается - развенчивание исторических мифов, идеологизированного облика военнослужащих подразделений Вермахта и СС, пособников Третьего рейха из числа национальных меньшинств, проведение адресной и индивидуальной профилактической работы. Вторая плоскость – привлечение молодых людей к общественно полезной деятельности, в первую очередь, волонтерской.

Отметим, что к совершению диверсий и покушений на жизни офицеров и государственных служащих, молодые люди, подверженные влиянию неонацистской идеологии, не привлекались. Это очень важный аспект, говорящий об истинных целях противника.

Совершение диверсий в глубоком тылу противостоящей стороны не имеет ни тактического, ни стратегического смысла с военной точки зрения. Поджог релейного шкафа вблизи железнодорожной станции Транс-

сиба, уничтожение вышки сотовой связи в одном из муниципальных округов Новосибирской области или отравление офицера, прибывшего в краткосрочный отпуск, не поменяют ситуацию на линии боевого соприкосновения, не сорвут поставки техники и вооружения войскам. Тогда в чем же цель?

На наш взгляд, цель этих диверсий лежит не в сфере разрушения инфраструктуры, а в идеологической сфере.

Цель противника - создание атмосферы страха, неуверенности в завтрашнем дне, социофобии, и как итог формирование у населения образа тоталитарного государства. Противник знает слабые места российского сообщества и целенаправленно наносит по ним удары, вероломно используя тех, кто в недалеком будущем мог бы стать основой развития государства – молодежь.

«Подрастающее поколение – это ресурс национальной безопасности, гарант поступательного развития общества и различных инноваций» [Бааль Н.Б.]

Молодежь - в силу своих возрастных особенностей – удобный для них инструмент. Молодые люди зачастую более склоны к радикальным идеям, они требуют признания и справедливости. Злоумышленники знают эти особенности и умеют ими пользоваться в свою пользу.

А вот молодые люди, которые уже подвержены неонацистской идеологии, фактически выключены из позитивной общественной деятельности, социальная оценка их деятельности не будет амнистирующей. Таким образом, конечные цели (формирование образа тоталитарного государства) достигнуты не будут.

«Через «помощь правоохранительным органам»». Для Новосибирской области это явление достаточно новое.

Целевая аудитория – молодые люди, патриотически настроенные, зачастую вовлеченную в позитивную общественную деятельность.

Отмечается, что период вербовки достигает несколько месяцев и строится на миксе вышеперечисленных маршрутов вовлечения.

Вербовщик начинает общение с простых тем, потом сообщает об «избранности» молодого человека и предлагает ему оказать помощь правоохранительным органам. Иногда правоохранительные органы заменяются на страховые компании или государственно-частные компании (например, РЖД).

Здесь использование молодого человека может совершаться вслепую (когда он не подозревает об участии в совершении теракта) или в откры-

тую (когда он понимает, что ему предлагают совершение теракта, но все равно соглашается, считая, что поступает на благо общества).

Профилактические мероприятия в этой сфере осложнены, так как противник взаимодействует с позитивно настроенной и вовлеченной в общественно полезную деятельность молодежью, и направлены на формирование критического мышления. К сожалению, как показывает практика, критическое мышление с развитием сферы услуг помощи в образовании (написание научных и исследовательских работ, составление домашних заданий и пр.), искусственного интеллекта, берущего на себя проведение анализа большой базы данных, деградации системы образования особенно на школьном уровне, отрицательно сказывается на формировании навыков критического мышления у молодежи.

Рассмотрим немного уже выстроенную систему противодействия идеологии терроризма в Новосибирской области.

Стратегическим документом планирования, на котором выстраивается вся работа по противодействию идеологии терроризма, - Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации 30.12.2023 № Пр-2610. Имеет статус Указа Президента Российской Федерации. Он содержит системный подход к противодействию идеологии терроризма, сочетающий профилактические, образовательные, информационные и кадровые меры с учётом специфики различных социальных групп и регионов. В Комплексном плане акцентируется внимание на противодействии конкретным идеологическим угрозам, таким как радикальный псевдоислам, украинский национализм, неонацизм, субкультуры массовых убийств («Колумбайн», «Маньяки Культ Убийц»). Упоминается использование Единого федерального списка организаций, признанных террористическими, который размещён на сайте ФСБ России.

Комплексный план содержит пять разделов, представляющих собой векторы противодействия идеологии терроризма: общая профилактика (работа с широкими массами населения, но в первую очередь с молодежью), адресная профилактика (работа с группами риска), индивидуальная профилактика (работа с отдельными лицами, попавшими под деструктивное влияние), информационно-пропагандистские меры (противодействие в информационном поле, создание и распространение профилактического контента), профессиональное обучение (подготовка кадров).

Комплексный план является основной для формирования ежегодного Перечня мероприятий по его реализации, который создается на региональном и муниципальном уровнях. НАК рекомендует формирование такого Перечня и на уровне органов государственной исполнительной власти, но в настоящее время в Новосибирской области наличие муниципального Перечня мероприятий уже является исключительным случаем.

С 2023 года в рамках исполнения поручений НАК и антитеррористической комиссии Новосибирской области создана Региональная рабочая группа по реализации Комплексного плана под председательством Первого заместителя Губернатора Новосибирской области. Головным исполнителем является департамент молодежной политики Новосибирской области. Региональная рабочая группа заседает дважды в год – весной и зимой, но в 2025 году в связи с резким осложнением ситуации заседала три раза (дополнительно в сентябре, рассматривались случаи вовлечения учащихся в совершение преступлений террористической направленности).

В 2025 году при министерстве образования Новосибирской области создана специальная рабочая группа, рассматривающая отдельные вопросы профилактики в образовательных организациях и случаи вовлечения учащихся в совершение преступлений террористической направленности. В нее входят представители министерств, имеющих в своем подведомстве образовательные организации, департамент молодежной политики Новосибирской области, департамент административных органов, АНО «Центр управления регионом», АНО проведения экспертиз «Центр экспертиз» и другие заинтересованные стороны.

Также вопросы вовлечения несовершеннолетних в теракты рассматриваются на заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на территории Новосибирской области, комиссий и рабочих групп при ГУ МВД России по Новосибирской области и других.

Работа формированию и распространению антитеррористического контента в настоящее время ведется хаотично. В качестве материалов используются разработки НЦПТИ, правоохранительных органов, региональные разработки АНО «Центр управления регионом» и центра информационной и психологической безопасности (ГБУ НСО «Агентство поддержки молодежных инициатив»), а также собственные разработки. К сожалению, не смотря на все попытки аппарата регионального АТК, в настоящее время не удалось выстроить систему экспертизы контента,

а также оценки влияния его на целевые аудитории. В настоящее время оценивается лишь уровень охвата той или иной публикации, иногда – количество «репостов».

В 2026 году формируется новая рабочая группа по информационно-пропагандистским мерам, цель которой – создание эффективной системы информационного противодействия идеологии терроризма. В настоящее время разрабатывается положение, определяется исполнительный орган.

Ежегодно проводится обучение секретарей муниципальных антитеррористических комиссии и специалистов образования и молодежной политики по исполнению Комплексного плана. С 2026 года планируется такое обучение проводить дважды в год (осень – формирование муниципальных Перечней мероприятий, весна – исполнение регионального и муниципального Перечней мероприятий). В течение года дополнительно проводятся вебинары, семинары и форумы. Сотрудники исполнительных органов и подведомственных организаций регулярно направляются на образовательные форумы под эгидой НАК.

С 2025 года действует Координационный центр по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет» (в 2024 году аналогичный центр действовал на базе ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет», но был закрыт в связи с прекращением финансирования). Помимо проведения профилактических мероприятий в молодежной, в первую очередь, в студенческой среде, Центр проводит повышение квалификации по темам, связанным с противодействием идеологии терроризма.

Таким образом, мы видим, что формально в Новосибирской области создана достаточно эффективная система противодействия идеологии терроризма. Между тем, как анализ ситуации 2025 года говорит о том, что противник работает на опережение. Он хорошо знает внутреннюю обстановку не только страны в целом, но и отдельных регионов. Он знает и умеет работать на внутренних конфликтах и точках разрыва российского общества (взаимоотношения поколений, межнациональное общение, миграция, рост преступности, проведение СВО и др.). Он активно работает с различными целевыми аудитории. Такая ситуация требует иного подхода к вопросам противодействия идеологии.

В 2024 году на базе ГБУ НСО «Агентство поддержки молодежных инициатив» создан центр информационной и психологической безопасности. Он объединил в себе несколько направлений: мониторинг информационного пространства, деятельности волонтерского движения «КиберДружина», организация и проведение профилактических мероприятий различной тематики, информационно-пропагандистская деятельность в социальных сетях, психологическое сопровождение.

Такая организация позволила Центру реорганизовать профилактическую работу, выстроив ее на основании данных мониторинга сетевого пространства: когда аналитические данные ложатся в основу планирования основных тем мероприятий и выступлений. Так, в 2025 году на фоне проведения предвыборной кампании в Новосибирской области в ряде муниципалитетов зафиксирован всплеск интереса к анархистской тематике причем среди молодежи. Была развернута информационная кампания, направленная на разъяснение выборной системы, а также содержащая лейтмотив «Ты важен! Твой голос важен!». Непосредственно перед выборами зафиксировано снижение интереса к анархизму.

Центр проводит ряд интересных проектов, направленных на работу с группами риска. С 2024 г. реализуется проект «ЗОЖники», направленный на вовлечение принципами ЗОЖ несовершеннолетних, стоящих на различных видах учета. С 2026 г. к реализации проекта привлекаются сотрудники ПДН в муниципалитетах.

В заключении отметим, что, не смотря военные успехи российских Вооруженных сил на театре боевых действий, ситуация с вовлечением населения России, в первую очередь молодежи, в совершение правонарушений становится сложнее. В настоящее время в группе риска находятся практически все слои населения нашей страны. Используя информацию о нашей частной жизни, о круге общения, наши слабые и сильные стороны, противник создает наш психологический портрет и работает в соответствии с ним, комбинируя маршруты вовлечения. Осознание этого делает вызов не только на федеральном или региональном уровне, но каждому отдельному специалисту. Фактически - в совершение преступлений террористической направленности может быть вовлечен любой житель страны. Но при этом нельзя скатиться в состояние тотального недоверия и шпиономании, иначе это будет также иметь критические негативные последствия для общества.

Список литературы:

1. Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: афтореф. дис. д-ра

полит. наук. Н. Новгород, 2012.
2. Рослякова М.В., Социальныесети как инструмент вовлечения граждан в управление(на примере официальных страниц местных администраций городов ЦФО) // Социодинамика. 2023. № 7. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43708 (Дата обращения: 11.04.2026) – DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43708
3. Сидоренко Э.Л. Цифровая преступность: угрозы и тренды. Топ 10/ сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 2024 // URL: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/tsifrovaya_prestupnost_ugrozy_i_trendy_top_10/ (Дата обращения: 11.04.2026)
4. Боднар Э.Л. Психология терроризма: [учебно-метод. пособие] / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. - Екатеринбург, Изд-во Уральского Университета, 2013. 76с.
5. Константинов В.В., Осин Р.В. Психология экстремизма и терроризма, 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. 211 с.
6. Силантьев Р.А., Голубин Р.В., Дунаева Н.И., Замышевская Е.А., Стрекалова О.Ю., Касимова Л.Н., Судьин С.А. Кто такие колумбайнеры и как их распознать. Метод. Пособие. – Нижний Новгород: типография ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2022. 69 с.
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/ (Дата обращения: 13.04.2026)
8. КЦ НГТУ // URL: https://www.nstu.ru/studies/youth_policy/coordination_center (Дата обращения: 13.04.2026)
9. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Bibliography

1. Baal N.B. Political Extremism Among Russian Youth and Strategies to Overcome It: Abstract of a Doctoral Dissertation in Political Science. Nizhny Novgorod, 2012.
2. Roslyakova M.V. Social Networks as a Tool for Engaging Citizens in Governance (A Case Study of Official Pages of Local Administrations in Central Federal District Cities) // Sociodynamics. 2023. № 7. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43708 (April 11, 2026) – DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43708
3. Sidorenko E.L. Digital Crime: Threats and Trends. Top 10 / Website of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights of the Russian Federation, 2024 // URL: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/tsifrovaya_prestupnost_ugrozy_i_trendy_top_10/ (April 11, 2026)
4. Bodnar E.L. Psychology of Terrorism: [Teaching and Methodological Manual] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2013. 76 p.
5. Konstantinov V.V., Osin R.V. Psychology of Extremism and Terrorism, 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 211 p.
6. Silantyev R.A., Golubin R.V., Dunaeva N.I., Zamyshevskaya E.A., Strekalova O.Yu., Kasimova L.N., Sudyin S.A. Who Are "Columbiners" and How to Recognize Them: A Methodological Guide. – Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky UNN Press, 2022. 69 p.
7. Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 (approved by President of the Russian Federation V. Putin on December 30, 2023, № Pr-2610) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/ (April 13, 2026)
8. NSTU Coordination Center // URL: https://www.nstu.ru/studies/youth_policy/coordination_center (April 13, 2026)
9. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Погребняк Д.А.
Аспирант. Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Дианов С.А.
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и истории. Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Геокультурный подход в инклюзивном брендинге территорий

Инклюзивная политика и инклюзивная образовательная политика, как её элемент, предполагают одним из своих ключевых направлений работу с адекватным восприятием гражданами инклюзии и их информированием о вопросах, связанных с инклюзивным образованием.

Данные последнего опроса ВЦИОМ за 2023 г., показывают, что большинство опрошенных (74% по данным службы) поддерживают идею совместного образования детей с особенностями здоровья и без[1]. Это отражает результаты многолетней совместной просветительской работы российского некоммерческого сектора, экспертного сообщества и государства.

При этом исследования инклюзии в России указывают на сохраняющиеся проблемы восприятия людей с особыми образовательными потребностями (ООП): их стигматизацию, восприятие таких людей, как не до конца «полноправных», опасения насчёт способности школ предотвратить буллинг таких детей и эффективно организовать совместное обучение[2]. Исследование медиа репрезентации людей с особенностями здоровья и инклюзивного образования выделило две группы мнений – за и против инклюзии, где аргументы в пользу инклюзии в российском дискурсе чаще апеллируют к гуманизму, правам человека, потенциаль-

1 Инклюзивное образование: перспективны, барьеры и социальные эффекты [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkljuzivnoe-obrazovanie-perspektivny-bar-ery-i-socialnye-ehffekty (Дата обращения: 09.07.2026)

2 *Iarskaia-Smirnova E., Goriainova A.* Inclusive Education in Today's Russia: Room for Manoeuvre // Europe-Asia Studies. 2022. № 3 (74). P. 426-448; *Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O.* Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism // Inclusive Education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 247-266; *Anastasiou D.* et al. The impact of article 24 of the CRPD on special and inclusive education in Germany, Portugal, the Russian Federation, and the Netherlands // On educational inclusion. Routledge, 2020. P. 216-248.

ным преимуществам для семей, воспитывающих детей с ООП, одноклассников детей без ООП и общественного развития, а также экономической эффективности; аргументы против строятся вокруг сомнений в возможностях инклюзивных школ и дефицита ресурсов государства[3]. Некритическое заимствование ценностей инклюзивного образования не позволило им достаточно закрепится в российском публичном и образовательном пространстве[4].

Эта проблема требует от государства набора конкретных действий по просвещению и консультированию граждан по широкому кругу вопросов инклюзии, работе с предрассудками и негативными установками восприятия, а также *инклюзивному брендингу*, т.е. трансляции образа (это может быть образ государства, конкретной территории, системы образования, здравоохранения, общественной структуры), как инклюзивного пространства.

Инклюзивный брендинг считается сообществом учёных и практиков одним из основных средств решения социальных проблем и достаточно активно используется властями и сообществами, как крупных мегаполисов, так и небольших населённых пунктов, демонстрируя определённые положительные результаты[5].

В то же время исследователями инклюзивного брендинга отмечаются проблемы в реализации инклюзивного брендинга: трудности с адаптацией универсального концепта инклюзии в разных культурах, эксплуатация бренда инклюзивности без имплементации реальных политик, подкрепляющих транслируемый образ, доминирование управленцев или конкретных заинтересованных групп в процессе разработки бренда, отказ от инклюзивных и социальных целей в процессе формулирования бренда, трудности с поиском аутентичных и релевантных для конкретных территорий образов[6].

3 *Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O.* Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism // Inclusive Education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 247-266.

4 *Косарецкий С.Г.* Тренды «инклюзивного образования» в современном мире: международные дискуссии и перспективы для России //Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. №. 5. С. 14-30.

5 *Zhao R., Edelenbos J., De Jong M.* Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39; *Ripoll González L.* A dynamic regional branding process as a governance tool for sustainability transitions // Action Research. 2025. V. 23. № 3. P. 262-282.

6 *Alsayel A., Jong M. de, Fransen J.* Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786; *Liang D.* и др. Mapping key features and dimensions of the inclusive city: A systematic bibliometric analysis and literature study // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2022. V. 29. № 1. P. 60-79; *Zhao R., Edelenbos J., De Jong M.* Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39; *Rennstam J., Bertilsson J., Sullivan K.R.* City Branding to Solve Social Problems? – The Eigendynamik of management concepts // Organization Studies. 2024. V. 45. № 11. P. 1645-1667.

Наблюдая развитие дискуссии об инклюзии в России в рамках экономоцентричного дискурса, общегуманистических ценностей и прав человека, нельзя не отметить, что проблема восприятия инклюзии в России лежит в первую очередь в плоскости ценностей и культуры. Эти категории в рамках традиционного брендинга могут уступать доминирующим предпринимательским установками и экономической ориентации[7], что может приводить к эксклюзии определённых групп. Более того, инклюзивное образование – это «динамический процесс, который регулярно развивается в соответствии с местной культурой и контекстом»[8], что требует от властей и стейкхолдеров постоянной ориентации на ценностно-культурный контекст обществ, где они имплементируют инклюзивную политику.

Мы предполагаем, что *геокультурный брендинг* территории – продвижение инклюзивного образа места среди её жителей (которые также входят в группы стейкхолдеров в образовании), направленное не на «получение прибыли или дополнительных доходов в местный бюджет, а вовлечение жителей в различные формы культуротворческой и иной созидательной деятельности»[9] позволит органам власти, придав проблеме иной ценностный и культурный контекст, более эффективно бороться со стереотипами и стигмой в отношении людей с ООП.

Цель нашей статьи – рассмотреть продвижение инклюзивной культуры и просвещение граждан в вопросах инклюзии с точки зрения подхода геокультурного брендинга. Для этого мы, во-первых, мы рассмотрим текущие исследования инклюзивного брендинга. Во-вторых, определим возможности применения теоретической рамки геокультурного брендинга к трансляции инклюзивного образа территории. В-третьих, опираясь на международный и российский опыт, определим потенциальные инструменты инклюзивного геокультурного брендинга в рамках российской образовательной политики.

Инклюзивный брендинг

На сегодня инклюзивный брендинг рассматривается с двух перспектив. С одной стороны, это процесс вовлечения в формирование бренда места максимально широкого круга представителей заинтересованных групп, в том числе групп меньшинств, проживающих на территории. С

7 *Rennstam J., Bertilsson J., Sullivan K.R.* City Branding to Solve Social Problems? – The Eigendynamik of management concepts // Organization Studies. 2024. V. 45. № 11. P. 1645-1667.

8 UNICEF. Conceptualizing Inclusive Education and Contextualizing it within the UNICEF Mission [Электронный ресурс]. // URL: https://www.unicef.org/lac/en/reports/conceptualizing-inclusive-education-and-contextualizing-it-within-unicef-mission (Дата обращения: 09.07.2026)

9 *Дианов С.А., Полуянова О.Г., Чегодаев В.П.* Геокультурный брендинг как инструмент решения кризисного состояния социально-экономической сферы сельского поселения // Конфликтология / nota bene. 2022. № 1. С. 65.

другой стороны, инклюзивный брендинг стремится к созданию образа успешного развивающегося места, которое «убрало все ненужные препятствия для достоинства, свободы, самовыражения и создания ценностей»[10]. Оба подхода тесно взаимосвязаны, т.к. создание образа аутентичного инклюзивного места невозможно без включения в его разработку носителей разных точек зрения и, наоборот, констелляция точек зрения стейкхолдеров должна приводить к разработке бренда, учитывающего взгляды и запросы разных сторон участников.

Говоря о содержании понятия бренда инклюзивного населённого пункта или территории, интерес представляют исследования городского брендинга. В дискуссии о городской политике и брендировании категория *«инклюзивный город»* используется вместе с категориями *«умный», «устойчивый», «экологичный», «креативный»* город[11].

Исследователи отмечают комплексность концепции инклюзивного города, которая включает несколько направлений инклюзивной трансформации: социальное (касается социальной справедливости, прав, участия, безопасности и т.д.), экономическое (занятость, экономическое равенство, устойчивая экономика, «зелёный» рост экономики), политическое (поддержка разнообразия и участия в политических процессах, делиберативность), пространственное (доступное жильё, общественные пространства, устойчивое землепользование) и доступная среда (общественный транспорт, инклюзивное планирование города, экономичное использование ресурсов, устойчивая инфраструктура и т.д.)[12].

Считаем возможным в рамках данного подхода, соблюдая ряд условностей, говорить об инклюзивном бренде не только городов, но и других территориальных образований.

Примеры успешных формирований брендов, которые поддерживают развитие мест, показывают, что инклюзивный брендинг реализуется через создание коллективных органов с максимально широким кругом акторов для обсуждения и управления брендом, визуальные инструменты, документы планирования, развитие устойчивых горизонтальных связей между акторами брендинга и конкретные политики, направленные на

10 *Alsayel A., Jong M. de, Fransen J.* Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 3.

11 *Alsayel A., Jong M. de, Fransen J.* Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786; *Liang D.* и др. Mapping key features and dimensions of the inclusive city: A systematic bibliometric analysis and literature study // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2022. V. 29. № 1. P. 60-79.

12 Там же.

обеспечение равного доступа к услугам и ресурсам города[13]. Последнее не всегда сопровождается артикулированием инклюзивного бренда. Например, Цюрих, Осло, Хельсинки и Оттава, пользуясь стабильной экономической ситуацией, развитым производством и сформированной репутацией инклюзивных и развитых городов, полагаются на брендинг меньше других, что не уменьшает эффективности их политик[14].

Вместе с тем, комплексность и связность концепции инклюзивного места с другими образами приводит к проблеме демаркации брендов. Исследования брендинговой политики ряда столичных городов показывают наличие противоречий между инклюзивным и креативным образами, где последний, преследуя экономические цели может создавать условия для социально-экономической эксклюзии отдельных групп жителей[15].

Другая проблема заключается в том, что, несмотря на нормативность и универсальность концепции инклюзивного места, которая предполагает защиту прав и включение всех жителей, власти и ключевые участники трансляции бренда исходят из локальных проблем и культурно и политически обоснованных представлений об инклюзивности, выбирая актуальные для их контекста направления и целевые группы[16]. Это также может приводить к эксклюзии тех групп, которые не учитываются стратегией брендинга и государственными программами.

Учёные отмечают ситуации, где города типа Чикаго или Турина приоритизируют репутацию и образ культурно-разнообразного или креативного города, но не могут достичь реальных результатов в борьбе с неравенством и маргинализацией сообществ, что усугубляет экономические вызовы городов и разрушает их имидж среди туристов из-за расхождений заявляемого образа и городских политик[17]. Инклюзивная повестка

13 *González L.R., Lester L.* 'All for One, One for All': communicative processes of co-creation of place brands through inclusive and horizontal stakeholder collaborative networks //Communication & Society. 2018. V. 31 (4). P. 59-78; *Rebelo C., Mehmood A., Marsden T.* Co-created visual narratives and inclusive place branding: a socially responsible approach to residents' participation and engagement // Sustain Sci. 2020. T. 15. № 2. C. 423-435; *Belabas W., George B.* Do inclusive city branding and political othering affect migrants' identification? Experimental evidence // Cities. 2023. V. 133. P. 104119; *Alsayel A., Jong M. de, Fransen J.* Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786; *Björner E., Aronsson L.* Decentralised place branding through multiple authors and narratives: the collective branding of a small town in Sweden // Journal of Marketing Management. 2022. T. 38. № 13-14. C. 1587-1612.

14 *Zhao R., Edelenbos J., De Jong M.* Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39.

15 *Alsayel A., Jong M. de, Fransen J.* Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786.

16 *Zhao R., Edelenbos J., De Jong M.* Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39.

17 Там же.

также может быть исключена из бренда в процессе его формулировки, уступив приоритетами экономического развития территории[18].

Rennstam et al. объясняют эти проблемы генезисом концепции брендинга, который «мигрировал из корпораций частного сектора в общественный сектор, где его начали использовать, как способ управления государственными организациями»[19], для которого имманентны предпринимательские цели, ориентации и практики[20]. Присущая ему изначальная вертикальность управления, поиск уникальных ценностей и смыслов, которые будут наиболее эффективно сообщены аудитории на практике оказываются сильнее инклюзивных целей, которые трудно воплотить в образе места, и в итоге могут вытеснять их.

Геокультурный брендинг

Альтернативный подход к традиционному брендингу, предложенный Н. Замятиным, является *геокультурным*, т.е. опирающимся на систему устойчивых культурных реалий и представлений конкретной территории[21]. *Геокультурный брендинг* – это «проектно-сетевая деятельность, направленная на прикладное использование геокультуры территории (специфическая региональная идентичность, историко-культурное наследие, архетипические географические образы, локальные мифы и культурные ландшафты) в целях формирования и продвижения социально значимого и эффективного (аттрактивного) территориального образа»[22]. *Геокультурная политика*, которая реализует брендинг, в свою очередь, «должна быть направлена на людей, а не на материальные или нематериальные объекты»[23].

Также обращаясь к критике маркетингового подхода, конечная цель которого состоит в быстрой коммерциализации ресурсов места, где менее экономически активные группы жителей исключаются из соавторов и аудитории бренда[24], концепция геокультурного брендинга изначально была разработана, как инструмент социально-экономической трансформации территорий через трансляцию их локальных культурных образов для коммерческих и общественных целей с помощью:

- обязательного вовлечения и согласия жителей места в том, как фор-

18 *Rennstam J., Bertilsson J., Sullivan K.R.* City Branding to Solve Social Problems? – The *Eigendynamik* of management concepts // Organization Studies. 2024. Т. 45. № 11. С. 1645-1667.

19 Там же, P. 3.

20 *González L.R., Lester L.* 'All for One, One for All': communicative processes of co-creation of place brands through inclusive and horizontal stakeholder collaborative networks //Communication & Society. 2018. V. 31. P. 59-78.

21 *Замятин А.Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике: книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства / А.Н. Замятин. СПб: Алетейя, 2020. 738 с.

22 Там же, С. 29.

23 *Дианов С.А., Базарьева Л.П., Кобяков А.В.* Методологические основания муниципальной геокультурной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. Т. 2. №. 176. С. 81.

24 Там же.

мируется бренд;

- коллективного создания и продвижения медиа-образа территории;
- совместных культуротворческих практик;
- развития разнообразных форм сплочённости жителей[25].

Предпринимая попытку отступить от привычных схем бизнес-деятельности, вместо универсальных гуманистических установок инклюзии геокультурный брендинг предлагает ориентацию на локальную идентичность, культурные образы, традиции и нормы, которые через интерактивный процесс коммуникации множества акторов оформляются в более или менее фиксированный образ места, аутентичный и релевантный для его жителей.

Мы полагаем, что рассматриваемый нами геокультурный подход может позволить произвести перестройку механизмов публичного восприятия инклюзии и инклюзивного образования , расширив обсуждение отношений к инклюзии и совместного образования из «пространства» прав, универсальных ценностей, международных документов и экономической эффективности также в «пространство» национальной и региональной российской культуры, традиций, объединяющих ценностей и удовлетворения общественного запроса граждан на равенство и справедливость.

Геокультурный брендинг для продвижения инклюзии

В случае поддержки государством развития в обществе инклюзивной культуры геокультурный брендинг будет представлять комплекс действий по презентации территории, как инклюзивного пространства, толерантного к людям отличным по здоровью, национальности, языку и другим признакам, который опирается на местный культурный и ценностный контекст. Культурный и ценностный контекст должен определятся непосредственно акторами брендинга и представителями целевых групп, поэтому каждая территория будет иметь в определённой степени собственный набор.

В целях исследования обозначим потенциальные *инструменты трансляции инклюзивного образа* гипотетической территории. Эти инструменты инклюзивного геокультурного брендинга должны реализовываться с опорой на объективные данные, быть адресованы, как индивидам, так и конкретным группам и обществу, и применяться в рамках

25 *Дианов С.А., Полуянова О.Г., Чегодаев В.П.* Геокультурный брендинг как инструмент решения кризисного состояния социально-экономической сферы сельского поселения // Конфликтология / nota bene. 2022. № 1. С. 63-73; *Дианов С.А., Дианова Ю.В., Погребняк Д.А.* Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. №. 1. С. 283-288; *Замятин А.Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике: книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства / А.Н. Замятин. – СПб: Алетейя, 2020. 738 с.

«холистического» подхода к инклюзивной образовательной политике, т.е. быть частью набора комплексных мер воздействия, не ограничиваясь, к примеру, лишь визуальными и медиа средствами[26].

Для определения ценностного контекста нашей гипотетической мы можем обратиться к критериям справедливости в жизненных ситуациях, которые разделяют граждане РФ: солидарность, взаимопомощь в семье, равноправие[27], а также в наибольшей степени поддерживаемые гражданами ценности, которые используются для ориентации в текущих государственных программах: семья, и права человека, гуманизм, жизнь и достоинство человека[28]. Культурный контекст будет задаваться традициями и практиками, которые характерны для общностей, проживающих на гипотетической территории, где разрабатывается и реализуется бренд.

Органы государственной и муниципальной власти, а также иные акторы брендинга могут использовать следующие инструменты:

а) комплексная медиакампания с целью уменьшить стигматизацию и продемонстрировать различия жителей места или страны по признакам этноса, языка, возраста, состояний здоровья, которые сложились на территории, акцентируя исторические и культурные причины этого разнообразия.

Примерами инициатив, которые можно использовать в рамках геокультурной брендинг-стратегии территории, являются проекты «Time to Change» в Великобритании и «Opening Minds» в Канаде. Это комплексные программы, которые были направлены на работу на уровне общества, групп и отдельных жителей; в визуальных и медиа-материалах демонстрировались личные истории людей с особенностями здоровья и иными отличиями, разоблачение мифов и стереотипов, медицинская и иная информация, призывающая к поддерживающему отношению к людям вне зависимости от их статуса и особенностей[29]. Частично сюда можно отнести визуальный инклюзивный брендинг Роттердама[30], который, однако, ограничивался лишь визуальными средствами, и медиакам-

26 *Mezzanotte C., Calvel C.* Indicators of inclusion in education: A framework for analysis // OECD Education Working Papers. 2023. №. 300. P. 1-71.

27 Отчет по результатам исследовательского проекта «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.cessi.ru/issledovaniya-spravedlivosti-2020 (Дата обращения: 12.12.2025)

28 Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (Дата обращения: 09.07.2026)

29 *Gronholm P.C.* et al. Interventions to reduce discrimination and stigma: the state of the art // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2017. V. 52. № 3. P. 249-258; Henderson C. Challenges in improving mental health literacy at population level // World Psychiatry. 2023. Т. 22. №. 3. P. 392.

30 *Belabas W., George B.* Do inclusive city branding and political othering affect migrants' identification? Experimental evidence // Cities. 2023. V. 133. P. 104119.

панию с рядом событий, посвящённые Году единства народов России[31], которые инициируются и администрируются вертикально и ограничиваются только представителями коренных народов РФ.

б) события с культурной и образовательной тематикой, где будут созданы условия взаимодействия жителей места с людьми с особенностями здоровья и представителями других групп.

К примеру, шведская программа «Hjärknoll» даёт возможность местным властям и компаниям организовывать мероприятия разного формата (лекции, семинары, другие активности) с участием экспертов и людей, проживших опыт ментальных заболеваний[32]. В Пермском крае похожие инициативы регулярно проводятся НКО «МечтаЯжить». Это концерт, конкурс и ярмарка «Зимнее дыхание» в поддержку детей, больных редкими и орфанными заболеваниями)[33]. НКО «Территория передышки» организовывала благотворительный фестиваль «Ночь на улице», посвященный проблемам людей в ситуации бездомности[34]. Ещё одно НКО «Счастье жить» регулярно проводит благотворительный вечер «Ярмарка счастья» с тематикой русского народного искусства и стиля[35]. Эти и похожие мероприятия могут быть включены в стратегию инклюзивного геокультурного брендинга территории, региона или населённого пункта.

в) психообразовательные и креативные арт-программы с участием людей с особенностями здоровья и другими отличиями. Такие события включают совместную кальтуротворческую деятельность, т.е. культурные продукты (кино, театр, фотография, музыка), которые созданы людьми с ООП или другими отличиями и рассказывают об их проблемах, восприятии, личном опыте и иных темах.

В качестве примера подобных инициатив приведём два инклюзивных музейных арт-проекта в Британии и Испании, где проводились события для включения людей с особенностями в обсуждение и презентацию своего опыта и общественного положения через коллективные творческие действия в пространствах музеев, где далее посетители могли ознакомиться с этими культурными продуктами в рамках показов и выставок[36].

31 Год единства народов России. События [Электронный ресурс]. // URL: https://годединства2026.рф/events (Дата обращения: 09.07.2026)

32 *Hansson L., Stjernswärd S., Svensson B.* Changes in attitudes, intended behaviour, and mental health literacy in the Swedish population 2009–2014: an evaluation of a national antistigma programme // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2016. V. 134. P. 71-79.

33 Зимнее дыхание // URL: https://mechtayazhit.ru/project/zimnee-dyhanie/ (Дата обращения: 09.07.2026).

34 Благотворительный фестиваль «Ночь на улице» возвращается [Электронный ресурс]. // URL: https://homelessperm.ru/tpost/fh4i0uy6t1-blagotvoritelnii-festival-noch-na-ulitse (Дата обращения: 09.07.2026).

35 Ярмарка счастья // URL: https://happy59.ru/news/0_3254/ (Дата обращения: 09.07.2026).

36 *Richards M, Lawthom R and Runswick-Cole K.* Community-based arts research for people with learning disabilities: challenging misconceptions about learning disabilities // Disability and Society. 2019. V. 34 (2). P. 204-227;

Подводя итог, в нашей статье мы продемонстрировали, как геокультурный подход может быть использован с целью информирования граждан об особенностях инклюзии и инклюзивного образования, а также борьбы с предрассудками и негативным восприятием людей с ООП и другими отличающими особенностями.

В рассмотренной нами научной литературе, посвящённой инклюзивному и геокультурному подходам в брендинге территорий оба подхода выступают инструментами решения социальных проблем, противопоставляя себя экономоцентричному брендингу.

Исследователи также отмечают ряд проблем практической реализации инклюзивного брендинга: сложность адаптации универсальной идеи инклюзии к разным культурным контекстам, расхождение между реальными политиками и заявляемым инклюзивным образом места, исключение отдельных групп из процесса брендинга, смещение акцента с инклюзивных и социальных целей, трудности совмещения инклюзивных ценностей и имманентных брендингу предпринимательских установок.

Эти противоречия, а также культурно-ценностная специфика негативных установок в отношении инклюзивного образования и людей с ООП в российском дискурсе составляют обоснование для использования геокультурного подхода, как трансляции инклюзивного образа территории с опорой на локальных культурный и ценностный контекст.

Используя международный и отечественный опыт, мы предложили набор мер по геокультурному инклюзивному брендингу для гипотетической территории.

Наша работа обозначила возможные направления для дальнейших дискуссий и исследований инклюзивной государственной политики в области образования и геокультурного брендинга. Необходимо более детально изучить репрезентацию людей с особенностями здоровья и отношения к инклюзии в российском публичном дискурсе, включая среду стейкхолдеров, используя в том числе геокультурный подход. Другим направлением будущих исследований может стать более точное определение релевантных для национальной, региональных и местных культур ценностных приоритетов. Получение и анализ этих данных позволит разработать наиболее подходящие локальному геокультурному контексту инструменты брендинга, направленные на поддержку развития инклюзивного развития образования и других сфер, а также сравнить их эффективность между собой и с практиками традиционного брендинга.

Rojas-Pernia S. et al. Opening the doors: inclusive creative projects and community engagement in Spanish museums // Frontiers in Education. Frontiers Media SA. 2025. V. 10. P. 1595816.

Список литературы:

1. Благотворительный фестиваль «Ночь на улице» возвращается [Электронный ресурс]. // URL: https://homelessperm.ru/tpost/fh4i0uy6t1-blagotvoritelnii-festival-noch-na-ulitse (Дата обращения: 09.07.2026).
2. Год единства народов России. События [Электронный ресурс]. // URL: https://годединства2026.рф/events (Дата обращения: 09.07.2026)
3. Дианов С.А., Дианова Ю.В., Погребняк Д.А. Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 283-288.
4. Дианов С.А., Дианова Ю.В., Погребняк Д.А. Геокультурная политика в регионах России: теоретико-методические и управленческие аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 283-288.
5. Дианов С.А., Базарьева Л.П., Кобяков А.В. Методологические основания муниципальной геокультурной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. Т. 2. № 176. С. 76-84.
6. Дианов С.А., Полуянова О.Г., Чегодаев В.П. Геокультурный брендинг как инструмент решения кризисного состояния социально-экономической сферы сельского поселения // Конфликтология / nota bene. 2022. № 1. С. 63-73.
7. Замятин А.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике: книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства / А.Н. Замятин. – СПб: Алетейя, 2020. 738 с.
8. Зимнее дыхание [Электронный ресурс]. // URL: https://mechtayazhit.ru/project/zimnee-dyhanie/ (Дата обращения: 09.07.2026).
9. Инклюзивное образование: перспективны, барьеры и социальные эффекты [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkljuzivnoe-obrazovanie-perspektivny-barery-i-socialnye-ehffekty (Дата обращения: 09.07.2026)
10. Косарецкий С.Г. Тренды «инклюзивного образования» в современном мире: международные дискуссии и перспективы для России // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 5. С. 14-30.
11. Отчет по результатам исследовательского проекта «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.cessi.ru/issledovaniya-spvedlivosti-2020 (Дата обращения: 09.07.2026)
12. Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (Дата обращения: 09.07.2026)
13. Ярмарка счастья [Электронный ресурс]. // URL: https://happy59.ru/news/0_3254/ (Дата обращения: 09.07.2026).
14. Alsayel A., Jong M. de, Fransen J. Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786.
15. Anastasiou D. et al. The impact of article 24 of the CRPD on special and inclusive education in Germany, Portugal, the Russian Federation, and the Netherlands // On educational inclusion. Routledge, 2020. P. 216-248.
16. Belabas W., George B. Do inclusive city branding and political othering affect migrants' identification? Experimental evidence // Cities. 2023. V. 133. P. 104-119.
17. Björner E., Aronsson L. Decentralised place branding through multiple authors and narratives: the collective branding of a small town in Sweden // Journal of Marketing Management. 2022. V. 38. № 13-14. P. 1587-1612.
18. González L.R., Lester L. 'All for One, One for All': communicative processes of co-creation of place brands through inclusive and horizontal stakeholder collaborative networks // Communication & Society. 2018. V. 31. P. 59-78.
19. Gronholm P. C. et al. Interventions to reduce discrimination and stigma: the state of the art // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2017. V. 52. № 3. P. 249-258.
20. Hansson L., Stjernswärd S., Svensson B. Changes in attitudes, intended behaviour, and mental health literacy in the Swedish population 2009–2014: an evaluation of a national antistigma programme // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2016. V. 134. P. 71-79.
21. Henderson C. Challenges in improving mental health literacy at population level // World Psychiatry. 2023. V. 22. № 3. P. 392.
22. Iarskaia-Smirnova E., Goriainova A. Inclusive Education in Today's Russia: Room for Manoeuvre // Europe-Asia Studies. 2022. № 3 (74). P. 426-448.
23. Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O. Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism // Inclusive Education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 247-266.
24. Liang D. и др. Mapping key features and dimensions of the inclusive city: A systematic bibliometric analysis and literature study // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2022. V. 29. № 1. P. 60-79.
25. Mezzanotte C., Calvel C. Indicators of inclusion in education: A framework for analysis // OECD Education Working Papers. 2023. № 300. P. 1-71.
26. Rebelo C., Mehmood A., Marsden T. Co-created visual narratives and inclusive place branding: a socially responsible approach to residents' participation and engagement // Sustain Sci. 2020. V. 15. № 2. P. 423-435.
27. Rennstam J., Bertilsson J., Sullivan K. R. City Branding to Solve Social Problems? – The Eigendynamik of management concepts // Organization Studies. 2024. V. 45. № 11. P. 1645-1667.
28. Richards, M, Lawthom, R and Runswick-Cole, K. Community-based arts research for people with learning disabilities: challenging misconceptions about learning disabilities // Disability and Society. 2019. 34 (2). P. 204-227.
29. Ripoll González L. A dynamic regional branding process as a governance tool for sustainability transitions // Action Research. 2025. V. 23. № 3. P. 262-282.
30. Rojas-Pernia S. et al. Opening the doors: inclusive creative projects and community engagement in Spanish museums // Frontiers in Education. – Frontiers Media SA, 2025. V. 10. P. 1595816.
31. UNICEF. Conceptualizing Inclusive Education and Contextualizing it within the UNICEF Mission [Электронный ресурс]. // URL: https://www.unicef.org/lac/en/reports/conceptualizing-inclusive-education-and-contextualizing-it-within-unicef-mission (Дата обращения: 09.07.2026)
32. Zhao R., Edelenbos J., De Jong M. Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39.
33. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй

половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Bibliography

1. “Night on the Street” Charity Festival Returns [Electronic resource]. // URL: https://homelessperm.ru/tpost/fh4i0uy6t1-blagotvoritelnii-festival-noch-na-ulitse (July 9, 2026).
2. Year of the Unity of the Peoples of Russia. Events [Electronic resource]. // URL: https://годединства2026.рф/events (July 9, 2026).
3. Dianov S.A., Dianova Yu.V., Pogrebnyak D.A. Geocultural Policy in Russia’s Regions: Theoretical-Methodological and Managerial Aspects // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2026. № 1. P. 283-288.
4. Dianov S.A., Dianova Yu.V., Pogrebnyak D.A. Geocultural Policy in Russia’s Regions: Theoretical-Methodological and Managerial Aspects // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2026. № 1. P. 283-288.
5. Dianov S.A., Bazarieva L.P., Kobyakov A.V. Methodological Foundations of Municipal Geocultural Policy // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2023. Vol. 2. № 176. P. 76-84.
6. Dianov S.A., Poluyanova O.G., Chegodaev V.P. Geocultural Branding as a Tool for Addressing the Crisis State of the Socio-Economic Sphere in a Rural Settlement // Conflictology / nota bene. 2022. № 1. P. 63-73.
7. Zamyatin A.N. Geocultural Branding of Cities and Territories: From Theory to Practice: A Book for Those Who Want to Design and Create Alternative Spaces / A.N. Zamyatin. – St. Petersburg: Aletheia, 2020. 738 p.
8. Winter Breath [Electronic resource]. // URL: https://mechtayazhit.ru/project/zimnee-dyhanie/ (09.07.2026).
9. Inclusive Education: Prospects, Barriers, and Social Effects [Electronic resource]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkljuzivnoe-obrazovanie-perspektivny-barery-i-socialnye-ehffekty (09.07.2026)
10. Kosaretsky S.G. Trends in “Inclusive Education” in the Modern World: International Debates and Prospects for Russia // Psychological Science and Education. 2024. Vol. 29. № 5. P. 14-30.
11. Report on the Results of the Research Project “Justice in Everyday Life and in the Vision of the Future of Russian Society” [Electronic resource]. // URL: https://www.cessi.ru/issledovaniya-spvedlivosti-2020 (09.07.2026)
12. Traditional Values: Expectations and Reality [Electronic resource]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (09.07.2026)
13. Happiness Fair [Electronic resource]. // URL: https://happy59.ru/news/0_3254/ (09.07.2026).
14. Alsayel A., Jong M. de, Fransen J. Can creative cities be inclusive too? How do Dubai, Amsterdam and Toronto navigate the tensions between creativity and inclusiveness in their adoption of city brands and policy initiatives? // Cities. 2022. V. 128. P. 103786.
15. Anastasiou D. et al. The impact of article 24 of the CRPD on special and inclusive education in Germany, Portugal, the Russian Federation, and the Netherlands // On educational inclusion. Routledge, 2020. P. 216-248.
16. Belabas W., George B. Do inclusive city branding and political othering affect migrants’ identification? Experimental evidence // Cities. 2023. V. 133. P. 104-119.
17. Björner E., Aronsson L. Decentralised place branding through multiple authors and narratives: the collective branding of a small town in Sweden // Journal of Marketing Management. 2022. V. 38. № 13-14. P. 1587-1612.
18. González L. R., Lester L. ‘All for One, One for All’: communicative processes of co-creation of place brands through inclusive and horizontal stakeholder collaborative networks // Communication & Society. 2018. V. 31. P. 59-78.
19. Gronholm P. C. et al. Interventions to reduce discrimination and stigma: the state of the art // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2017. V. 52. № 3. P. 249-258.
20. Hansson L., Stjernswärd S., Svensson B. Changes in attitudes, intended behaviour, and mental health literacy in the Swedish population 2009–2014: an evaluation of a national antistigma programme // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2016. V. 134. P. 71-79.
21. Henderson C. Challenges in improving mental health literacy at population level // World Psychiatry. 2023. V. 22. № 3. P. 392.
22. Iarskaia-Smirnova E., Goriainova A. Inclusive Education in Today’s Russia: Room for Manoeuvre // Europe-Asia Studies. 2022. № 3 (74). P. 426-448.
23. Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O. Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism // Inclusive Education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 247-266.
24. Liang D. и др. Mapping key features and dimensions of the inclusive city: A systematic bibliometric analysis and literature study // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2022. V. 29. № 1. P. 60-79.
25. Mezzanotte C., Calvel C. Indicators of inclusion in education: A framework for analysis // OECD Education Working Papers. 2023. № 300. P. 1-71.
26. Rebelo C., Mehmood A., Marsden T. Co-created visual narratives and inclusive place branding: a socially responsible approach to residents’ participation and engagement // Sustain Sci. 2020. V. 15. № 2. P. 423-435.
27. Rennstam J., Bertilsson J., Sullivan K. R. City Branding to Solve Social Problems? – The Eigendynamik of management concepts // Organization Studies. 2024. V. 45. № 11. P. 1645-1667.
28. Richards, M, Lawthom, R and Runswick-Cole, K. Community-based arts research for people with learning disabilities: challenging misconceptions about learning disabilities // Disability and Society. 2019. 34 (2). P. 204-227.
29. Ripoll González L. A dynamic regional branding process as a governance tool for sustainability transitions // Action Research. 2025. V. 23. № 3. P. 262-282.
30. Rojas-Pernia S. et al. Opening the doors: inclusive creative projects and community engagement in Spanish museums // Frontiers in Education. – Frontiers Media SA, 2025. V. 10. P. 1595816.
31. UNICEF. Conceptualizing Inclusive Education and Contextualizing it within the UNICEF Mission // URL: https://www.unicef.org/lac/en/reports/conceptualizing-inclusive-education-and-contextualizing-it-within-unicef-mission (09.07.2026)
32. Zhao R., Edelenbos J., De Jong M. Between branding and being: how are inclusive city branding and inclusive city practices related? // JPMD. 2025. V. 18. № 1. P. 20-39.
33. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Каштанюк В.А.

Кандидат исторических наук, кафедра «Истории», ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», г. Биробиджан.

Шелудько А.С.

Ассистент, кафедра «Истории», ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Еврейская автономная область, г. Биробиджан.

Ценностный суверенитет и историческая память: что значит «быть собой» в эпоху слома миропорядка (на примере истории и культуры Дальнего Востока)

Введение

Современная эпоха характеризуется тектоническими изменениями миропорядка, пересмотром прежних моделей глобализации и возвращением к цивилизационной самобытности. Для России, объявившей курс на «разворот на Восток», Дальний Восток становится не просто геополитическим форпостом, а зоной прямого диалога культур - православно-евразийской с конфуцианско-буддистским миром Китая, Кореи и Японии. В этих условиях остро встаёт вопрос: как сохранить себя, будучи открытым соседям? Где проходит грань между заимствованием и утратой самобытности?

Понятие «ценностный суверенитет» постепенно переходит из сугубо юридического поля (границы, армия) в гуманитарное (смыслы, ценности, память) [9, 11]. Исследователи всё чаще говорят о необходимости «перевести» суверенитет в плоскость исторического сознания и культурной идентичности. Дальний Восток предоставляет уникальный материал для такого переосмысления: здесь на протяжении четырёх веков складывалась особая модель межэтнического взаимодействия, отличная от классического западного колониализма, а феномен «дальневосточности» стал прочным фундаментом для общероссийской гражданской идентичности [12].

Актуальность работы обусловлена, во-первых, государственным запросом на объединяющие смыслы и противодействие фальсификации истории; во-вторых, недостаточной разработанностью механизмов пере-

вода исторической памяти в ресурс патриотического воспитания; в-третьих, необходимостью осмысления дальневосточного опыта как модели для других пограничных регионов России.

Цель исследования – выявить механизмы формирования ценностного суверенитета российского Дальнего Востока как результата синтеза исторической памяти, традиционных ценностей и локальных культурных слоёв, а также определить роль дальневосточной идентичности в укреплении общероссийского гражданского самосознания в условиях трансформации современного миропорядка.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые ценностный суверенитет рассматривается не как абстрактная политико-правовая категория, а как конкретный историко-культурный феномен, определяемый через анализ научных исследований, посвященных истории и культуре российского Дальнего Востока.

2. Предложена и обоснована трёхслойная модель духовного суверенитета (автохтонный, православный, современный слои), позволяющая преодолеть упрощённые оппозиции «традиция – модернизация» и «своё – чужое».

3. Доказано, что локальная дальневосточная идентичность («дальневосточность») выступает не периферийным вариантом общероссийской идентичности, а её ценностно-смысловым фундаментом, аккумулирующим опыт пограничного сосуществования и культурного синтеза.

4. Впервые проведена периодизация освоения Дальнего Востока в ценностно-смысловом ключе, где каждый исторический этап связан с определённым типом исторических деятелей – носителей ценностного кода (от промысловой предприимчивости до индустриального рывка).

Материалы и методы.

Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем методы исторической науки, культурной антропологии и политической философии. В работе использованы:

– историко-генетический метод – для реконструкции этапов освоения Дальнего Востока и выявления преемственности ценностных установок;

– сравнительно-исторический метод – для сопоставления дальневосточной модели колонизации с западными колониальными нарративами;

– системный анализ – для построения модели «духовного суверенитета» как интегративного феномена, включающего историческую память,

традиционные ценности и локальную идентичность.

Историографическая ситуация по проблеме соотношения ценностного суверенитета и исторической памяти характеризуется тремя взаимодополняющими подходами: конкретно-социологическим, институционально-педагогическим и общетеоретическим (цивилизационным).

Д.А. Гугуева и О.С. Мосиенко на основе фокус-групп и глубинных интервью выявили неоднородность восприятия Великой Отечественной войны современной молодёжью [3]. Авторы фиксируют переход от героико-монументального нарратива к более личному, травматическому восприятию, а также появление контрфактических сценариев («что было бы, если бы победила Германия»). Это исследование ценно тем, что показывает разрыв между формальным почитанием памяти и глубиной исторических знаний.

Ю.А. Самедова, В.Н. Забавников и Н.Е. Бондаренко рассматривают историческую память как «оружие» в условиях ментальной войны и предлагают конкретные практики её трансляции в образовательной среде (военно-научные секции, встречи с ветеранами, церемониальные практики) [10]. Работа носит прикладной характер и показывает механизмы формирования патриотического сознания «сверху вниз».

М.К. Горшков и И.О. Тюрина на основе репрезентативных опросов доказывают, что Победа в Великой Отечественной войне остаётся безусловной ценностной «скрепой» российского общества [2]. Важнейший вывод авторов - выделение двух мировоззренческих групп («государственников» и «новых западников») и фиксация снижения «исторической компетентности» у молодёжи. Эта работа задаёт общий контекст для понимания региональной специфики.

В статьях С.Ю. Пояркова, В.В. Гончарова и Е.Г. Трониной анализируется институционализация исторической памяти как правовой категории [9, 11]. Авторы показывают, что идентичность и память стали полноправными категориями конституционного права, а сохранение исторической правды – инструментом государственной политики.

М.М. Мчедлова и О.А. Букин легитимируют цивилизационный подход как научный инструмент, отказываясь от универсализма в пользу множественности путей развития [7]. Для историка здесь важен тезис о «метафизике государственности»: государство в России - не просто административный институт, а смыслозадающий центр. Капаров А.А. конкретизирует эти категории, выделяя историческую память, культурный суверенитет, гражданскую идентичность и традиционные ценности в ка-

честве ключевых факторов государственной политики [6]. Л.И. Никовская, опираясь на данные ВЦИОМ, показывает эволюцию понятия «традиционные ценности» в законах 2012–2025 гг. и фиксирует запрос 74% россиян на цивилизационный суверенитет [8].

Фундаментальное значение для изучения дальневосточного кейса имеют работы В.А. Тураева об «этническом и культурном врастании» [12], а также коллективные монографии «История российского Дальнего Востока. Курс на Восток», «История Дальнего Востока России: в 3 т.» [4, 5]. Исследователи подчёркивают уникальность русской колонизации: отсутствие комплекса превосходства, сохранение аборигенного самоуправления, влияние православной церкви как фактор толерантности.

Таким образом, в литературе сложился определенный научный взгляд относительно ключевой роли исторической памяти в консолидации общества, однако остаётся нераскрытым конкретный механизм синтеза памяти и ценностей в феномен «духовного суверенитета» применительно к отдельным регионам. Настоящая статья частично может восполнить пробел на материале Дальнего Востока.

Результаты

На наш взгляд, духовный суверенитет не возникает на пустом месте. Он складывается из синтеза исторической памяти (которая осмысляется через периодизацию и роль личностей) и ценностей, которые кристаллизуются в трех основных культурных слоях региона: автохтонном (традиции), православном (духовные скрепы) и современном (цивилизационный контекст).

Рис. 1.

Обсуждение

По нашему мнению, Дальний Восток – не колония, а пространство «этнокультурного врастания». Вопреки концепциям «внутренней колонизации», русское освоение региона (XVII–XIX вв.) не сопровождалось вытеснением или уничтожением

Таблица 1. Хронологические рамки и периодизация освоения Дальнего Востока (XVII–XX вв.).

Период Хронологические рамки	Ключевые особенности этапа (согласно тексту)	Ключевые личности
1. Промысловая (пушная) колонизация XVII в.	- Основная движущая сила - охота за пушниной («пушнина давала России треть всех государственных доходов»). - Более 90% денежных поступлений от пушнины приходилось на Восточную Сибирь и Дальний Восток. - После истребления ценного зверя основная масса вольного русского населения (промышленники, торговцы) возвращалась в Россию.	Ерофей Павлович Хабаров (Святитский) (ок. 1610–1667 гг.) Русский землепроходец, организовавший несколько крупных походов в Приамурье и составивший «Чертёж реке Амуру». В 1649–1653 годах его экспедиции положили начало присоединению обширных земель по реке Амур к Российскому государству, за что его имя носит город Хабаровск.
2. Отходничество» и военное присутствие XVIII – первая половина XIX в.	- Регион становится территорией «отходничества»: основу населения составляют военные и чиновники, которые после службы (досрочный чин, льготная пенсия) возвращались в центральную Россию. - Экономическая убыточность: расходы на содержание (например, Анадырского острога) превышали доходы в десятки раз (в 47 раз в 1710–1764 гг.). - Единственным источником доходов остаётся ясак, но при этом аборигены имели ряд привилегий (освобождение от рекрутской повинности, льготы по налогам, закрепление земель).	Витус Ионассен Беринг (1681–1741 гг.) Датчанин на русской службе, капитан-командор. Во главе 1-й и 2-й Камчатских экспедиций (1725–1730 и 1733–1743 гг.) нанес на карту почти всё тихоокеанское побережье Сибири и Камчатки, доказал наличие пролива между континентами и основал Петропавловск-Камчатский, столицу Камчатского края.
3. Кризис и начало хозяйственного перелома Середина XIX в.	- Почти полное отсутствие русских на огромных пространствах (между Леной и Охотским морем). - Упадок русских поселений: забыты ремёсла (пила, рубанок), орудия труда (соха, борона), земледелие заменено рыболовством и охотой. - Успехи земледельческого освоения начинаются только после массового переселения крестьян (во второй половине XIX в.). - Пример Камчатки: к 1831 г. расходы превышали доходы в 25 раз.	Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский (1809–1881 гг.) Генерал-губернатор Восточной Сибири, сыгравший ключевую роль в возвращении Приамурья. Заключил Айгунский договор с Китаем (1858), закрепив за Россией земли по Амуру, и основал города Благовещенск, Хабаровск и Владивосток.

4. Военно-стратегическая колонизация Конец XIX – начало XX в.	- Всё, что делалось в регионе, делалось в военно-политических интересах, а не ради развития экономики. - Расцвет и упадок поселений зависели от военной необходимости (Владивосток – крепость, после переноса базы в Порт-Артур интерес угас; исчезновение Анадырска, Олюторска). - Почти полное отсутствие транспортной инфраструктуры (первая дорога на Камчатке длиной 12 вёрст построена в 1851 г., через 250 лет после вхождения).	Граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915 гг.) Министр финансов, инициатор строительства Транссибирской магистрали (Транссиба). Он видел в дороге инструмент не только экономического, но и геополитического освоения региона, обеспечив связь центра с тихоокеанскими рубежами.
5. Советский период (индустриализация и демографический взрыв) XX в. (особенно вторая половина)	Продолжение процесса «врастания», но с противоречиями. - Рост населения с 1926 по 1989 гг. - более чем на 0,5 млн человек, превращение региона в этнически русскую территорию. - Более высокие темпы роста по сравнению со страной в целом. Темпы увеличения населения Дальнего Востока в советский период превосходили общероссийские показатели. Заселение не только южных, но и северных районов. При этом темпы роста в северных районах были существенно выше, чем в южных. Например, население Камчатской, Магаданской и Сахалинской областей в 1989 году составляло 1562 тыс. человек, что в 41 раз выше, чем в 1926 году (38 тыс. человек). Увеличение доли северных районов в населении Дальнего Востока – с 2,4% в 1926 году до 19,7% к 1989 году. Рост плотности населения. Если в 1926 году плотность населения составляла 0,2 человека на кв. км, то к 1989 году она увеличилась до 1,6 человека на кв. км НО Сотни населённых пунктов исчезли с карты в рамках борьбы с «неперспективными» поселениями (в Хабаровском крае между 1989 и 2002 гг. прекратило существование более 150 сёл). - К концу XX века три четверти территории Дальнего Востока – «пустые безжизненные пространства». Демографическая ситуация остается сложной, но наметилась положительная тенденция: если в 2010-е годы ежегодная миграционная убыль в среднем составляла около 16 тыс. человек, то в 2024 году впервые зафиксирован миграционный приток в 24,2 тыс. человек	Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930 гг.) Ученый-этнограф, географ и писатель. В 1900-1930-е гг. возглавлял ряд экспедиций, результатом которых стали уникальные научные описания флоры, фауны и коренных народов Дальнего Востока. Его труды («Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю») до сих пор остаются важнейшим источником знаний об этом регионе.

коренного населения. Этому способствовали: лояльность переселенцев, отсутствие «комплекса превосходства», сохранение аборигенного самоуправления и обычного права, а также деятельность православной церкви. Даже в советский период, несмотря на репрессии и лагерную экономику, регион не потерял своей идентичности, хотя ликвидация «неперспективных» деревень (более 150 сёл в Хабаровском крае между 1989–2002 гг.) нанесла серьёзный урон историческому ландшафту.

Мы считаем, что духовный суверенитет складывается из трёх культурных слоёв. Анализ схемы, представленной в Рис 1, позволяет выделить три основания дальневосточной идентичности: *автохтонное* (традиции коренных народов, шаманские практики, фольклор), *православное* (духовные скрепы, миссионерская деятельность, храмовое зодчество) и *цивилизационное/современное* (результаты индустриализации, городская культура, креативные индустрии). Именно синтез, а не вытеснение одного слоя другим, создаёт устойчивую конструкцию ценностного суверенитета.

«Дальневосточность» как феномен островной идентичности, обусловлен удалённостью от центра, близостью к Тихому океану и азиатским соседям, что сформировало особую форму самосознания - «дальневосточную инсулярность». Этот локальный патриотизм не противоречит общероссийской гражданской идентичности, а напротив, служит её фундаментом. Героические страницы освоения (походы Хабарова, экспедиции Беринга и Невельского, оборона Порт-Артура, труд на Транссибе) становятся для дальневосточников не абстрактной историей, а исторической памятью.

И в данном контексте личности являются аккумуляторами ценностей. В работе выделены пять групп исторических деятелей, соответствующих этапам колонизации (от Ерофея Хабарова до В.К. Арсеньева). Каждая такая фигура - не просто «герой», а носитель определённого ценностного кода: промысловая предприимчивость (XVII в.), военно-государственное служение (XVIII–XIX вв.), научное подвижничество (рубеж XIX–XX вв.), индустриальный рывок (советский период). Историческая память о них выполняет функцию «ценностного якоря» в моменты социальной турбулентности.

Заключение

Хозяйственная убыточность как геополитическая цена, рассмотренная В.А. Тураевым, подтверждена предоставленной в таблице перио-

дизацией (от пушной колонизации XVII в. до советского периода) и показывает парадокс: на протяжении столетий регион был экономически убыточным (расходы на Анадырский острог превышали доходы в 47 раз, на Камчатке – в 25 раз). Однако государство сознательно шло на эти издержки, понимая Дальний Восток как «регион про запас», стратегический приоритет. Эта жертвенность сама по себе стала ценностью, укрепляющей суверенитет.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Ценностный суверенитет не может быть декретирован «сверху»; он вырастает из исторической памяти, укоренённой в локальных практиках. Дальний Восток даёт пример того, как память о прошлом (героическом, трудовом, научном) становится ресурсом для ответа на вызовы настоящего.

2. Формула академика Г.Н. Волкова («без памяти нет традиций, без традиций - нет культуры, без культуры - нет воспитания… без личности - нет народа») обретает на дальневосточном материале конкретное историческое наполнение. Память и ценности в их единстве действительно образуют то, что можно назвать духовным суверенитетом.

3. Опыт Дальнего Востока опровергает западные колониальные нарративы. Русское освоение региона было не вытеснением, а «врастанием», что зафиксировано в сохранении аборигенного самоуправления, обычного права и межэтнического согласия, подкреплённой православной миссией.

4. «Дальневосточность» как локальная идентичность не противостоит общероссийской, а служит её укреплению. В условиях «слома миропорядка» именно такие укоренённые в регионе смыслы обеспечивают психологическую и культурную устойчивость.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом цифровой трансформации исторической памяти (влияние социальных сетей, видеоигр, «попаданческой» литературы на молодёжное сознание), а также с компаративным изучением других пограничных регионов России (Кавказ, Крым, Калининградская область).

Список литературы:

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика: учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г.Н. Волков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. 176 с.

2. Горшков М.К. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты / М.К. Горшков, И.О. Тюрина // Россия реформирующаяся. 2024. № 20. С. 10-32.

3. Гугуева Д.А. Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодёжи / Д.А. Гугуева, О.С. Мосиенко // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 88-97.

4. История Дальнего Востока России: в 3 т. Т. 3, кн. 4: Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / А.С. Ващук [и др.] ; под общ. ред. В.Л. Ларина. – Владивосток: Дальнаука, 2009. 694 с.
5. История российского Дальнего Востока. Курс на Восток: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Буровцева, В.А. Чернова. – Хабаровск: ДВГУПС, 2025. 248 с.
6. Капаров А.А. Социокультурные и ценностные факторы в государственной политике России как объект исследования / А.А. Капаров // Государственное управление. 2025. № 1. С. 78-90.
7. Мчедлова М.М. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории / М.М. Мчедлова, О.А. Букин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 156-172.
8. Никовская Л.И. Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности / Л.И. Никовская // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 1. С. 34-50.
9. Поярков С.Ю. Конституционная идентичность и идеологические парадигмы в национальных конституциях: между традицией, универсализмом и трансформацией / С.Ю. Поярков, В.В. Гончаров // Право и политика. 2025. № 8. С. 45-62.
10. Самедова Ю.А. Историческая память как фактор формирования патриотического сознания в современных условиях / Ю.А. Самедова, В.Н. Забавников, Н.Е. Бондаренко // Педагогика и просвещение. 2024. № 3. С. 45-54.
11. Тронина Е.Г. Конституционно-правовые основы сохранения и защиты исторической памяти / Е.Г. Тронина // Современный учёный. 2025. № 9. С. 112-119.
12. Тураев В.А. Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное врастание в регион / В.А. Тураев. – Владивосток: Дальнаука, 2009. 312 с.
13. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

Bibliography

1. Volkov G.N. Ethnopedagogy: Textbook for Students of Secondary and Higher Pedagogical Educational Institutions / G.N. Volkov. – 2nd ed., rev. and exp. – Moscow: Akademiya, 2000. 176 p.
2. Gorshkov M.K. Consolidation of Russian Society Amidst Modern Challenges: Historical-Sociological and Value-Worldview Contexts / M.K. Gorshkov, I.O. Tyurina // *Russia in Reform*. 2024. № 20. P. 10-32.
3. Gugueva D.A. The Significance and Value of the Great Patriotic War for Modern Russian Youth / D.A. Gugueva, O.S. Mosienko // Sociological Studies. 2024. № 5. P. 88-97.
4. *History of the Russian Far East: in 3 vols. Vol. 3, Book 4: The Post-War World: Far Eastern Society in 1945–1950s / A.S. Vashchuk [et al.]; ed. by V.L. Larin. – Vladivostok: Dalnauka, 2009. 694 p.
5. History of the Russian Far East. Course to the East: Collection of Scientific Papers / ed. by V.V. Burovtsev, V.A. Chernov. – Khabarovsk: DVGUPS, 2025. 248 p.
6. Kaparov A.A. Sociocultural and Value Factors in Russia's State Policy as an Object of Research / A.A. Kaparov // *Public Administration*. 2025. № 1. P. 78-90.
7. Mchedlova M.M. Russian Civilization: A Civilizational Approach in Political Theory / M.M. Mchedlova, O.A. Bukin // Political Expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. № 2. P. 156-172.
8. Nikovskaya L.I. Traditional Values as a Factor in the Consolidation of Russian Society: From Problem Formulation to Reality / L.I. Nikovskaya // Bulletin of the Institute of Sociology. 2025. Vol. 16. № 1. P. 34-50.
9. Poyarkov S.Yu. Constitutional Identity and Ideological Paradigms in National Constitutions: Between Tradition, Universalism, and Transformation / S.Yu. Poyarkov, V.V. Goncharov // Law and Politics. 2025. № 8. P. 45-62.
10. Samedova Yu.A. Historical Memory as a Factor in Shaping Patriotic Consciousness in Contemporary Conditions / Yu.A. Samedova, V.N. Zababnikov, N.E. Bondarenko // Pedagogy and Enlightenment. 2024. № 3. P. 45-54.
11. Tronina E.G. Constitutional and Legal Foundations for Preserving and Protecting Historical Memory / E.G. Tronina // Modern Scholar. 2025. № 9. P. 112–119.
12. Turaev V.A. Russia in the Far East: Ethnic and Cultural Integration into the Region / V.A. Turaev. – Vladivostok: Dalnauka, 2009. 312 p.
13. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

История

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Гаврилюк Н.П.
Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон»
ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.
Старший преподаватель кафедры истории.
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Псевдо-оригиналы Сен-Дени: технология изготовления папируса и стратегии фальсификации в дипломатике раннего средневековья

История дипломатики раннего Средневековья неотделима от истории материалов, на которых фиксировались правовые акты. Носитель письма – папирус или пергамен – не был нейтральной основой: он нёс на себе следы производственной традиции, определял облик документа и, что особенно важно для настоящего исследования, мог служить самостоятельным аргументом при установлении подлинности акта [6]. Именно поэтому изучение технологии изготовления письменных материалов приобретает особое значение при анализе средневековых фальсификаций.

Коллекция папирусов аббатства Сен-Дени, хранящаяся сегодня в Национальных архивах Франции, представляет собой в этом отношении уникальный источник. Она объединяет как подлинные меровингские акты, так и псевдо-оригиналы, изготовленные монахами в середине XI века. Парадоксальным образом сама практика фальсификации оказалась главной причиной сохранности целого ряда древних документов, которые в противном случае, вероятно, были бы утрачены [4].

Настоящая статья ставит своей целью показать, каким образом технология производства папируса и последующая смена этого носителя пергаменом связаны со стратегиями фальсификации, применявшимися в Сен-Дени. Для этого последовательно рассматриваются: хронология использования папируса и причины его исчезновения в Европе, технология изготовления и критерии качества папирусного свитка, исторический контекст процесса Сен-Дени и, наконец, конкретные приёмы изготовления псевдо-оригиналов, реконструируемые на материаловедческом уровне.

Существует устойчивая тенденция представлять папирус как материал, привязанный исключительно к эпохе египетских фараонов и исчезнувший вместе с ними. Однако в действительности его использование продолжалось ещё долго после падения Римской империи и завоевания Египта арабами в 641 году н. э. – фактически вплоть до XI века н. э. в прибрежных итальянских городах, таких как Неаполь и Рим, и в особенности в папской канцелярии [21]. В общей сложности около четырёх тысяч лет отделяют первые папирусы от последних написанных на нём свитков, причём процесс изготовления, отлаженный ещё в четвёртом тысячелетии до н. э., в целом оставался неизменным, хотя между свитками разных эпох существуют очевидные различия [9].

Учитывая столь широкое использование папируса, закономерен вопрос: почему до нас дошло так мало документов на этом материале из средневековой Европы? Механизмы их исчезновения изучены слабо, однако специалисты предполагают действие нескольких факторов. Первый из них – материальный: состоящий преимущественно из целлюлозы, папирус особенно чувствителен к влажности и биологическому разложению, что делало его сложным для сохранения во влажном европейском климате, в отличие от Египта, где сухой климат в значительной степени способствовал его сохранности [19]. Так, папирусы Сен-Дени не избежали воздействия насекомых и их личинок, проделавших в них обширные ходы. Вследствие этого дошедшие до нас европейские папирусы представляют собой лишь ничтожную часть некогда существовавшей письменной продукции.

Второй фактор связан с появлением в документальной практике нового носителя – пергамена, производимого из животных шкур. Этот материал входит в документальную практику Европы в VII веке; первыми регионами, начавшими его систематически использовать, стали Франция, Англия и Испания [7]. Пергамен появляется среди меровингских королевских документов, произведённых в Иль-де-Франс в начале 670-х годов: первый сохранившийся пергамен, содержащий оригинальный текст, а не копию, датируется 673 годом [Цит. по 20, p.50] (См. Рисунок 1).

После этой даты не сохранилось ни одного королевского папируса – только частные акты, что, впрочем, не следует считать доказательством их полного отсутствия [1].

Причины перехода от папируса к пергамену остаются предметом дискуссий. Пришло ли производство папируса в упадок оттого, что ему предпочли более прочный местный материал, или же, напротив, пергамен

был выбран потому, что папирус стало трудно достать? Иными словами, является ли этот переход причиной или следствием более масштабного явления? [12]. Историки в целом сходятся во мнении о важности экономического измерения этого процесса.

Существует ряд признаков, указывающих на трудности со снабжением папирусом. С одной стороны, они были связаны с чередой климатических проблем и внутренними политическими затруднениями в Египте; с другой – с изменениями морских путей в Средиземноморье, которые могли препятствовать доступности папируса для континентальных городов [18]. Показательно, что сохранение использования папируса в Риме, Гаэте и Неаполе – то есть в средиземноморских портовых городах – вплоть до XI века могло объясняться их ключевым положением на этих торговых путях. В Северной же Европе папирус исчез раньше, и первоначально пергамен использовался там лишь как замена папирусу, причём иногда чувствовалась необходимость обосновывать саму смену носителя.

Решающим преимуществом пергамена стала его большая прочность в условиях умеренного европейского климата – важнейшее качество с точки зрения архивной сохранности [19]. Это преимущество не ускользнуло от внимания современников: в конце VIII века Каролинги распорядились переписать на «пергамене, который хранит память» папские документы на папирусе, уже «частично разрушенные и стёртые ветхостью и небрежностью», хранившиеся в королевской сокровищнице [6]. Наконец, следует упомянуть появление в Египте с IX века китайской бумаги, всё более процветающее производство которой также ускорило упадок папируса [8].

Резюмируя, можно констатировать постепенное сокращение использования папируса между VIII и XI веками. Сначала оно имело географическое измерение, сосредотачиваясь на прибрежных средиземноморских городах, а затем и социальное, поскольку последними средами его бытования оставались канцелярии правителей высокого ранга – императоров, епископов, королей [6]. Именно это обстоятельство – исчезновение папируса из повседневного оборота при сохранении за ним статуса «материала правителей прошлого» – сыграет ключевую роль в истории фальсификаций Сен-Дени.

Для понимания стратегий фальсификации необходимо предварительно рассмотреть технологию производства папирусного свитка, поскольку именно её особенности монахи Сен-Дени использовали как в своих

целях, так и невольно оставляли материальные следы, позволяющие сегодня разоблачить подделку.

Материалом для производства служило растение Cyperus papyrus L., стебли которого в Египте могли достигать нескольких метров в высоту. Их разрезали на отрезки нужной длины, очищали от зелёной коры, обнажая белую губчатую сердцевину, которую затем нарезали на тонкие полоски различными способами. Укладывался первый слой вертикальных полосок – нижний слой будущего листа, – который покрывался слоем горизонтальных полосок, образующим поверхность для письма. Всё это сильно прессовалось или отбивалось и высушивалось [10].

После высыхания листы соединялись друг с другом, образуя свиток – торговую единицу. Для этого использовался крахмальный клей, а также горизонтальные полоски папируса, которые оставляли выступающими с одной стороны каждого листа, чтобы они служили стыком. Зона наложения между двумя листами получила название стыка склейки; в среднем свиток состоял примерно из двадцати листов [21]. Ориентация стыков склейки зависела от направления письма: в Западной Европе, где писали слева направо, стыки ориентировали «ступенчато» по направлению письма, чтобы инструмент писца не натыкался на утолщение, образованное наложением листов, тогда как в фараоновском Египте, где писали справа налево, свитки переворачивались на 180° [9].

Полоски папируса перед сборкой сортировались по толщине и цвету: в первую очередь отбирались полосы без дефектов для формирования однородных листов высшего качества, а из более грубого сырья – вероятно, из нижней части стебля или более зрелого растения – изготавливались листы второго сорта, отличавшиеся более плотной сетью волокон и большей непрозрачностью [5]. При производстве отдельного свитка старались использовать листы одного качества, однако при недостатке материала свиток мог дополняться листами более низкого сорта, чтобы достичь необходимых двадцати листов, пригодных для продажи.

Важной физической особенностью папируса является его видимая на просвет структура. Степень полупрозрачности свидетельствует о тонкости материала, о распределении и плотности волокон, об общей однородности, а также позволяет выявить стыки склейки и дефекты изготовления [11]. Именно эта особенность, как будет показано ниже, стала одним из ключевых инструментов современного анализа папирусов Сен-Дени.

Вопрос о качестве папируса важен для понимания того, какой материал использовался в высших сферах франкского общества и, соответствен-

но, какой требовался фальсификаторам. Ещё египтяне различали сорта папируса, применяя термины, сходные с обозначениями тканых материалов: meh – «грубый» и chema – «прекрасный» [14]. Наиболее полную классификацию оставил Плиний Старший, перечисливший в порядке убывания качества сорта Claudius, hieraticus (позднее Augustus), Saiticus и другие, вплоть до непригодного для письма упаковочного emporiticum; при этом самыми лучшими считались наиболее широкие листы.

Вместе с тем понятие «качество» применительно к папирусу требует осторожности. Не существует «хорошего» или «плохого» папируса в абсолютном смысле – существуют лишь папирусы, более или менее адаптированные к своему назначению [22]. Толстый и грубый папирус, непригодный для тонкого письма, был идеален для упаковки. Постепенное утолщение свитков с греческой эпохи (332 – 30 гг. до н. э.) объясняется именно необходимостью выдерживать давление более острого и жёсткого греческого калама, а не деградацией производства [21]. Следовательно, оценивая «качество» папируса, авторы – как древние, так и современные – чаще всего оценивают его эстетику.

Существенно, что папирусы, использовавшиеся в высших сферах франкского общества, обнаруживают весьма схожие структурные характеристики – регулярность и однородный уровень полупрозрачности. Меровингские правители, по-видимому, имели доступ к чрезвычайно рафинированным свиткам и выбирали именно их для торжественных актов[4]. Копии завещаний знатных лиц пользовались сопоставимым вниманием, хотя их материал мог быть несколько менее однородным. Эти различия объясняются источниками снабжения: известно, например, что часть папирусов поступала как пошлинный товар – таможенники в портах Марселя или Фос-сюр-Мер взимали от имени короля процент с товаров, прибывавших из Александрии, среди которых были и папирусы [18]. Не исключено, что свитки заказывались и напрямую, а лучшие экземпляры резервировались для наиболее важных случаев.

Практика фальсификации в Сен-Дени была порождена конкретным правовым конфликтом. В начале VII века в парижском регионе насчитывалось множество базилик, среди которых шесть seniores basilicae – наиболее значимых, привлекавших массу паломников и находившихся под юрисдикцией парижского епископа [4]. В 650-х годах королева Батильда, супруга Хлодвига II, инициировала преобразование этих базилик в монастыри, обязав их общины жить по смешанному правилу святого Бенедикта и святого Колумбана. В качестве компенсации за столь обре-

менительное новое правило общинам предоставлялись определённые свободы посредством двух типов документов: privilegia, регулировавших отношения монастыря с властью диоцеза, и immunitates, определявших статус монастыря по отношению к государству [6].

Под давлением короля Хлодвига II епископ Парижа Ландри 1 июля 654 года согласился освободить из-под своей власти (potestas) и власти своих преемников базилику Сен-Дени вместе с её владениями. Вскоре король подтвердил эту привилегию торжественным актом и даровал монастырю иммунитет [Цит. по 20, p. 50] (См. Рисунок 2). На протяжении последующих столетий короли по просьбе аббатов даровали новые привилегии, каждый раз подтверждая прежние [1]. Так монастырь Сен-Дени постепенно приобрёл так называемое экземптное положение – определённую независимость от парижского епископа.

Однако вплоть до середины XI века Сен-Дени не располагал папской привилегией, прямо предоставлявшей ему экземпцию. В 1060-х годах спор между аббатством и епископом Парижа Жоффруа, пытавшимся вернуть власть над монастырём, был передан на рассмотрение папе Александру II. Аббат Райнье одержал победу на Латеранском синоде 1065 года, однако успех был бы невозможен, если бы монахи не подкрепили свою позицию многочисленными актами – «почти исключительно подделками, особенно папскими актами, изготовленными в Сен-Дени для доказательства экземпции» [15]. Некоторые из этих подделок представляли собой почти дословные копии подлинных актов, в которые фальсификаторы вставляли нужную им клаузулу.

Ключевая связь между технологией письменных материалов и практикой фальсификации заключается в следующем. К XI веку монахи Сен-Дени отчётливо осознавали, что папирус был материалом письма правителей прошлого – императоров, королей и пап. Изготавливая псевдо-оригиналы, призванные имитировать древние акты, монахи были вынуждены оставаться верными не только стилю письма, но и материалу-носителю [4]. Однако торговля папирусом во Франции прекратилась несколькими веками ранее, поскольку даже канцелярии его больше не использовали.

В этих условиях у монахов не оставалось иного выхода, кроме как обратиться к ресурсам, имевшимся под рукой, – уже исписанным древним папирусам, которые по иронии судьбы принадлежали тем самым прославленным королям и папам, чьи личности фальсификаторы намеревались узурпировать. Таким образом, исчезновение папируса из эко-

номического оборота Западной Европы, описанное в первых разделах статьи, стало не просто фоном, а непосредственной технологической предпосылкой конкретной стратегии фальсификации: подделка «под старину» требовала подлинно старого носителя, добыть который иначе было невозможно.

Именно поэтому кампания фальсификации середины XI века парадоксальным образом обеспечила сохранность целого ряда документов. Для тех папирусов, содержание которых не служило напрямую интересам Сен-Дени в процессе – например, частных завещаний, – повторное использование монахами оказалось единственной причиной их выживания [4]. Всего монахами было изъято не менее десяти оригинальных документов меровингской эпохи, а также письмо, адресованное Карлу Великому Магинарием (788 г.), и булла папы Формоза (891 – 896 гг.).

Показательным примером служит папирус завещания Эрментруды. Это единственное сохранившееся женское меровингское завещание, дошедшее до нас в виде фрагментарной копии [Цит. по 20, p. 61] (См. Рисунок 3, 4). По мнению исследователей, копия датируется началом VII века, тогда как утраченный оригинал мог быть составлен в 575 – 584 годах [4]. Завещательница, судя по высокому положению свидетелей – графа Муммола, спафария Скупилио и дефензора Баудухария – и по перечню даримого имущества (золотые украшения, серебряные сосуды, владения, лошади), несомненно, принадлежала к высшей знати.

Носитель завещания состоит из восьми листов папируса шириной в среднем 21,5 см при высоте свитка около 33 см. Показательно, что в фараоновском Египте свитки высотой более 30 см. использовались лишь в особых случаях – в королевских канцеляриях и при изготовлении «Книг мёртвых»; по-видимому, эта традиция сохранилась, поскольку почти все изученные свитки меровингских правителей превышают данную высоту [14]. Структурный анализ показывает, что два правых листа отличаются от прочих более плотной и непрозрачной структурой, что позволяет отнести их к листам второго сорта, которыми свиток, вероятно, был дополнен для достижения необходимого объёма [Цит. по 20, p. 63] (См. Рисунок 5).

С точки зрения истории фальсификации завещание Эрментруды особенно ценно тем, что демонстрирует технику повторного использования носителя. Оригинальный текст завещания, написанный чёрно-коричневыми чернилами на углеродной основе, был скрыт монахами путём склеивания свитка с другими исписанными папирусами – «текст к тексту», –

чтобы получить чистую поверхность для новой подделки [4]. Поскольку свиток был велик, для сокрытия его лицевой стороны потребовалось два папируса. В результате на документе сегодня различимы несколько наслаивающихся типов надписей – оригинальный текст, «перенесённые» с соседних свитков строки и, наконец, поздний псевдо-оригинал.

На обороте скрытого завещания Эрментруды монахи написали подложную буллу папы Захарии – типичный псевдо-оригинал, то есть подложный акт, наделённый всеми внешними признаками подлинника, включая знаки удостоверения. Последовательность действий фальсификаторов удаётся реконструировать именно благодаря материаловедческому анализу. Сначала завещание было скрыто двумя исписанными папирусами (одним из них оказался акт обмена между аббатами Магноальдом и Ламбертом), затем полученный «чистый» свиток был разрезан на две части, каждая из которых пошла на изготовление отдельной подделки – буллы Николая I и буллы Захарии [Цит. по 20, p. 72] (См. Рисунок 6, 7).

Содержание подложной буллы Захарии сводится к тому, что папа якобы по просьбе короля Пипина Короткого подтверждает привилегию свободы, дарованную епископом Ландри в 654 году, и предоставляет монастырю новые права. Показательно, что булла ссылается на другую подделку – фальсифицированную хартию Ландри, сохранившуюся на обороте завещания «сына Идды». Исследователи полагают, что оба документа были написаны одним и тем же лицом, которое, однако, старалось дифференцировать почерки, придавая письму буллы черты куриального письма [15]. Подделка выдала себя анахронизмом: датировка была оформлена по формуле, появившейся лишь при понтификате Иоанна XVIII (1003 – 1009 гг.). При этом, в отличие от многих подделок, опиравшихся на подлинную основу, булла Захарии была вымышлена целиком.

Особый интерес представляет стратегия имитации знаков удостоверения. Одного лишь текста было недостаточно, чтобы акт считался подлинным, – требовалась свинцовая булла. По свидетельству Дома Жака Дубле (1625 г.), булла Захарии была скреплена свинцовой печатью на конопляной нити [13]. Не имея подлинного акта Захарии, монахи, по мнению Л. Левиллена, изъяли свинцовую буллу из хранившейся в картулярии энциклики [15]. Материальные следы – остатки папируса, приклеенные к нижнему обороту подложной буллы примерно на 16 см. ниже последней строки текста, – позволяют предположить, что монахи вырезали и приклеили целиком всю нижнюю часть подлинного докумен-

та вместе с печатью, что делало подделку практически неопровержимой.

Подделки Сен-Дени были разоблачены в XVII веке усилиями учёных-мавристов – конгрегации французских бенедиктинцев, основанной в 1618 году. Ключевой вехой стали труды Жана Мабильона (1632 – 1707 гг.), впервые опубликовавшего оригинальные тексты, столетиями остававшиеся скрытыми внутри склеенных свитков [17]. Сам факт их публикации означает, что сборки были разобраны в промежутке между изданием Дома Дубле (1625 г.) и работами Мабильона (1681 – 1704 гг.). Разделение слипшихся папирусов, потребовавшее значительного количества воды для размягчения клея, нанесло документам серьёзный ущерб: многие свитки вышли из этой операции ослабленными и разделёнными на части.

Современный материаловедческий подход существенно дополняет традиционную дипломатику. Оптический анализ в различных диапазонах излучения позволяет различать типы чернил: оригинальные меровингские тексты выполнены чернилами на углеродной основе, тогда как псевдо-оригинал XI века обнаруживает характеристики металлогалловых чернил, в которых углерод отсутствует [22]. Изучение структуры волокон, стыков склейки, ходов насекомых и следов клея даёт возможность реконструировать как первоначальный облик свитков, так и последовательность операций фальсификации и позднейших реставраций [11]. Тем самым физический носитель превращается из пассивной основы текста в полноценный исторический источник.

Проведённый анализ показывает, что технология изготовления письменных материалов и практика фальсификации документов в раннем Средневековье связаны гораздо теснее, чем это может показаться на первый взгляд. Исчезновение папируса из хозяйственного оборота Западной Европы, обусловленное климатическими, экономическими и технологическими факторами – прежде всего распространением более долговечного пергамена и появлением бумаги, – превратило этот материал в атрибут «правителей прошлого». Именно это обстоятельство и определило стратегию фальсификаторов Сен-Дени: чтобы придать подложным актам убедительность древних оригиналов, монахи были вынуждены использовать подлинный старинный носитель – исписанные папирусы, хранившиеся в монастырском картулярии.

Изготовление псевдо-оригиналов в середине XI века подчинялось двум ограничениям: необходимости обосновать спорный экземптный статус аббатства надёжными архивными документами и необходимости сохранять верность стилю и материалу письма узурпируемых персон.

Разработанные монахами механизмы – сокрытие оригинальных текстов путём склеивания, повторное использование и разрезание свитков, имитация почерков и знаков удостоверения – были сложными и хорошо продуманными, хотя в конечном счёте выдали себя анахронизмами латинских формул и особенностями почерка.

Парадоксальным итогом этой фальсификаторской деятельности стало сохранение ценнейших меровингских документов, включая единственное дошедшее женское завещание – завещание Эрментруды. Материаловедческое изучение папирусов Сен-Дени убедительно демонстрирует, что физический носитель документа является самостоятельным источником, а сочетание методов дипломатики, палеографии и естественных наук открывает новые перспективы для реконструкции механики средневековой фальсификации.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что материальный носитель правового акта в раннесредневековой документальной практике представлял собой не пассивную основу текста, а самостоятельный историко-культурный феномен, тесно связанный со стратегиями удостоверения и, парадоксальным образом, фальсификации подлинности. Анализ коллекции папирусов аббатства Сен-Дени убедительно демонстрирует, что технология производства письменных материалов и приёмы изготовления подложных документов в раннем Средневековье образуют единое проблемное поле, недоступное для реконструкции в рамках сугубо текстологического подхода.

Прослеженная в работе траектория постепенного вытеснения папируса пергаменом, обусловленная комплексом климатических, экономических и технологических детерминант – чувствительностью целлюлозного носителя к влажному европейскому климату, нарушением средиземноморских торговых коммуникаций, преимуществами животного пергамена в отношении архивной сохранности и, наконец, распространением бумаги, – привела к семиотической трансформации самого материала. Утратив функцию повседневного носителя письма и сохранившись лишь в высших канцеляриях правителей позднейшего времени, папирус приобрёл символический статус атрибута «правителей прошлого» – императоров, королей и пап. Именно эта аксиологическая переоценка носителя, а не только его физические свойства, определила логику фальсификаторов Сен-Дени.

Реконструированная в исследовании кампания изготовления псевдо-оригиналов середины XI века, порождённая правовым конфликтом

вокруг экземптного статуса аббатства и его разрешением на Латеранском синоде 1065 года, обнаруживает внутреннюю обусловленность двумя взаимосвязанными ограничениями. С одной стороны, монахи стремились подкрепить спорную юридическую позицию корпусом авторитетных архивных актов; с другой – были вынуждены соблюдать верность не только палеографическому облику, но и материальной субстанции узурпируемых документов. Поскольку торговля папирусом во Франкском государстве к тому времени давно прекратилась, единственным доступным ресурсом «подлинной древности» оказались уже исписанные меровингские и раннекаролингские свитки, хранившиеся в монастырском картулярии. Таким образом, исчезновение папируса из хозяйственного оборота Западной Европы предстаёт не как внешний фон, а как непосредственная технологическая предпосылка избранной стратегии фальсификации: имитация «под старину» с необходимостью требовала подлинно старого носителя.

Выявленные приёмы фальсификации – сокрытие оригинальных текстов путём склеивания свитков «текст к тексту», повторное использование и последующее разрезание носителя для изготовления нескольких подделок, дифференцированная имитация почерков и, наконец, изощрённое воспроизведение знаков удостоверения вплоть до переноса подлинной свинцовой буллы с сохранением нижней части аутентичного документа – свидетельствуют о высокой технической и интеллектуальной культуре фальсификаторов. Вместе с тем эти механизмы обнаружили собственные пределы: подделки в конечном счёте выдали себя анахронизмами латинских удостоверительных формул, восходящих к понтификату Иоанна XVIII, и особенностями письма, что подтверждает продуктивность комплексного применения дипломатического, палеографического и материаловедческого анализа.

Особого внимания заслуживает установленный в работе парадоксальный эффект фальсификаторской деятельности: именно повторное использование древних свитков в качестве носителя для псевдо-оригиналов обеспечило физическое сохранение целого ряда меровингских актов, содержание которых не имело прямого отношения к интересам аббатства. Показательнейшим примером служит завещание Эрментруды – единственное дошедшее до нас женское меровингское завещание, – уцелевшее исключительно благодаря его вторичному использованию для сокрытия и создания подложной буллы папы Захарии. Тем самым практика подделки, дискредитирующая документ в юридическом отношении,

обернулась инструментом источниковедческого спасения.

Наконец, проведённое исследование подтверждает эвристическую ценность интеграции естественнонаучных методов в инструментарий исторической науки. Оптический анализ в различных спектральных диапазонах, позволяющий дифференцировать чернила на углеродной и металлогалловой основе, а также изучение структуры волокон, стыков склейки, следов клея и биологических повреждений дают возможность реконструировать не только первоначальный облик свитков, но и последовательность операций фальсификации и позднейших реставраций, включая разборку склеенных сборок мавристами в XVII веке. Физический носитель тем самым превращается из немого субстрата в полноправный исторический источник.

В перспективе дальнейшего изучения представляется целесообразным систематическое сопоставление материаловедческих характеристик папирусов Сен-Дени с аналогичными коллекциями средиземноморского ареала, что позволило бы уточнить каналы снабжения франкских канцелярий и типологизировать критерии отбора носителя для торжественных актов. Настоящая работа демонстрирует, что синтез дипломатики, палеографии и естественнонаучной экспертизы открывает принципиально новые возможности для реконструкции механики средневековой фальсификации и для понимания глубинной взаимосвязи между материальной культурой письма и правовыми практиками раннего Средневековья.

Список литературы / Bibliography

1. Atsma H., Vézin J. part XIV, № 592, dans Bruckner A., Marichal R. (éd.), Chartae latinae anti-quiores, Facsimile-edition of the Latin charters prior to the ninth century, part XIII – XIX, Dietikon-Zürich, Urs Graf. 1981 1986. P. 72-79.
2. Atsma H., Vézin J. Les faux sur papyrus de l'abbaye de Saint-Denis, Finances et pouvoirs, dans Kerhervé J., Rigaudière A., Finances, pouvoir et mé-moire: mélanges offerts à Jean Favier, Paris, service du Patrimoine culturel de la Seine-Saint-Denis. 1999. P. 674-699.
3. Barbier J. Le testament d'Ermentrude, un acte de la fin du VIe siècle ? // Bulletin de la Société na-tionale des antiquaires de France (séance du 23 avril 2003). 2009. P. 130-144.
4. Barbier J. Archives oubliées du haut Moyen Âge, Les gesta municipalia en Gaule franque (VI-e – IX-e siècle). – Paris, Honoré Champion, (coll. Histoire et archives, 12). 2014. 544 p.
5. Basile C. Metodo Usato Dagli Antichi Egizi per La Fabbricazione e La Preservazione Della Carta-Papiro // Aegyptus. 1977. Vol. 57. № 1/4. P. 190-199.
6. Bautier R.-H. Chartes, sceaux et chancelleries: études de diplomatique et de sigillographie médiévales. Vol. 1. – Paris: Ecole des chartes, 1990. 923 p.
7. Bischoff B. Latin Palaeography: Antiquity and the Middle Ages. Trans. D. Ó Croínín and D. Ganz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. XI. 291 p.
8. Bloom J. Paper Before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic world. – London: Yale University Press. 2001. 320 p.
9. Bülow-Jacobsen A. Writing Materials in the Ancient World // The Oxford Handbook of Papyrology. – Oxford, 2009. P. 11-14.
10. Černý J. Paper and Books in Ancient Egypt. – London: Published for the College by H.K. Lewis, 1952. 36 p.
11. Delange E. Apparition de l'encre métallogallique en Égypte ą partir de la collection de papyrus du. Louvre. // Revue d'Égyptologie. 1990. № 41. P. 213-217.
12. Déroche F., Sagaria Rossi, V., Vernay Nouri, A., Arabic codicology, in A. Bausi et al. (éd.), // Comparative Oriental

Manuscript Studies. An Introduction. – Hambourg: Tredition, 2015. P. 89-115.
13. Doublet J. Histoire de l'abbaye de St Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les fonda-tions, prérogatives et privilèges. – Paris: Nicolas Buon, 1625. 1390 p.
14. Leach B., Tait J. Papyrus, dans Nicholson P. T., Shaw I. (éd.), // Ancient egyptian materials and technology, – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 228-253.
15. Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque mérovingienne. Bibliothèque de l'École des chartes. T. 87. – Paris, 1926. P. 20-97 et P. 245-346.
16. Lewis N. Papyrus in classical Antiquity. – Oxford: Clarendon Press, 1974. 152 p.
17. Mabillon Jean De re diplomatica libri VI.... Accedunt Commentarius de antiquis regum Francorum Palatiis. Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa. Nova ducentorum, et amplius, monumentorum collectio. Opera... Johannis Mabillon.... – Luteciae Parisiorum [Paris]: sumtibus Ludovici Billaine, excudebat Johannes Baptista Coignard, 1681. 634 p.
18. McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300 – 900. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1130 p.
19. Reed R. Ancient Skins, parchments and leathers. – London: Seminar Press, 1972. 331 p.
20. Solène Girard Les papyrus médiévaux des archives nationales: faux et usage de faux // CRBC. 2022. № 38. P. 45-81.
21. Turner E.G. Greek Papyri: An Introduction. – Oxford: Princeton University Press, 1968. 220 p.
22. Zerdoun Bat-Yehouda M. Les encres noires au Moyen Age (jusqu'à 1600). – Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1983. 437 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

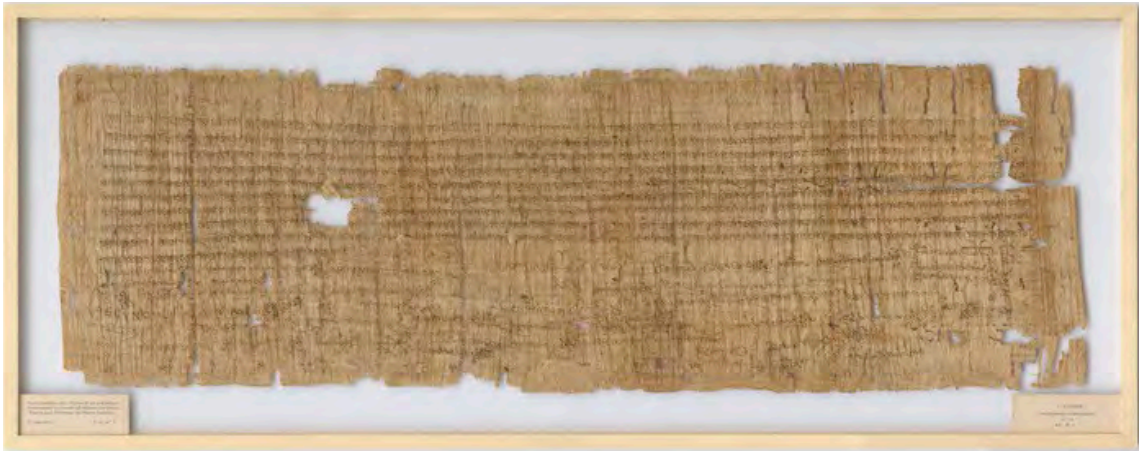


Рисунок 2. Acte de Clovis II [Цит. по 20, p. 50].

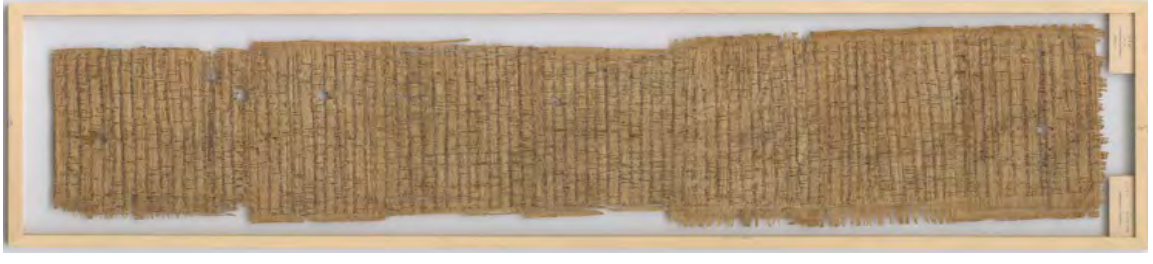


Рисунок 3. Testament d'Ermentrude [Цит. по 20, p. 61].

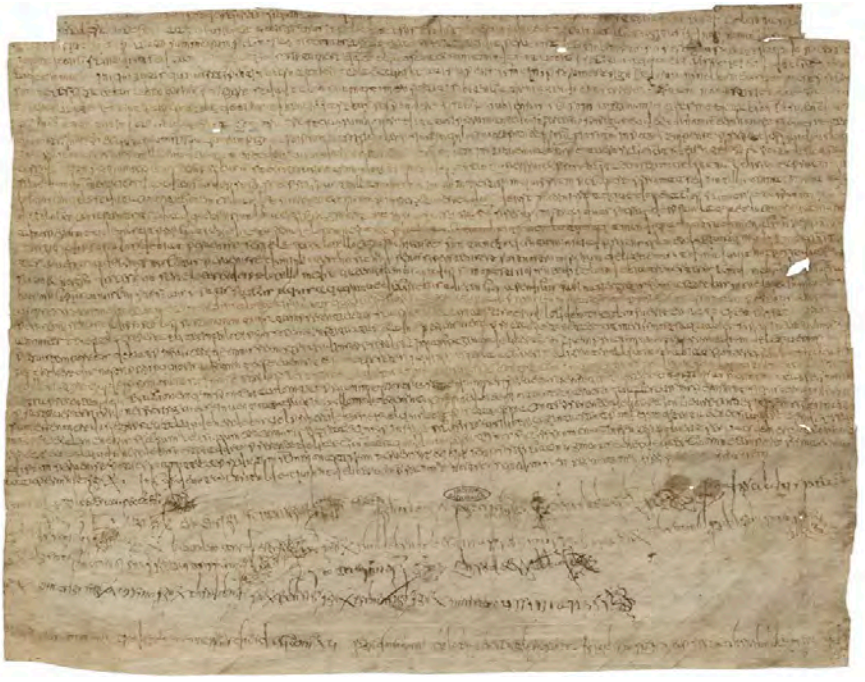


Рисунок 1. Charte privée de Clotilde [Цит. по 20, p. 50].

Рисунок 4. Bulle pseudo-originale du pape Zacharie [Цит. По 20, p. 61].

Рисунок 5. Testament d'Ermentrude [Цит. по 20, p. 63].

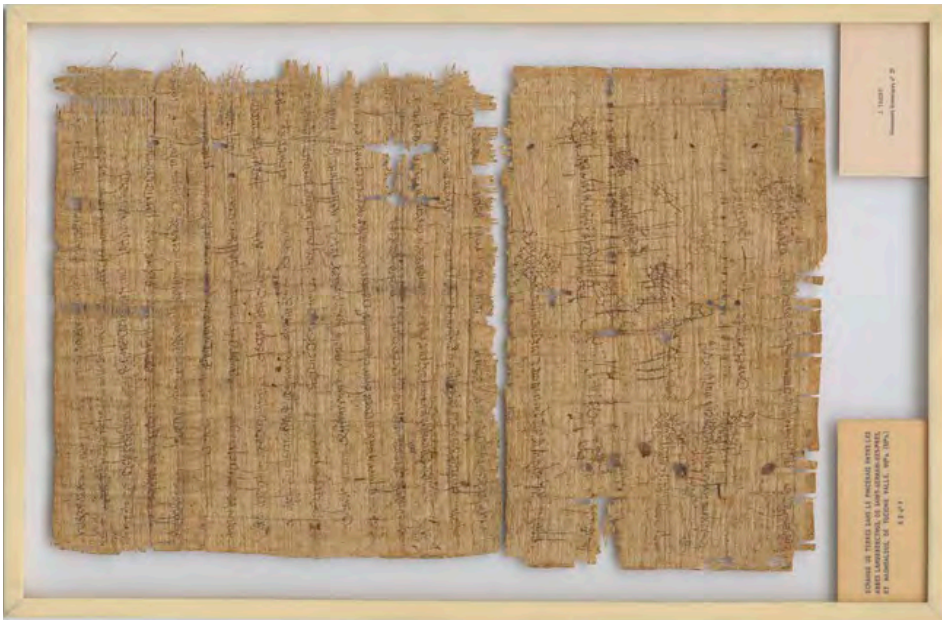


Рисунок 6. Acte d'échange entre Magnoald et Lambert. [Цит. по 20, p. 72].

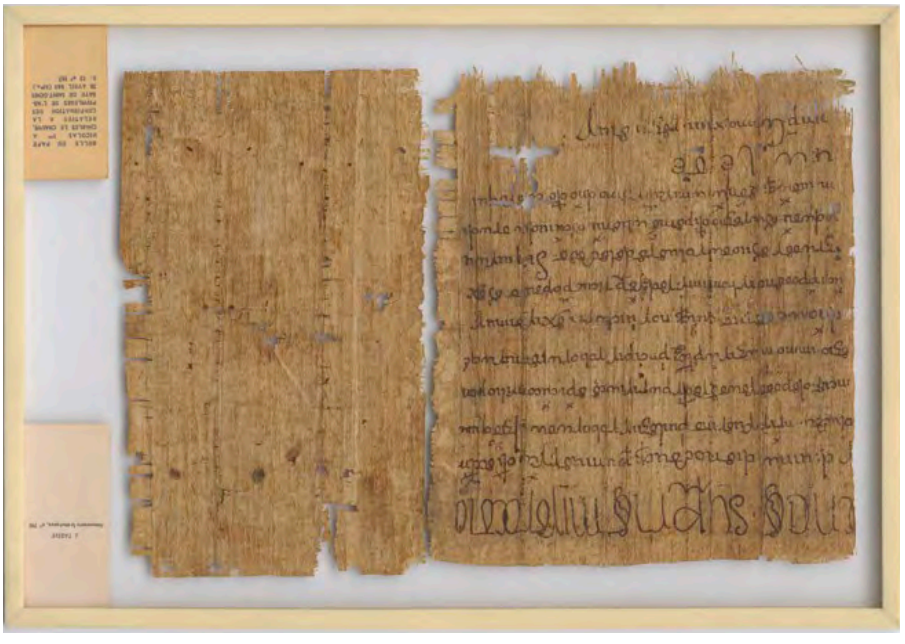
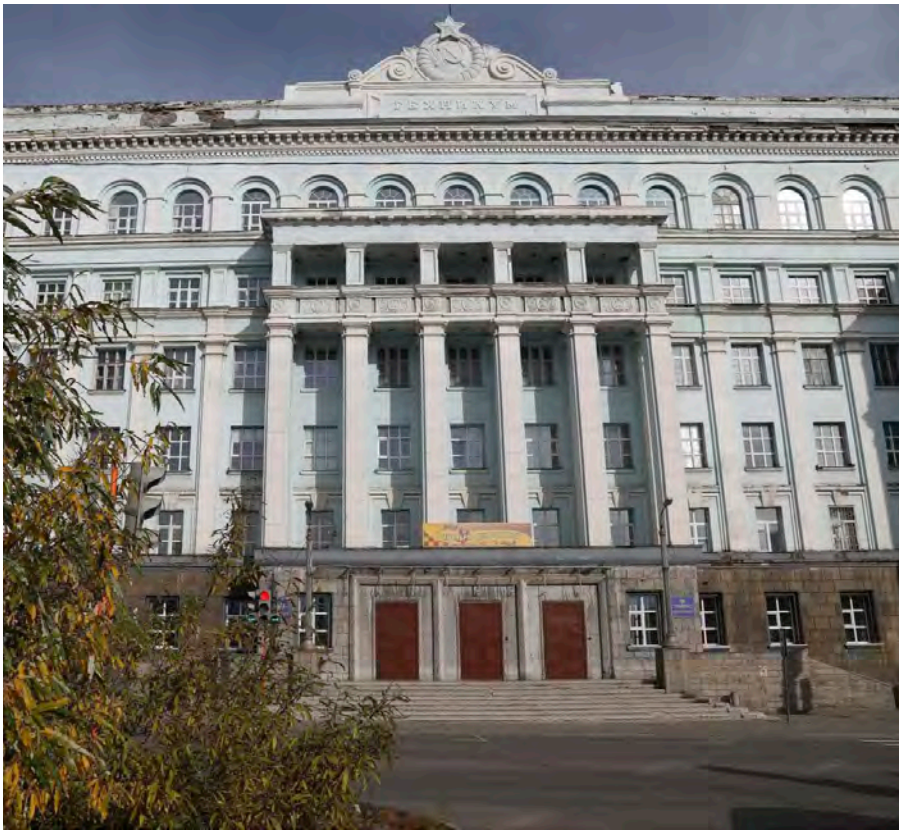


Рисунок 7. Fragment d'une bulle pseudo-originale du pape Nicolas Ier. [Цит. по 20, p. 72].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ



Заполярного государственного университета
имени Н.М. Федоровского

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Волшебная гора: невозможность «давосской цивилизации»

Понятие «универсальная цивилизация», «давосская культура» или «человек давосский» было введено американским политологом и социологом Сэмюэлем Хантингтоном (1927 – 2008) в его фундаментальной работе «Столкновение цивилизаций» (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*), впервые опубликованной в 1996 г. Автор использовал этот термин в контексте обсуждения идеи «универсальной цивилизации»[1]. Согласно его концепции, она формируется на базе культуры глобальной элиты, которая собирается на Всемирном экономическом форуме в Давосе (ВЭФ; англ. *World Economic Forum*). Однако Давос как место для интеллектуальных встреч имеет несколько известных сюжетов. До того как стать площадкой для форума, он был известным горным курортом для лечения легочных заболеваний. Весной 1929 г. там состоялась знаменитая дискуссия между философами Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером (нем. *Arbeitsgemeinschaft Cassirer – Heidegger*) [2].

«Давосская цивилизация» может быть примером элитарного, но неглубокого культурного объединения, противостоящего более устойчивым и значимым цивилизационным идентичностям, таким как западная, китайская, исламская или российская[3]. Хантингтон характеризует эту цивилизацию следующим образом: ее представителями выступают тысячи бизнесменов, банкиров, правительственных чиновников, интеллектуалов

1 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

2 Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером [Текст] / пер. с нем. М. Кречетовой // Исследования по феноменологии и философской герменевтике: сб. – Минск: ЕГУ, 2001. С. 124-134.

3 Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты [Текст] / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. – М.: Прогресс-Традиция, 2011.

и журналистов из десятков стран, обладающих университетскими степенями, часто в точных или общественных науках, бизнесе, праве, свободно владеющих английским языком, работающих в структурах с сильными международными связями и отличающимися высокой мобильностью. Ценности этого сообщества сосредоточены в вере в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию, что, в целом, характерно для западной цивилизации. Их образ вполне укладывается в понятие «человек давосский» (англ. *Davos Man*), под которым понимался особый тип представителей глобальной элиты, прежде всего, миллиардеров и политиков, превратившихся в эпоху глобализации, по мысли Хантингтона, в независимую от государственных границ правящую касту.

«Давосская цивилизация» может быть примером элитарного, но неглубокого культурного объединения, противостоящего более устойчивым и значимым цивилизационным идентичностям, таким как западная, китайская, исламская или российская[4]. Хантингтон характеризует эту цивилизацию следующим образом: ее представителями выступают тысячи бизнесменов, банкиров, правительственных чиновников, интеллектуалов и журналистов из десятков стран, обладающих университетскими степенями, часто в точных или общественных науках, бизнесе, праве, свободно владеющих английским языком, работающих в структурах с сильными международными связями и отличающимися высокой мобильностью. Ценности этого сообщества сосредоточены в вере в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию, что, в целом, характерно для западной цивилизации.

При этом Хантингтон подчеркивает, что, несмотря на огромное влияние этой группы, проявляющееся в контроле над международными институтами и значительной долей мировой экономики, ее культура не может считаться универсальной. По его оценке, за ее пределами такие же ценности разделяет, возможно, менее 1% мирового населения. А вне Запада эти идеи находят поддержку совсем у малой части людей. Более того, ее распространение вызывает сопротивление со стороны традиционных обществ, что усиливает цивилизационные разрывы.

В современной политической критике часто используется глубоко символичное сравнение «давосской цивилизации» с образом, навеянным–философским романом немецкого писателя Томаса Манна (1875 – 1955), опубликованным в двух томах издательством *S. Fischer Verlag* в 1924 г.[5]

4 Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. – М.: Прогресс-Традиция, 2011.

5 *Манн Т.* Волшебная гора [Текст] / Т. Манн; пер. В.О. Станевич, В.Н. Курелла. – М.: АСТ, 2022. 928 с.

Название «Волшебная гора» (нем. *Der Zauberberg*) связано с туберкулезным санаторием в Швейцарских Альпах в канун Первой мировой войны, чьи обитатели вынуждены находиться там годами, общаясь с внешним миром лишь посредством редких писем и телеграммам. Время здесь течет незаметно, жизнь и смерть утрачивают смысл, а мельчайшие нюансы человеческих отношений, напротив, приобретают болезненную остроту и значимость. Любовь, веселье, дружба, вражда, ревность для обитателей санатория будто отмечены тенью небытия... Эта история имеет как множество возможных прочтений и как мощнейшее философское исследование жизненных основ, и как тонкий психологический анализ разных типов человеческого характера, отношений, и как погружение в историю культуры, религии и в историю вообще.

Сближают «Волшебную гору» и «Давосскую цивилизацию» несколько аспектов. Прежде всего, связь с местом, так как действие романа происходит в санатории для больных туберкулезом в Давосе, который стал прообразом для обсуждения глобальных проблем «в отрыве от мира». Также можно провести литературные параллели, проявляющиеся в том, что роман Манна отражает глубокие споры между разными идеологиями, например, гуманизм, авторитаризм, созвучные дискуссиям на современном форуме.

Обе эти модели изолированы от реального мира. «Волшебная гора» – это санаторий, в котором пациенты живут в отрыве от «равнины», погруженные в рутину измерений температуры, бесконечных дискуссий и спиритических сеансов. Давос же, закрытый горный курорт, куда приезжают представители глобальных элит, чтобы обсуждать судьбу мира, но часто они оказываются в отрыве от повседневных проблем обычных людей. Оба эти пространства являются изолированными анклавами, в которых царят своя логика, свои ценности и иное восприятие времени и реальности.

В них обнаруживается неприкрытый культ интеллектуализма и отвлеченных идей, проявляющихся в том, что в санатории герои спорят о философии, политике, психоанализе, хотя эти споры не ведут к действиям, а в Давосе идут дискуссии о климате, технологиях, демократии, но решения остаются декларациями. Не смотря на то, что оба эти мира живут внутри споров, не всегда связанных с реальной жизнью, усиленно создается впечатление контроля над ней и возникающего вследствие него прогресса. В «Волшебной горе» болезнь маскируется под особое состояние бытия: там даже престижно «холить болезнь», чтобы никак не возвращаться к жиз-

ни. В Давосе пытаются изобразить веру в технологии, рынок и диалог как универсальные решения, даже когда мир движется к кризисам. Близкое ощущение обстановки романа и ВЭФ обеспечивается благодаря демонстрации зон комфорта для элит, в которых кризисы переживаются как абстрактные темы, а не как личный опыт, тем более, трагедия.

Время, о котором Манн писал, что оно – иллюзия, его течение в формах причинности и последовательности – лишь восприятие наших органов чувств, особым образом построенных, истинное же бытие вещей – это неподвижное «теперь», характеризуется приближением катастрофы, которое прячется в атмосфере спокойствия. В романе на фоне философских бесед нарастает Первая мировая война, а в Давосе участники обсуждают войны, пандемии, климат, однако, сам форум проходит в роскоши и порядке, охраняемом от протестов антиглобалистов. Ирония двух этих моделей состоит в том, что мир разрушается, а элита, не видя это, продолжает дискутировать часто по пустякам.

Подытоживая, Давосскую цивилизацию» с полным правом «можно считать современной версией «Волшебной горы». Она представляет собой элитарный, интеллектуализированный, оторванный от реальности микромир, в котором болезнь общества принимается за норму, а диалог – за продуктивное действие. В Давосе, как и на «Горе», время течет иначе: медленно, красиво, но, к сожалению, в сторону от жизни.

При точности этого сравнения, поиск конкретного источника, в которым Давосский форум впервые был назван «волшебной горой», затруднителен. Это образное выражение стало частью медийного и экспертного языка и широко используется без указания авторства. Есть информация, предлагающуя некоторые источники этого образа и ключевых авторов, его популяризировавших. Наиболее достоверная версия связана с тем, что в 2000 г. будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман в своей колонке *The Magic Mountain* для *The New York Times* обсуждал ВЭФ, используя это название как отсылку к роману Манна. В 2012 г. в журнале *The New Yorker* материал о форуме был озаглавлен *Magic Mountain*. В следующем году в репортаже *CNN* «Что я видел за 20 лет на Волшебной горе» отмечалось, что «ветераны Давоса часто называют впечатляющее творение природы Волшебной горой, название которой происходит из романа начала XX в.

Безусловно, не всякое заседание ВЭФ ложится в шаблон «Волшебной горы». Но в 2026 г. форум стал ареной для демонстрации новых линий раскола между США и их традиционными союзниками, слишком

воспарив над реалиями[6]. «Дух диалога», выбранный девизом встречи, в Давосе не случился. Впервые за долгое время ведущим форума, после ухода основателя и бессменного президента Клауса Шваба, стал новый человек – норвежский политик Бренде Бёрге, вскоре после заседаний заявивший о своей отставки в связи с делом Эпштейна. Делегация США выступила резко против многолетней повестки, продвигаемой ВЭФ. Жесткая критика Дональда Трампа в адрес Европы, указывающая, что заокеанский партнер США движется «в неправильном направлении» и утратил прежний облик, стала одной из главных тем[7]. Глава Белого дома усилил давление на своих союзников торговыми пошлинами и угрозами по поводу Гренландии. Подобная риторика свидетельствовала о переходе США к резко конфронтационной модели диалога с Европой. Характер его выступления явно корреспондировал с речью вице-президента Джэй Ди Венса на конференции по безопасности в Мюнхене в 2025 г.[8] Президент США преследовал две ключевые цели – нейтрализации глобалистских элит в Европе и переподчинения НАТО, которое, по его мнению, должно работать на интересы Соединенных Штатов.

Давос-2026 г. зафиксировал ряд элементов новой политической и экономической реальности, обусловленной воплощением в жизнь лозунга и принципа Трампа «Америка – прежде всего» (англ. *America first*)[9]**.** Стало очевидным, что в полном объеме не действует не только международное право, которому привержены Россия и Китай, но и избранный Западом «порядок, основанный на правилах» (англ. *Rules-Based Order*). Прямо на наших глазах рушится не только архитектура мирового порядка, созданная на базе ялтинско-потсдамских договоренностей по итогам Второй мировой войны, но и того мира, который строился глобалистами, а переход к новой системе сопровождается турбулентностью и неопределенностью.

Вместо него предлагался так называемый «Совет мира», устав которого, подписанный 22 января 2026 г., изначально касался урегулирования в Газе, но, по замыслу Трампа, должен будет заниматься всеми конфликтами на планете. Кризис *Rules-Based Order* обнажился уже, когда ряд ев-

6 *Харитонова Н.* На Западе – перемены [Текст] / Н. Харитонова // Известия. 2026. – 22 января.

7 *Салтыков М.* Северное сливание: Трамп обрушился с критикой на Европу в Давосе [Текст] / М. Салтыков // Известия. – 2026. – 22 января.

8 Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference "There's A New Sheriff In Town" [Electronic resource]. // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html.

9 *Ремчуков К.* В Давосе провозгласили конец глобализации [Текст] / К. Ремчуков // Независимая газета. – 2026. – 25 января.

ропейских лидеров отказался от участия в этом проекте, а премьер-министр Канады Марк Карни выступил в Давосе с концептуальной речью, где высказал диагноз состояния дел на Западе, заявив, что он находится «в разгаре разрыва, а не перехода (англ. *Let me be direct. We are in the midst of a rupture, not a transition*)». Министр торговли США Говард Латник призвал признать провал глобализации и провал Запада при реализации «ошибочной политики» последних десятилетий[10].

Форум в 2026 г. показал, что договориться об общих подходах можно только тогда, когда происходит отказ от национальных интересов не потому, что это не модно, а потому что не прагматично. Прагматизм и национальный эгоизм превратились в новый мейнстрим мировой политики и экономики, тогда как «Давосская цивилизация» ассоциируется с идеями либеральной глобализации, продвигаемыми западными элитами через такие площадки, как ВЭФ. Она включает приверженность рыночной экономике, политической демократии, индивидуализму и доминированию западных ценностей в международной повестке. В последние годы эта модель столкнулась со многими проблемами. утратив моральный авторитет и легитимность. Западные страны критикуются за двойные стандарты в применении международных правил, использование санкций в одностороннем порядке и навязывание своих идеологий, например, «зеленой повестки», гендерных норм, которые противоречат культурным особенностям других стран.

Обнажились экономические диспропорции в результате глобализации, которая привела к росту неравенства как внутри западных стран, так и между ними и развивающимися государствами. Такие кризисы, как, финансовый 2008 г., показали всю уязвимость неолиберальной модели, основанной на неограниченной финансовой либерализации.

Политическая фрагментация, проявляющаяся в расколе трансатлантических отношений, росте популизма и национализма в Европе и США, подрывает единство западного блока, ослабляет его способность формировать единый фронт в противостоянии с новыми центрами влияния.

Кризис затронул институты, ранее считавшиеся столпами глобализации, в частности, МВФ и ВТО, которые потеряли эффективность из-за

10 *Терновая Л.О.* Четыре “Re” социального поведения современной молодежи: реверсия, реинкарнация, реставрация и решоринг [Текст] / Л.О. Терновая // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы: сборник материалов XV Международной научно-практической Интернет-конференции, 24 – 26 апреля 2019 г. Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» – Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации. – Уфа: Из-во БИСТ (филиал ОУП ВО «АТИСО», 2019. С. 114-119.

противоречий между их членами и неспособности адаптироваться к меняющемуся миру.

Помимо «давосской цивилизации», необходимо выделить несколько аналогичных глобальных или региональных элитарных структур, объединенных общими ценностями, сетями и стилем мышления. Все эти группы, подобно «давосцам», объединены не национальностью, а мировоззрением, но при этом часто оторваны от массового сознания. Хантингтон считал, что именно такое противостояние между глобальной элитой и локальными цивилизациями усиливает культурные конфликты в мире. Ранее всего, в 1954 г. оформился Бильдербергский клуб (англ. *Bilderberg Club*), в число участников которого входят политические деятели, члены королевских домов, бизнесмены, эксперты в области промышленности и финансов, представители научных кругов и средств массовой информации. Эта группа от 120 до 150 человек собирается на ежегодный закрытый форум[11]. При всей схожести с давосской культурой клуб еще более эксклюзивен. За закрытыми дверями Внутри данной закрытой сети политиков, банкиров и интеллектуалов обсуждаются глобальные стратегии. Повестка дня, первоначально направленная на предотвращение новой мировой войны, определяется как укрепление консенсуса в отношении свободного рыночного западного капитализма и его интересов во всем мире. Участники клуба имеют право, известное как правило Чатем-Хауса (англ. *Chatham House Rule*), использовать информацию, полученную на конференции, но не раскрывать, ее источник. Это правило призвано способствовать откровенности мнений и обсуждений[12].

Столь же элитарна Кремниева долина (англ. *Silicon Valley*) – место средоточия технократической элиты с такими ценностями, как инновации, цифровая свобода, предпринимательство, где больше фокуса делается на технологиях, чем на политике, чему и служат сети, сотканные стартапами, венчурными фондами, IT-гигантами. Английский язык, имеющий акцент на технический жаргон, постепенно вытесняет привычные политические или экономические штампы.

Пытающиеся изобразить заботу о правах человека международные НКО и правозащитные сети, например, *Amnesty International* или *Transparency International*, внешне пропагандируют гуманитаризм, права

11 *Эстулин Д.* Бильдербергский клуб. Подлинная история [Текст] / Д. Эстулин. – М.: Родина, 2024; *Kuzmick M.* Bilderbergers [Text] / M. Kuzmik // Conspiracy theories in American history: An Encyclopedia / Peter Knight. – ABC-CLIO, 2003. Vol. 1 (A–M). P. 123-124.

12 *Гольдин Г.Г., Терновая Л.О.* Создатели гуманитарных технологий: «мозговые центры» по проблемам международных отношений [Текст] / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Выпуск 2. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. С. 21-48.

человека, экологию, но действуют трансгранично, часто получают спонсорское финансирование, направляющее их активность.

Парижско-Берлинская ось, созданная европейской бюрократической элитой, свою сеть сплела из международных и региональных институтов, дипломатических кругов. Она внешне пытается демонстрировать сильную привязанность к государственным структурам, но давно разделяет ценности постнационализма.

Есть еще и сеть глобальных академических кругов, включающих известных профессоров, исследователей, нобелевских лауреатов. Для них английский язык есть *lingua franca* науки, а ценностями выступают научный рационализм, универсализм, критическое мышление.

Каждой цивилизационной модели можно найти противоречие. Еще в 2004 г. Джошуа Купер Рамо, американский политолог, вице-председатель и соисполнительный директор *Kissinger Associates*, консалтинговой фирмы бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, ввел понятие «Пекинский консенсус». В отличие от либерального «Вашингтонского консенсуса» (англ. *Washington Consensus*) он акцентировал значимость не просто увеличения ВВП, а качественного экономического роста, не разрушающего окружающую среду. Постепенно понятие «Пекинский консенсус» расширилось, предполагая широкое участие государства в экономике, постепенное осторожное реформирование, расширение экспорта и уважение национального суверенитета[13].

Сложности западного мира, связанные с «давосской цивилизацией», и трудности Китая и БРИКС в продвижении «Пекинского консенсуса» оказались взаимосвязанными через кризис глобализации, изменение баланса сил в мировой системе и противоречиях в подходах к международному сотрудничеству. В основе этого консенсуса лежала традиционная китайская стратегическая культура, ориентированная на невоенную победу, приоритет политики над силовым противостоянием. События начала 2026 г. обозначили серьезный кризис китайской идеологии. Опыт Венесуэлы и Ирана доказал, что без силовых средств Пекин может мгновенно потерять свои позиции, а китайская философия уклонения от конфликта способна стать его опасным прологом.

Во-первых, США показали, что могут силой уничтожить китайское экономическое проникновение. Если Пекин готов вложить в страну миллиарды, но американцы полны решимости обнулить все вложения с по-

13 *Фененко А.В.* Пределы «Пекинского консенсуса» [Текст] / А.В. Фененко // Независимая газета. – 2026. – 11 марта.

мощью войны. Не нападая на сам Китай, Соединенные Штаты могут выбивать его с позиций серией локальных региональных войн.

Во-вторых, США продемонстрировали, что могут легко подорвать проект «Один пояс – один путь» с помощью войн. Пекин способен собирать любые форумы, но Вашингтон в состоянии подбросить ему войны на предполагаемых транспортных маршрутах.

В-третьих, американцы доказали, что дипломатические методы поддержания стабильности более не работают. Переговоры не будут эффективными, если противник изначально настроен на военный конфликт.

В-четвертых, США все дальше уходят от свободной торговли. Мир санкций, пошлин и войн означает возвращения протекционистского мира первой половины XX в. Однако мир без свободной торговли станет колоссальным ударом по экономической модели Китая. Альтернативой торговой экспансии будет экспансия военная, не близкая китайской политике.

Китайская стратегия была хороша для относительно мирной цивилизации. Но в цивилизации жесткой силы, построенной по принципам Редьярда Киплинга или Фридриха Ницше, она может оказаться слабостью. А это – вызов и всем государствам, включая Россию, где была популярна китайская мирная стратегия. «Пекинский консенсус» – это альтернативная модель развития, которая акцентирует внимание на постепенных реформах, сильном государственном регулировании экономики, экспорто-ориентированной политике, уважении национального суверенитета и многополярности мира. Однако продвижение этой модели сталкивается с серьезными препятствиями[14].

Нельзя не замечать взаимосвязь проблем Запада и трудностей продвижения Пекинского консенсуса. Кризис давосской модели создает пространство для альтернатив, но одновременно усложняет их реализацию. Ослабление Запада открывает возможности для продвижения китайской модели, но также провоцирует противодействие со стороны США и их союзников, которые видят в Пекинском консенсусе угрозу своему влиянию. Протекционистские тенденции в западном мире, например, тарифы и санкции, мешают свободной торговле, как важнейшему элементу Пекинского консенсуса. Это ставит под угрозу экспортно-ориентированную модель развития Китая и государств, которые пытаются следовать его примеру.

14 *Лопатина А.Н.* Экономическая реализация «Пекинского консенсуса» в условиях мирового экономического кризиса [Текст] / А.Н. Лопатина // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2010. № 4. С. 13-30.

Формирование консенсуса по основным вопросам мировой повестки дня затруднено разрывом в восприятии международных «правил», когда Запад обвиняет Китай в нарушении норм, например, в контексте территориальных споров или кибербезопасности, а Китай считает эти обвинения двойными стандартами и инструментом давления. С внутренними противоречиями сталкивается и БРИКС как площадка для продвижения альтернатив. Страны-участницы объединения имеют разные интересы, уровни развития и подходы к реформам мировой системы. Так, не все страны БРИКС одинаково активно поддерживают инициативы по созданию альтернативных платежных систем, как *BRICS Pay* или *BRICS Bridge*, что замедляет формирование единого фронта против западной гегемонии.

Кризис давосской цивилизации и трудности продвижения Пекинского консенсуса взаимосвязаны и через динамику глобальной власти, противоречия в экономической политике и геополитическое соперничество. Слабости Запада создают возможности для альтернатив, но одновременно усиливают сопротивление их реализации, а внутренние проблемы Китая и разнородность БРИКС ограничивают эффективность его внешнеполитических усилий.

Человечество всегда стремилось к вершинам. Их оно искало и в природе, и в мифологии (образ Мировой горы), и в религии (зиккураты с аккадского означали вершину). А путь к ним всегда был тернист. Поэтому вершины всегда поэтизировались самым разным способом, в том числе, путям представления их в волшебном свете, включая мечтания о Волшебной горе, которая была не просто фантазией талантливого писателя о горном санатории, а образом возможной цивилизации, очень быстро оказавшимся абсолютно нереальным, туманным, фантомным.

Список литературы:

1. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Создатели гуманитарных технологий: «мозговые центры» по проблемам международных отношений [Текст] / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. – Выпуск 2. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. С. 21-48.
2. Лопатина А.Н. Экономическая реализация «Пекинского консенсуса» в условиях мирового экономического кризиса [Текст] / А.Н. Лопатина // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2010. № 4. С. 13-30.
3. Манн Т. Волшебная гора [Текст] / Т. Манн; пер. В.О. Станевич, В.Н. Курелла. – М.: АСТ, 2022. 928 с.
4. Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером [Текст] / пер. с нем. М. Кречетовой // Исследования по феноменологии и философской герменевтике: сб. – Минск: ЕГУ, 2001. С. 124-134.
5. Ремчуков К. В Давосе провозгласили конец глобализации [Текст] / К. Ремчуков // Независимая газета. – 2026. – 25 января.
6. Салтыков М. Северное сливание: Трамп обрушился с критикой на Европу в Давосе [Текст] / М. Салтыков // Известия. – 2026. – 22 января.
7. Терновая Л.О. Четыре "Re" социального поведения современной молодежи: реверсия, реинкарнация, реставрация и решоринг [Текст] / Л.О. Терновая // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы: сборник материалов XV Международной научно-практической Интернет-конференции, 24 – 26 апреля 2019 г. Башкирский институт социальных

технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» – Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации. – Уфа: Из-во БИСТ (филиал ОУП ВО «АТИСО», 2019. С. 114-119.

8. Фененко А.В. Пределы «Пекинского консенсуса» [Текст] / А.В. Фененко // Независимая газета. – 2026. – 11 марта.

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 603.

10. Харитонова Н. На Западе – перемены [Текст] / Н. Харитонова // Известия. – 2026. – 22 января.

11. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты [Текст] / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.

12. Эстулин Д. Бильдербергский клуб. Подлинная история [Текст] / Д. Эстулин. – М.: Родина, 2024. 224 с.

13. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference "There's A New Sheriff In Town" // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html.

14. Kuzmick M. Bilderbergers [Text] / M. Kuzmik // Conspiracy theories in American history: An Encyclopedia / Peter Knight. – ABC-CLIO, 2003. Vol. 1 (A–M). P. 123-124.

Bibliography

1. Goldin G.G., Ternovaya L.O. Creators of Humanitarian Technologies: "Think Tanks" on International Relations Issues [Text] / G.G. Goldin, L.O. Ternovaya // Forum of Political and Business Communications. Almanac. – Issue 2. – Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2013. P. 21-48.

2. Lopatina A.N. Economic Implementation of the "Beijing Consensus" Amidst the Global Economic Crisis [Text] / A.N. Lopatina // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2010. № 4. P. 13-30.

3. Mann T. The Magic Mountain [Text] / T. Mann; trans. V.O. Stanevich, V.N. Kurella. – Moscow: AST, 2022. 928 p.

4. Martin Heidegger – Ernst Cassirer. The Davos Debate Between Ernst Cassirer and Martin Heidegger [Text] / trans. from German by M. Krechetova // Studies in Phenomenology and Philosophical Hermeneutics: Collection. – Minsk: EHU, 2001. P. 124-134.

5. Remchukov K. End of Globalization Proclaimed in Davos [Text] / K. Remchukov // Nezavisimaya Gazeta. – 2026. – January 25.

6. Saltykov M. Northern Clash: Trump Lashes Out at Europe in Davos [Text] / M. Saltykov // Izvestia. – 2026. – January 22.

7. Ternovaya L.O. The Four "Re"s of Modern Youth's Social Behavior: Reversion, Reincarnation, Restoration, and Reshoring [Text] / L.O. Ternovaya // Youth in the Modern World: Problems and Prospects: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Internet Conference, April 24–26, 2019. Bashkir Institute of Social Technologies (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations – UNEVOC Centre in the Russian Federation. – Ufa: BIST Publishing House (branch of ATISO), 2019. P. 114-119.

8. Fenenko A.V. The Limits of the "Beijing Consensus" [Text] / A.V. Fenenko // Nezavisimaya Gazeta. – 2026. – March 11.

9. Huntington S. The Clash of Civilizations [Text] / S. Huntington; trans. from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. – Moscow: AST Publishing House LLC, 2003. P. 603.

10. Kharitonova N. Changes in the West [Text] / N. Kharitonova // Izvestia. – 2026. – January 22.

11. Civilizational Identity in a Transitional Era: Culturological, Sociological, and Art-Historical Aspects [Text] / Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2011. 1024 p.

12. Estulin D. The Bilderberg Club: The True Story [Text] / D. Estulin. – Moscow: Rodina, 2024. 224 p.

13. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference "There's A New Sheriff In Town" // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html.

14. Kuzmick M. Bilderbergers [Text] / M. Kuzmik // Conspiracy theories in American history: An Encyclopedia / Peter Knight. – ABC-CLIO, 2003. Vol. 1 (A–M). P. 123-124.

Бирюков С.В.

Доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск. Профессор кафедры политологии, Томский государственный университет, г. Томск. Профессор кафедры истории, Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово.

Востриков К.В.

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков. Заполярный государственный университет имени Н.М. Федоровского, г. Норильск.

Переговоры по мирному урегулированию ливано-израильского конфликта в контексте общего ливанского кризиса

События на Ближнем Востоке привлекает внимание мировой общественности на фоне периодически повторяющихся ударов по Ирану со стороны действующей в регионе войсковой группировки США, которые сменяются не слишком удачными попытками продолжить ранее начатый сторонами переговорный процесс. Формально, у Ирана не так много союзников для противостояния американо-израильскому нападению. К их числу относится военно-политическое объединение «Хезболла», которая базируется в нескольких странах, в т. ч. граничащего с Израилем Ливана [6]. Продолжающиеся уже не один год в ливанском обществе дебаты о возможности (необходимости) разоружения шиитской группировки пока не привели к какому-либо ощутимому результату - «Хезболла» принципиально отказывается разоружаться в ситуации, когда армия Израиля оккупировала 6 % ливанской территории и не собирается прекращать свою активность по созданию там некоего подобия «буферной зоны».

Современное положение Ливана с полным основанием охарактеризовать как глубокий и системный кризис. Слабость государства, деградация и кризис национальной экономики, внутриэлитное разделение и неустойчивость партийной системы, уязвимость страны для внешних вызовов со

стороны более сильных и экспансивных соседей являются очевидными признаками именно кризисного состояния. После обретения независимости в 1943 г. Ливан называли «Ближневосточной Швейцарией» за быстро развивающуюся экономику, превратившую страну в ключевой финансовый центр региона. Сложная,но достаточно эффективная модель распределения власти поддерживала достаточно устойчивый баланс между основными конфессиональными сообществами страны. Так продолжалось до 1975 г., когда сдвиг конфессионального баланса и обострение отношений между общинами спровоцировали гражданскую войну, в которой активное участие приняли соседние Израиль и Сирия, не считая ООП, которая в этом противостоянии выступила как де-факто внутренняя военно-политическая сила. Все описанное выше привело Ливан к гражданской войне, длившейся в общей сложности 15 лет. За это время страну наводнили беженцы из других стран, среди которых было немало радикалов, которые не подчинялись ливанским законам и создали государственные анклавы внутри Ливана. Сама же «Хезболла» по итогам гражданской войны, приведшей к значительному усилению позиций шиитской общины в стране, превратилась в некотором роде в «государство в государстве», продолжая при этом быть твердым союзником официального Тегерана и его политики. Политические династии страны, активно проявившие себя в конфликте 1975-1990 гг. и потерявшие часть своего потенциала, сегодня не в состоянии достичь долгосрочного компромисса друг с другом и предложить ливанскому народу достойный образ общего будущего. Так, например, в Ливане по сию пору значительное влияние сохраняет старинный маронитский род Жмайелей, сыгравший заметную роль в истории страны. После гражданской войны влияние рода заметно уменьшилось, но, тем не менее, даже без занятия официальных постов семейство Жмайель сохраняет вес в ливанской политике [4] - хотя уже и не может выдвинуть подлинного лидера общенационального масштаба. При этом исламская (суннитские) и христианская общины, которые играют в Ливане сегодня гораздо большее значение очевидно не забыли до конца прежнего противостояния и связанных с ним потерь - в то время как народ Ливана не забыл их вклада в общую драму гражданской войны. Военную помощь решили оказать Сирия и Израиль, но это лишь усугубило и углубило конфликтное противостояние. Сирийские войска продолжили оставаться в Ливане на 15 лет. Война, безусловно, повлияла на экономику и многие банки вынуждены были закрыться. Однако в 1992 году при активной роли премьер-министра Рафика Харири, который провел

масштабные реформы, Ливану удалось сравнительно быстро восстановить базовые экономические показатели. Политика Харири и его кабинета была либеральной. Были привлечены масштабные иностранные инвестиции, проведена приватизация и набраны банковские кредиты под гарантии государства. Подобная политика предполагала зависимость от изменчивой внешнеэкономической конъюнктуры, ухудшение котрой означало уход иностранных инвесторов из экономики страны вместе с капиталами. Одновременно быстрыми темпами рос и госдолг, который к концу 90-х годов XX века составлял около 540%. В дополнении к этому правительство Харири погрязло в коррупции. Ключевые отрасли национальной экономики были поделены между представителями нескольких семей, включая родственников самого премьера. По совокупности факторов, новое издание «ливанского экономического чуда» не состоялось. Как следствие, реальные доходы населения продолжали снижаться, а социальное расслоение расти. В расслоении общества имелась не только внутриэкономическая причина, но и внешнеполитическая. В 2005 году стране удалось добиться вывода сирийских войск, но после начала сирийской гражданской войны в страну стали массово прибывать сирийские беженцы. Как результат, в стране стала набирать популярность группировка «Хезболла», которая ориентировалась на Сирию и Иран и стала системообразующей политической силой. Однако происходящие политические изменения не были дополнены экономическими успехами страны. В марте 2020-го новое правительство под руководством Хасана Диаба (поддержанное «Хезболлой» и шиитским движением «Амаль») объявило о дефолте – отказе отвечать по обязательствам, которые на тот момент составляли 1,2 миллиарда долларов. Фактически страна стала банкротом. Разрабатывалось множество программ в т. ч. с участием международных финансовых организаций, однако ни одна из них так и не была в полной мере реализована. В итоге страна на сегодняшний день не в состоянии ни отвечать по своим экономическим обязательствам, ни защищать свой суверенитет, ни решать текущие социально-политические вопросы. Поэтому основные причины плачевного состояния современного Ливана связаны со следующими обстоятельствами:

1. Конфессионализм. После обретения независимости в 1943 году Национальный пакт заложил принцип распределения власти по конфессиям. Это поначалу помогало сохранять баланс, но со временем закрепило внутренее разделение ливанского обшества: общины (христиане, мусульмане – сунниты, мусульмане-шииты, друзы) замыкались в своих

интересах, что мешало формированию единой национальной идентичности и сильной центральной власти. В свою очередь, нарушение конфессионального баланса приводило и способно привести в дальнейшем к масштабному кризису и дестабилизации. Ливан сегодня не может ни отказаться от модели, основанной на конфессиональных квотах и балансе, ни существенно модернизировать последнюю.

2. Гражданская война (1975–1990). Накопившиеся противоречия вылились в масштабный конфликт. В него оказались втянуты не только местные силы (разные милицейские отряды), но и внешние игроки – Сирия, Израиль, палестинские формирования. Длительная война разрушила инфраструктуру, подорвала экономику (особенно туристический сектор) и ещё больше усилила взаимное недоверие общин. В итоге войны ливанское государство балансирует на грани трансформации в failed state, что лишь усиливает напряжение внутри страны.

3. Внешнеполитические шоки и демографические сдвиги. Приток палестинских беженцев после арабо-израильских войн существенно изменил социальный ландшафт и создал дополнительную нагрузку на ресурсы страны. Позже, с началом гражданской войны в Сирии (2011), Ливан принял ещё и сирийских беженцев – их число достигло примерно 1,2 миллиона. Последнее обстоятельство перегрузило экономику и социальную сферу, стало дополнительным источником напряженности.

4. Экономические дисбалансы. В середине XX века Ливан активно открывал экономику для иностранного капитала, что создало зависимость и ослабило национальный производственный сектор. Военные расходы и политическая нестабильность отвлекали ресурсы от развития. Отказ страны от структурной перестройки экономики, многолетняя ставка на финансовый сектор, сферу услуг и туризм, ухудшение региональной и общемировой экономической конъюнктуры предопределили многолетний экономический упадок Ливана. Взрыв в порту Бейрута 4 августа 2020 года лишь подчеркнул не только слабость ливанского государства, но и кризисную уязвимость ливанской экономики, актуализированную этим драматическим событием [12].

5. Слабость государственных институтов. Длительная внутренняя борьба и внешнее вмешательство подорвали способность ливанского государства эффективно управлять страной, обеспечивать безопасность и проводить последовательные реформы [8]. В итоге Ливан продолжает оставаться т н «несостоявшимся государством», неспособным решить ни одну из вышеуказанных проблем, и все чаще находится под давлением

различных политических сил. В результате Президенту страны Дж. Ауну приходится маневрировать между влиятельными организованными группами интересов в попытке решить накопившиеся проблемы страны, для чего зачастую не хватает совокупного политического ресурса. Чем же вызвана объективная органиченность возможностей президента Страны кедров? Дело в том, что Джозеф Аун является командующим ливанской армии, поддерживаемой США, с 2017 года. Под его руководством американская помощь продолжает поступать в ливанскую армию, что является частью давней политики США, направленной на поддержку государственных институтов для сдерживания влияния «Хезболлы». Некоторые политические силы и эксперты усматривали в избрании Ауна прямое влияние США и Саудовской Аравии для того, чтобы снизить влияние «Хезболлы». В конечном итоге, кандидатура Джозефа Ауна была поддержана несколькими политическими партиями страны, а также США, Францией и Саудовской Аравией. Как следствие, в своей внешней политике Президент Ливана рассчитывает не на свой авторитет как лидера государства, а на помощь тех политических сил, которые обеспечили ему президентское кресло. В рамках продолжающейся сегодня эскалации на Ближнем Востоке перед Президентом Ливана встают особо сложные задачи. Прежде всего обеспечить безопасность и мирный процесс для Ливана, несмотря на то, что ситуация в начале 2026 года складывается для страны неблагоприятно. Одновременно с этим, он едва ли может игнорировать интересы США и не учитывать интересы поддерживаемого Вашингтоном Израиля, что все сложнее делать в современной усложняющейся ситуации в Ближневосточном регионе.

На сегодняшний день в рамках военной операции США и Израиля против Ирана, Ливан одновременно подвергается со стороны Израиля в ответ, как официально заявляется, на акции «Хезболлы» против израильского государства. В рамках начавшейся 28 февраля 2026 года военной операции США и Израиля против Ирана, Израиль развернул полноценную военную кампанию в Ливане начиная с 2 марта 2026 г. Нужно отметить, что именно 2 марта, когда «Хезболла» выпустила ракеты по Израилю в ответ на американо-израильские удары по Ирану, Израиль ответил авиаударами и полновесным наземным вторжением, в результате которых в Ливане погибло более 4200 человек,и более 11 300 получили ранения; при этом более 1 миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома, по данным властей. В конечном итоге израильские войска оккупировали часть южного Ливана с начала последнего конфликта, который начался в

марте 2026 г. между «Хезболлой» и Израилем. При этом процесс прямых переговоров между Ливаном и Еврейским государством ведётся с апреля текущего года, рамочное соглашение было подписано в июне, а последний раунд состоялся на этой неделе в Риме. Ранее на этой неделе Дональд Трамп вновь заявил, что хочет вывода войск Израиля из южного Ливана, в то время как Еврейское государство на данном этапе явно отказывается выводить войска из населенных пунктов, расположенных в пределах жёлтой линии. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху вместо этого добивается американского одобрения для начала нового типа военной операции: в ее рамках ЦАХАЛ осуществляет периодические вторжения в контролируемые «Хезболлой» районы с целью демонтажа её позиций и захвата оружия, прежде чем передать эти территории ливанской армии. Все эти операции должны были проводиться вне пределов, очерченных с помощью жёлтой линии. В то же время израильский министр обороны Исраэль Кац заявил, что израильская армия останется «до дальнейшего уведомления» в так называемых «зонах безопасности» в Ливане, Сирии и секторе Газа (что де-факто означает их оккупацию) [7]. Следует отметить, что еще до этих событий неделей ранее Ливан уже подписывал рамочное соглашение о перемирии при активном посредничестве США. Был разработан трёхсторонний план при посредничестве США который предполагает поэтапный вывод израильских войск с юга Ливана в обмен на гарантии безопасности для израильских приграничных районов. В то же время ливанская сторона настаивает на полном соблюдении суверенитета и возвращении контроля над всеми спорными территориями - однако подобные декларации слишком далеки от весьма неблагоприятной для официального Бейрута реальности. Протекающие сегодня процессы вызвали протесты со стороны «Хезболлы», которое в Ливане пользуется значительным влиянием и требует безотлагательного вывода израильских войск со всех занимаемых ими территорий в качестве необходимого условиях любых переговоров с официальным Иерусалимом. В итоге перемирие начало действовать 17 апреля 2026 г., однако несмотря на это Израиль продолжает военную операцию в Ливане - что еще более усложняет и запутывает ситуацию внутри и вокруг страны.

Президент Ливана Джозеф Аун настаивает на полном выводе израильских войск с территории Ливана - что, по его мнению, позволит государству утвердить свою власть на всей стране и устранить обоснование действий вооружённых групп вне официальных государственных институтов. Также Дж. Аун подчеркивает что необходимо достаточно после-

довательно вести переговоры с «Хезболлой», что является непростым делом, однако для сохранения социально-экономической и политической стабильности такие переговоры необходимо проводить. План ливанского правительства состоит в том, чтобы последовательно осуществлять передачу всего нелегального оружия под контроль правительства - включая вооружения, находящиеся на вооружении у «Хезболлы». Учитывая радикальный характер деятельности данной группировки, которая сумела легализовать свой парамилитарный статус по итогам закончившейся в 1990 г. в Ливане гражданской войны, этот процесс может быть достаточно длительным и растянуться на долгие годы. Аргументы у «Хезболлы» достаточно весомые - это противодействие израильской агрессии, которую, как уже было отмечено, соседнее с Ливаном государство вовсе не собирается прекращать.

По всей видимости, президент Ливана в данном вопросе рассчитывает на поддержку своих инициатив со стороны США и ЕС. Он, в частности, призвал к усилению поддержки Ливана со стороны Евросоюза, имея ввиду прежде всего поддержку армии, институтов безопасности и экономики. Одновременно Аун отметил усилия Ливана по предотвращению потока сирийских беженцев в Европу - которые, по его мнению, должны сопровождаться более активной поддержкой его страны со стороны Брюсселя. Аун сделал эти заявления во время встречи с делегацией Европейского парламента во главе с французским депутатом Арно Ле Галлем, главой Франко-ливанского комитета дружбы [5]. Вывод войск Израиля, по мнению Ауна, позволит Ливану расширить свои полномочия, положить конец вооружённым проявлениям и устранить любые оправдания существованию оружия, отличного от оружия государства. Нужно отметить что позиция европейских чиновников с самого начала была близка позиции правительства Ливана. Страны ЕС, в отличии от США, в большинстве своем не поддерживают израильскую агрессию против Ливана прежде всего из-за вызванного ею большого потока беженцев из Ближневосточного региона в страны Евросоюза.

Что касается взаимодействия с США по данному вопросу то, согласно официальным заявлениям, ливанский президент предпринимает активные усилия для урегулирования конфликта, уже давно приобретшего общерегиональное и международное измерение [11]. Еще 26 июня 2026 года Представители США, Израиля и Ливана в присутствии госсекретаря Марко Рубио подписали в Вашингтоне трехстороннее рамочное соглашение по урегулированию конфликта [10], что вызвало достаточно

мощный публичный резонанс. Подписание документа стало результатом последних четырех дней переговоров в Вашингтоне между Израилем и Ливаном. Эта встреча ознаменовала собой уже пятый по счету раунд дипломатических контактов между двумя странами, прошедший при посредничестве США. Согласно данному документу, соглашение устанавливает четкий план восстановления суверенитета Ливана, разоружения и ликвидации инфраструктуры движения «Хезболла», а также последующего возвращения Израиля к своим прежним границам. Помимо этого, Вашингтон также намерен укрепить потенциал регулярной ливанской армии для контроля над всей территорией страны, для чего Пентагон готов предоставить ливанским вооруженным силам более 30 миллионов долларов. Безусловно, американским властям выгодно это не только с коммерческой целью освоить эти деньги, но и с политической, ослабить влияние Ирана и «Хезболлы» в Ливана и усилить свое собственное присутствие. Однако указанные положения договора так и не были реализованы и конфликт продолжается. Как следствие, Дж. Аун продолжил предпринимать дипломатические усилия по выводу израильских войск с Ливана. С этой целью он отправился в Вашингтон, где должен встретиться с президентом Дональдом Трампом 21 июля 2026 года.Ливанский президент уже проводил переговоры между Ливаном и Израилем 15 июля 2026 года в Риме.В дополнение к «ливанско-американскому саммиту», запланированному в Белом доме, Джозеф Аун должен обсудить «с несколькими американскими чиновниками ситуацию в Ливане и способы укрепления прекращения огня», особенно на юге, а также «вывод Израиля из оккупированных им ливанских регионов», говорится в заявлении президента. По мнению Дж. Ауна «переговоры с США и Израилем это не измена а дипломатическая война без ненужного кровопролития»[3]. Можно отметить что дипломатические усилия Президента Ливана имеют лишь частичный успех, поскольку удается установить перемирие, но не добиться вывода израильских войск. Глава Ливана подходит к своему визиту в США с уверенностью, будучи уверенным, что президент Трамп предложит увеличенную помощь Ливану, а также меры поддержки, в том числе через организацию международной конференции в пользу ливанской армии.

В итоге в США 19 июля 2026 года состоялась встреча Госсекретаря США М. Рубио с Президентом Ливана Дж. Ауном. Речь шла о трехстороннем рамочном соглашении с Израилем и конкретных шагах властей Ливана по нормализации ситуации в стране. При этом М. Рубио отметил,

что данное соглашение полностью выполняется и США поддерживают усилия Ливана по восстановлению разрушенной экономики страны [1]. Однако как видно из событий эти утверждения далеки от политических реалий и израильские войска по прежнему контролируют Южный Ливан. В преддверии встречи в Вашингтоне Президента Ливана с высокопоставленными чиновниками Администрации Д. Трампа было отмечено, что Ливану необходима усиленная американская поддержка армии и военных учреждений. Еще в начале июля Д. Трамп потребовал от Б. Нетаньяху немедленно вывести израильские войска с территории Ливана, о чем было сообщено по итогам телефонных переговоров между лидерами двух стран. В свою очередь, израильская сторона настаивает на вытеснении с территории Ливана движения «Хезболлы» и тогда начнется, согласно плану, вывод израильских войск и замена их на подразделения ливанской армии[2]. Маха Яхья, директор Ближневосточного центра Карнеги, заявила что данная встреча имеет крайне невыгодный характер для Ливана, от которого США могут еще чего-нибудь потребовать. Однако сделка зависит от разоружения «Хезболлы», которая категорически отвергает и саму сделку, и переговоры между Израилем и Ливаном, на которых она основана [3]. Как уже было отмечено выше, «Хезболла никогда не согласится на разоружение своей группировки, поскольку это означает потерю политического и военного влияния этой организованной силы в Ливане.

Таким образом можно отметить, что несмотря на усилия Президента Ливана Дж. Ауна и других международных посредников, установить долговременное перемирие не удастся, поскольку существует достаточно много противоречий между различными политическими силами как внутри, так и вне Ливана. Прежде всего противоречивые интересы ключевых политических игроков на Ближнем Востоке США, Израиля и «Хезболлы», которую как известно называют прокси силой Ирана на территории Ливана. Эти неурегулированные противоречия вынуждают Ливан и дальше оставаться заложником геополитических процессов, связанных с увеличением влияния вышеуказанных игроков, которые имеют не только политические, но и экономические интересы в Ближневосточном регионе.

Будущее Ливана неопределенно?

Так или иначе, будущее Ливана практически при любом исходе мирного процесса остается туманным. Государство ослаблено в политическом. экономическом и военном отношении, разделено внутри себя, и

в составе политической элиты страны пока не видно лидера, который мог бы объединить общины и конфессии, придав властно-политическим институтам устойчивость и одновременно новую динамику. Влиятельные кланы Аунов (однофамильцы нынешнего президента страны) и Жмайелей (равно как и их конкуренты) в лице их нынешних представителей пока лишь обнаруживают неготовность к такой роли. Неясно, как можно «перезапустить» экономику Ливана после долгих лет кризиса и разрушений, когда лидерство в сфере региональных банковских операций давно утрачено, собственного высокотехнологичного сектора промышленности нет, а приход крупных иностранных инвесторов выглядит лишь как условная и отдаленная перспектива (в случае успешной внутренней стабилизации).

Ключевой проблемой остается укрепление международного статуса и обеспечение безопасности государства и общества Ливана в ситуации общей региональной нестабильности на Ближнем Востоке. Решению этой комплексной задачи сегодня объективно препятствуют следующие факторы:

1. Экспансивность Израиля, который по всем признакам не намерен отказываться от идеи по созданию «буферной зоны» вдоль своих границ за счет частей территории соседних государств (сегодня армия Израиля занимает порядка 6 % ливанской территории).

2. Отсутствие надежных союзников и старших партнеров – исторически нейтральный Ливан в силу своей поликонфессиональности и особой модели общинного деления не тяготел к участию в союзах и блоках, а периоды близости с Францией (от истоков ливанской государственности), США и Израилем (на что были ориентированы часть лидеров христианской маронитской общины) или Ираном (шииты и «Хезболла») прошли.

3. Отсутствие в ведущихся переговорах о мире того самого «честного маклера» (в бисмарковском смысле), который бы учитывал интересы всех сторон – США во главе с администрацией Трампа если и не лоббируют напрямую интересы Израиля, то преимущественно принимают во внимание именно их.

4. Фактор «Хезболлы», которая, обладая немалым военным потенциалом и поддержкой в Ливане, очевидно не приемлет мирные соглашения с Израилем в их предлагаемом современном виде, а гипотетическая нейтрализация потенциала «партии Аллаха» даже объединенными силами армии Ливана и Израиля грозит полномасштабной гражданской войной, которая может с высокой вероятностью обернуться крушением ливан-

ской государственности. Так или иначе, шииты, составляющие сегодня до трети населения Ливана и широко представленные в политической, военной и деловой элите страны, не могут быть проигнорированы как значимый актор с собственной системой ценностей, интересов и внешнеполитических ориентиров.

5. Влияние соседней Сирии, в которой начиная с 2024 г. произошли глубокие политические изменения, и фактор которой нельзя недооценивать. Сдвиг регионального баланса в пользу суннитов (равно как и влияние стоящей за этими переменами Турции), сложная политическая игра президента аш-Шараа, фактическая легализация под эгидой Дамаска вчерашних джихадистов - которые принципиально готовы распространить свое влияние и на соседний Ливан при наличии соответствующих возможностей (причем отнюдь не в рамках концепции «Великого Ливана»). В этом случае возникает угроза не только традиционному доминированию в Ливане христианской общины, но и самому существованию ливанской государственности. Недавно обсуждавшееся предложение привлечь аш-Шараа и Сирию к решению «проблемы Хезболлы» в соседней стране может являться лишь «пробным камнем» в отношении возможных будущих «глубоких трансформаций и потрясений».

6. Общая нестабильность в регионе, связанная с продолжающимся противостоянием (пусть и не высоко интенсивным на данный момент) США (в связке с Израилем) и Ирана, которое дестабилизирует ситуацию во всем Ближневосточном регионе и пока не обнаруживает предпосылок к достаточно скорому мирному урегулированию на основе согласования интересов противоборствующих сторон.

По заключению авторов, основная совокупность внутри- и внешнеполитических факторов, определяющих характер и возможности современной ливанской политики, существенно ограничивают пространство маневра для властей современного Ливана. Так или иначе, сохранение, восстановление и укрепление ливанской государственности сегодня возможно лишь за счет «гроссмейстерской игры» самого официального Бейрута, и при условии благоприятного сочетания региональных и мировых политических тенденций и факторов. Выполнить эти условия будет крайне сложно, и поэтому кризисное состояние государства Ливан может сохраняться достаточно долго.

Список литературы:

1. Госсекретарь США и президент Ливана обсудили состояние трехстороннего рамочного соглашения. // URL: https://www.interfax.ru/world/1104216. (Дата обращения: 21.07.2026)

2. Ливан призвал США содействовать в выводе израильских сил из страны. // URL: https://tvzvezda.ru/news/20267192142-TMADu.html?ysclid=mru5rcde7s817226344. (Дата обращения: 21.07.2026)
3. Премьер-министр Ливана Аун встретится с Трампом на фоне растущего давления с целью разоружить «Хезболлу». // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7af7c546-6a5ef920-a7745791-74722d776562/https/www.yahoo.com/news/politics/articles/lebanons-aoun-meet-trump-pressure-021651005.html. (Дата обращения: 21.07.2026)
4. Рокировка Аунов и мат Хезболле: как Ливан выбрал нового президента. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/rokirovka-aunov-i-mat-khezbolle-kak-livan-vybral-novogo-prezidenta/. (Дата обращения: 23.07.2026)
5. Échanges à l'Assemblée nationale avec les journalistes libanais Salim Saab, Aline Mourani et, en visio, Elsy Moufarrej présidente de l'Union des journalistes au Liban // URL: https://arnaudlegall.fr/category/actualite/ 09 Juillet 2026. (Дата обращения: 23.07.2026)
6. Edde N. Face à l'accord Liban-Israël, que compte faire le Hezbollah ? // L"Orient – Le Jour. – Le 1 juillet 2026.
7. Israeli minister's provocative comments target Türkiye // Daily Sabah. – July 29, 2026.
8. Jacoby A. Conflict in Lebanon: On the Perpetual Threshold // Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. – University of Manitoba – Winnipeg, April, 2007. P. 3-19.
9. Lebanon president vows not to yield 'single inch' of territory to Israel // Daily Sabah. – July 02, 2026.
10. Liban-Israël à Rome: progrès techniques, mais aucun accord sur les zones pilotes // Ici Beyrouth. – 05 aout, 2026.
11. Rabih M. Les coulisses des discussions Aoun-Trump: un accord de défense entre Beyrouth et Washington // L"Orient – Le Jour. – Le 26 juillet 2026.
12. Wassermann L. Explosion au port de Beyrouth: anatomie d'une catastrophe annoncée // L"Orient – Le Jour. – Le 3 août, 2026.
13. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

Bibliography

1. The US Secretary of State and the President of Lebanon discussed the status of the trilateral framework agreement. // URL: https://www.interfax.ru/world/1104216. (July 21, 2026)
2. Lebanon called on the US to facilitate the withdrawal of Israeli forces from the country. // URL: https://tvzvezda.ru/news/20267192142-TMADu.html?ysclid=mru5rcde7s817226344. (July 21, 2026)
3. Lebanese Prime Minister Aoun to meet Trump amid mounting pressure to disarm Hezbollah. // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7af7c546-6a5ef920-a7745791-74722d776562/https/www.yahoo.com/news/politics/articles/lebanons-aoun-meet-trump-pressure-021651005.html. (July 21, 2026)
4. The Aoun swap and checkmate to Hezbollah: how Lebanon chose a new president. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/rokirovka-aunov-i-mat-khezbolle-kak-livan-vybral-novogo-prezidenta/. (07.23.2026)
5. Échanges à l'Assemblée nationale avec les journalistes libanais Salim Saab, Aline Mourani et, en visio, Elsy Moufarrej présidente de l'Union des journalistes au Liban // URL: https://arnaudlegall.fr/category/actualite/ 09 Juillet 2026. (07.23.2026)
6. Edde N. Face à l'accord Liban-Israël, que compte faire le Hezbollah ? // L'Orient – Le Jour. – Le 1 juillet 2026.
7. Israeli minister's provocative comments target Türkiye // Daily Sabah. – July 29, 2026.
8. Jacoby A. Conflict in Lebanon: On the Perpetual Threshold // Canadian Defense & Foreign Affairs Institute. – University of Manitoba – Winnipeg, April, 2007. P. 3-19.
9. Lebanon president vows not to yield 'single inch' of territory to Israel // Daily Sabah. – July 02, 2026.
10. Liban-Israël à Rome: progrès techniques, mais aucun accord sur les zones pilotes // Ici Beyrouth. – 05 out, 2026.
11. Rabih M. Les coulisses des discussions Aoun-Trump: un accord de défense entre Beyrouth et Washington // L'Orient – Le Jour. – Le 26 juillet 2026.
12. Wassermann L. Explosion au port de Beyrouth: anatomie d'une catastrophe annoncée // L'Orient – Le Jour. – Le 3rd August, 2026.
13. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Юдин В.И.

Доктор политических наук, профессор. Эксперт, Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Большаков С.Н.

Доктор политических наук, профессор. ФГОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Государственная образовательная политика в отношении коренных народов Эквадора: декларации и реальность

В контексте государственной образовательной политики в отношении коренных малочисленных народов ключевым событием стала популяризация политического дискурса о многонациональности. Она произошла главным образом благодаря конституционным реформам в андских странах, вызванным сопротивлением коренных движений доминированию белого населения, а также маргинализации коренных народов, афро-потомков, метисов и других меньшинств [15, p. 41-68].

Государственное образование рассматривается здесь как один из наиболее действенных инструментов культурной трансформации, способствующей демократизации и плюрализму знаний. В этой парадигме коренные общины получают признание в качестве полноправных создателей и носителей знаний, которые необязательно соответствуют европейским канонам.

Доступ к школьному и высшему образованию приобретает решающее значение для расширения прав и возможностей маргинализированных групп и улучшения их жизненных условий. Так, в Эквадоре была внедрена программа межкультурного двуязычного образования (МБО), направленная на поддержку разнообразных культурных идентичностей, формирующих многонациональное государство. Родригес М., Капитуло С. пишут, что в год 500-летия иберо-американского завоевания организации коренных народов активно добивались конституционного признания многонационального характера страны - правовой реструктуризации, обеспечивающей самоопределение и законное управление в ключевых сферах, включая образование в общинах [18].

По убеждению Керр Дж. и Андреотти В. [9, p. 53], образование призва-

но играть ключевую роль в признании идентичности и закреплении коренных народов на их земельных ресурсах. Учёные видят в образовании инструмент, предлагающий деколониальные альтернативы, направленные на устойчивое трансформационное будущее и достижение социально-экологической справедливости.

Развивая эту логику, Кабреро А. [2], а также Гонсалес Диес с коллегами [4] утверждают, что межкультурное образование способно формировать многонациональное гражданство, благодаря которому коренные народы получают реальную возможность осуществлять свои коллективные права.

В противовес такому пониманию Уолш С. [23] обращает внимание на глубокое противоречие. По его мнению, неолиберальная модель, хотя и декларирует признание культурного разнообразия, делает это без критического пересмотра основ глобальной капиталистической эксплуатации. Именно эта модель, как указывает Уолш, задаёт первый, доминирующий подход, который проявляется в дискурсивной риторике об инклюзивном мультикультурном образовании.

Авторы подчёркивают, что для Латинской Америки характерно значительное социально-экономическое неравенство прямое наследие иберийского завоевания и колонизации. Республики, образовавшиеся с XIX века, переняли европейские модели управления, чтобы обеспечить формальное единство при разнообразии обществ в экономической, политической, социальной и символической сферах. В этом контексте образование, от начального до университетского, следовало и поныне сохраняет ту же евроцентрическую, западную модель господствующего мышления [15, p.41-68]..

Кастильо Р. и Андраде Дж. [3, с.126] рассматривают с социально-экономической позиции эквадорские провинции, расположенные в бассейне Амазонки, которые входят в число наиболее бедных регионов страны с неудовлетворёнными базовыми потребностями. Неравенство в наибольшей степени проявляется в провинциях с высокой долей коренного населения, а также в сельских территориях [22]. Ситуация с бедностью дополнительно усугубляется экологическими катастрофами антропогенного характера.

Уровень предоставления государственных услуг в Амазонии, включая высшее образование, остаётся крайне низким при минимальном финансировании. Образовательная диспропорция, от которой страдают местные общины, является частью более широкой проблемы социальной

маргинализации и бедности. Перро Т., [16] Мендес Т. [13] отмечают, что образовательные диспропорции обусловлены неравномерным распределением инфраструктуры и базовых услуг на территориях проживания коренных народов, пролетаризацией значительного числа их семей, а также устойчивыми патриархальными устоями в обществе. Важно отметить, что образование в данном регионе находилось под управлением религиозных миссий не только в колониальную эпоху, но и после обретения независимости. Вмешательство государства началось лишь во второй половине XX века [19]. Для сравнения отметим, что в Кито первый государственный университет был основан в 1786 году на базе высших школ, которые с XVI века (колониальный период) контролировались религиозными орденами [17]. В то же время в эквадорской Амазонии первый государственный университет - Universidad Estatal Amazónica (UEA) был создан только 18 октября 2002 года [22].

Де-факто, в университетах Амазонского региона сохраняется низкий уровень представленности студентов из числа коренных народов. Обеспечение реакции на образовательный запрос общин, поддержка приёма абитуриентов из их числа, содействие равенству, развитие культурно-ориентированного образования, создание равных стартовых возможностей, а также повышение качества и доступности государственного образования - всё это остаётся серьёзным вызовом для образовательной системы и университетов. Последние, в свою очередь, призваны развивать науку, углублять понимание общества, сохраняя его ценности, достояние, ресурсы и права. Университеты отстаивают право на высшее образование как путь гражданского и ответственного развития, предполагающий компетентное взаимодействие с местными сообществами. В этой связи необходимо расширять связи с территорией и укреплять социально-культурную структуру, чтобы преодолеть маргинализацию отдельных форм знания и уважать многообразие, характеризующее страну [15].

Организация коренных народов Эквадора (CONAIE) укрепила свой официальный статус благодаря Конституции 2008 года, которая закрепила межкультурный принцип в рамках концепции Эквадора как многонационального государства. Межкультурность при этом трактовалась как пространство сосуществования территориальных языков, знаний, основанных на различных исконных эпистемологиях и мировоззрениях, а также культурного равноправия.

Однако, несмотря на эти принципы, проект государственной модерни-

зации, ориентированный на интенсификацию добывающей экономики, спровоцировал период конфликта между центральным правительством и коренными народами, что ослабило реализацию программ межкультурного образования. Показательным примером реальных политических намерений служит закрытие тысяч двуязычных межкультурных общинных школ в сельской местности и их замена государственными образовательными центрами «Миллениум».

В 1986 году была основана Конфедерация коренных национальностей Эквадора (CONAIE) ведущая организация коренных народов страны. Её программная платформа была нацелена на укрепление многонационального государства через признание коренных и этнических групп, возврат исконных земель, право на самоопределение, обеспечение достойной жизни на территориях и развитие образования, учитывающего культурные особенности, на основе межкультурного двуязычного образования (IBE). В 1989 году Министерство образования официально признало CONAIE ответственным органом за Директорат межкультурного двуязычного образования (DINEIB).

После своего создания в 1986 году и консолидации в 1990-е годы IBE столкнулась с наиболее серьёзными трудностями в период с 2007 по 2017 год, когда у власти находился экономист Рафаэль Корреа Дельгадо. По свидетельствам лидеров и представителей социальных секторов, а также движения коренных народов Эквадора, эта эпоха, известная как «корреизм», ознаменовала собой откат в борьбе за коллективные права коренных народов и национальностей, и IBE не стала исключением.

Преодолев глубокий кризис управления в 1996–2006 годах? Который сопровождался несколькими падениями правительств в результате мобилизаций общества и народных восстаний, где «CONAIE» играла ведущую роль, Рафаэль Корреа Дельгадо предложил новую модель управления, основанную на иной парадигме развития «buen vivir», или «Sumak Kawsay», понятии, заимствованном непосредственно из космологии коренных народов. Институционализация этой концепции выразилась в создании в структуре правительства Секретариата и Национальных планов развития благополучной жизни (Национальный секретариат планирования и развития, SENPLADES, 2009) [20], отметим что в первом Плане развития на 2007–2010 годы провозглашалось следующее «видение развития, которое ставит во главу угла достижение благополучной жизни через прорыв к справедливому, свободному, демократическому и устойчивому обществу: демократическому, многонациональному, мегаразнообразному и

светскому государству».

В последующей версии программного документа «Национальном плане благополучной жизни на 2009-2013 годы» произошли существенные изменения. Хотя риторика по-прежнему апеллировала к концепции «благополучной жизни» с целью построения многонационального и межкультурного государства с учётом глубокого кризиса и колониального характера традиционной концепции развития, сам план содержал глубокое внутреннее противоречие. Включённая в него задача «трансформации высшего образования и передачи знаний посредством науки, техники и инноваций» на деле вела к модернизационной модели западного типа, а не к интеграции знаний коренных общин.

Принятие Конституции 2008 года задало новую траекторию для институциональной структуры государства и открыло новый политический этап в жизни страны. Однако, несмотря на многократные отсылки к идее «Sumak Kawsay», конкретные действия правительства не отклонялись от модернизационного курса. Фактически они представляли собой практику культурной апроприации, встроенную в государственный институционализм и преследовавшую демагогические политические цели. Вместо достижения «социального пакта», провозглашённого Конституцией 2008 года, с 2009 года это привело к эскалации конфликтов между правительством, с одной стороны, и социальными и коренными движениями с другой. Несмотря на конституционное признание принципа многонационального государства, которое подразумевает права коренных народов на территориальное, языковое и культурное самоопределение (как указано в статье 3 Устава CONAIE), программа межкультурного двуязычного образования (IBE) пришла в упадок из-за резких политических изменений.

Гранда Мерчан справедливо отмечает, что в период с 2009 по 2013 год на территории трёх регионов Эквадора было закрыто около 13 000 начальных и средних школ, которые президент Корреа назвал «школами бедности» [5, с.298], что по мнению Мартинес Ново [12, с.103]. Это привело к серьёзным проблемам с доступом к образованию для детей, проживающих в удалённых общинах. Ситуация в Амазонском регионе усугубилась из-за ряда негативных последствий: увеличения времени пути до школы, роста транспортных расходов, ухудшения питания школьников и дискриминации учащихся из сельской местности. Хохенталь Дж. и Миноя Р. Выделяют влияние следующие факторов: горный и пересечённый рельеф, а также обилие рек создавали значительные трудности для пе-

редвижения, особенно в сельских районах с неудовлетворительным состоянием дорожной инфраструктуры или её отсутствием [8]. Кроме того, программа была реформирована с целью вписать программы межкультурного двуязычного образования (IBE) в западную модель, что означало отказ от прежней критической парадигмы и от преподавания языков коренных народов.

Новый «Органический закон о межкультурном образовании (LOEI)» от 2011 года провозгласил межкультурность приоритетом (решение Национальной ассамблеи от 2011) [1]. Однако, передав образование коренных народов в ведение Министерства образования как отдельную образовательную систему, этот закон фактически лишил коренные общины контроля над самой сутью их образования [11].

Параллельно, начиная с 2007 года, правительство запустило проект «Школы тысячелетия» (Образовательные подразделения тысячелетия, UEM), направленный на повышение качества образования через модернизацию и интернационализацию инфраструктуры. Эти центры стали неотъемлемой частью государственной политики по повышению качества государственного образования. Цель проекта заключалась в улучшении образовательных услуг за счёт создания комплексной инфраструктуры с инновационными материальными и технологическими ресурсами. Подобные школы задумывались как эталон образовательной модели третьего тысячелетия, сочетающей функциональность, гибкие и адаптируемые пространства, спортивные и рекреационные зоны, соответствующую мебель и технологическое обеспечение [14].

Данные учебные заведения были призваны обслуживать обширные территории, заменяя собой более бедные сельские школы через создание мега-академических комплексов. Такие комплексы оснащались библиотеками, ИКТ-сетями и оборудованием, укомплектовывались квалифицированными педагогами, а также обеспечивались системами оценки учебных программ и успеваемости учащихся. Языком обучения становился испанский, а английский вводился как второй язык, что должно было облегчить выпускникам доступ в университеты, где преподавание ведётся на испанском. Исследователи, в частности Мириам Ланг [10], а также Джафи Уилсон и Мануэль Байон [24], обнаружили прямую связь между открытием новых школ тысячелетия и процессом переселения общин с исконных территорий в районы добычи полезных ископаемых. Так называемые «общины тысячелетия» (например, Плайяс-де-Куябено) привлекали людей, покидавших свои родные места, обещая им «цивили-

зацию»: рабочие места, жильё и новые услуги, включая школы. Однако вскоре эти проекты были приостановлены и заброшены.

Данные неудачи в сфере образования коренных народов и обеспечения доступности школ в общинах, вкупе с продвижением политики, благоприятствующей добыче полезных ископаемых и нефти в Андийском и Амазонском регионах, ознаменовали собой определенный политический сдвиг. От модели сотрудничества с организациями коренных народов произошёл переход к модели, находящейся под влиянием евроцентристского гегемонистского видения. В этой модели приоритет отдаётся трансферу знаний через науку, технику и инновации. Данный модернизационный подход опирается на сокращение инвестиций в удалённые регионы, что порождает глубокое социальное неравенство, особенно сильно затрагивающее молодых представителей коренных народов. Недостаточное финансирование повышения качества образования в сельских и коренных территориях, как следствие, ограничило доступ молодёжи к университетскому образованию. Проблема усугубляется внедрением систем оценки, основанных на стандартизированном образовании, а не на предметах, учитывающих специфику образования коренных народов.

Проблема усугубляется тем, что школы коренных народов нередко располагаются на периферии. Перед семьями встаёт сложный выбор: оставить молодёжь на исконных территориях или позволить ей уехать в поисках новых жизненных перспектив. Те, кто имеет такую возможность, зачастую отправляют детей-подростков учиться в школы других районов, вдали от дома. При этом страдают общины, поскольку покидающие их лишаются родной земли и культурной среды. Следовательно, главная задача в сфере образования Амазонии сегодня обеспечить равный доступ к образованию для всех, предоставляя при этом специализированное образование для поддержки культурных меньшинств: повышать качество обучения и одновременно расширять права и возможности уязвимых групп [6].

После десяти лет пребывания у власти Рафаэль Корреа завершил свой президентский срок в мае 2017 года. Спустя несколько месяцев его правящая партия раскололась на две фракции, одна продолжала поддерживать Корреа, а другая объединилась с новым президентом Ленином Морено. Это привело к новому кризису управляемости в государстве и политической нестабильности, сохранявшейся на протяжении 2017 года и 2018 гг., что помешало выполнению многих предвы-

борных обещаний и правительственных планов. Пострадала от этого и программа межкультурного двуязычного образования (IBE). План развития 2010 года предусматривал территориальную реструктуризацию Эквадора по регионам, в результате чего амазонская провинция Пастаса вошла в зону «3» вместе с андскими провинциями Котопакси, Чимборасо и Тунгурауа, что повлияло на конфигурацию образовательных округов в провинции [14].

Президент Морено вступил в должность, заключив новые соглашения с организациями коренных народов, основанные на обещаниях восстановления прав и диалога с представителями всех национальностей страны. Многие трудности этого периода были вызваны политическим циклом, значительно ослабившим борьбу за права. Национальный план «Для благополучной жизни 2017–2021» [21] подтвердил следующие политические цели: обеспечение многонациональности в организации государства, реализация правового плюрализма и эффективное гарантирование коллективных прав народов и национальностей; содействие сохранению, признанию, исследованию и защите культурного наследия, исконных знаний, мировоззрений и культурной динамики; а также гарантия сохранения традиционных языков, многоязычия и устойчивости межкультурных систем образования и знания многообразия.

Учебные материалы предыдущего поколения, разработанные в рамках проекта EIBAMAZ (реализованного в Боливии, Эквадоре и Перу с 2004 по 2012 год под координацией ЮНЕСКО и при финансовой поддержке правительства Финляндии Министерство иностранных дел Финляндии, 2015) [7], в частности, экземпляры учебников для начальной школы на национальных языках до сих пор применяются в некоторых образовательных учреждениях, однако требуются новые издания. Кроме того, фиксируется высокий процент отсева учащихся на начальных ступенях обучения по экономическим и семейным обстоятельствам. Внедрение образовательной педагогики на основе межкультурного подхода также сталкивается с препятствиями из-за недостаточной квалификации учителей, которым не хватает как языковых компетенций, так и знаний в области межкультурной педагогики.

Центральные управленческие структуры признают необходимость усиления исследований в сфере межкультурной педагогики для дифференциации образовательных программ и их адаптации к локальным условиям. Речь идёт как о языковом и программном наполнении, так и о педагогических методах, отражающих социальную реальность и особен-

ности среды обитания учащихся.

Существуют также структурные ограничения, связанные с тем, что образовательная деятельность заключена в бюрократическую матрицу, которая не ценит разнообразие, а, напротив, подавляет его. В этой матрице не предусмотрена гибкая организация школьного календаря, в результате чего учащиеся, вынужденные заниматься производственной деятельностью (работой на ферме, охотой), в итоге не успевают по программе. Вместо этого общинное обучение должно опираться на академические календари, состоящие из отдельных модулей, которые можно соблюдать или приостанавливать без ущерба для всего учебного года или широкого учебного плана. Другая бюрократическая проблема нехватка официально назначенных преподавателей, способных вести предметы, связанные с космовидением. В некоторых общинных школах местные знатоки и мудрецы по-прежнему неформально привлекаются к обучению мифам и традиционным практикам (например, употреблению гуаюсы и толкованию сновидений) либо к передаче полезных навыков распознаванию и уходу за лекарственными растениями, работе с деревом, рыболовству. Однако, поскольку они не могут получить официальный статус учителей, в большинстве случаев программа доверяется педагогам, не принадлежащим к коренному населению и часто прибывающим из других регионов страны. Как правило, учителя, назначенные на должности в районах проживания коренного населения Амазонии, демонстрируют низкую мотивацию, незнание местных языков и культур и стремятся как можно скорее перевестись в другое место. Работая в этих районах, они способны преподавать только стандартное испаноязычное образование (даже в школах с билингвальной направленностью), а их участие в передаче космовидения неизбежно ограничивается подготовкой школьных мероприятий к фольклорным праздникам и другим массовым событиям [7].

В последние годы межкультурное образование оставалось лишь обещанием, которое было сорвано другими приоритетами и различными бюрократическими и финансовыми препятствиями. Многие семьи столкнулись с выбором: позволить своим детям учиться в школах, близких к их собственной культуре и территориальной идентичности, или отказаться от последнего в пользу «полезного» и профессионального образования в рамках современного, технологического и городского канона, считающегося превосходящим. Сами школы межкультурного образования больше ориентированы на профессиональную подготов-

ку, чем на обеспечение доступа к высшему образованию. Вопрос, возникающий на территориях коренных народов, вновь сводится к тому, совместима ли межкультурная программа со стремлением к качеству образования.

Проведённый анализ образовательной политики в отношении коренных народов Эквадора, особенно в Амазонском регионе, выявляет глубокое и устойчивое противоречие между конституционно провозглашёнными принципами многонациональности, межкультурности и правом на самоопределение и реальной практикой государственного управления.

С одной стороны, Конституция 2008 года и последующие программные документы (включая "Национальные планы благополучной жизни") декларировали признание «Sumak Kawsay»[1], языкового и культурного плюрализма, а также особых прав коренных народов на территориальное и образовательное самоопределение. С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода (особенно в 2007–2017 гг., при правительстве Р. Корреа) реализовывалась модернизационная, евроцентричная модель, приоритетом которой являлись интенсификация добывающей экономики, централизация образования и унификация образовательных стандартов.

Наиболее болезненным проявлением этой политики стало массовое закрытие сельских общинных школ (около 13 000) под лозунгом борьбы со «школами бедности» и создание мега-комплексов «Школ тысячелетия». Формально направленные на повышение качества инфраструктуры, эти меры на практике привели к утрате доступа к образованию для детей из удалённых общин, росту транспортных и финансовых издержек семей, дискриминации, а также к принудительному переселению коренных общин в районы добычи полезных ископаемых. Межкультурное двуязычное образование (IBE), достигшее определённых успехов в 1990-е годы, было последовательно ослаблено: его парадигма заменена стандартизированной испаноязычной программой, а управление изъято у организаций коренных народов (CONAIE, DINEIB) и передано Министерству образования.

Ключевыми системными проблемами остаются: крайне низкая представленность студентов из числа коренных народов в университетах (первый государственный университет Амазонии создан лишь в 2002 г.),

1 «Sumak Kawsay» это концепция, возникшая в Эквадоре и основанная на традиционных представлениях коренных народов о мире, природе, добре и справедливости. Она переводится с языка кечуа как «хорошая жизнь» или «изобильная жизнь».

нехватка подготовленных учителей-билингвов, отсутствие официального статуса для местных носителей знаний и практик, бюрократическая негибкость учебных календарей (не учитывающих традиционный хозяйственный уклад), а также хроническое недофинансирование образования в сельских и удалённых районах.

После смены президента (Л. Морено в 2017 г.) и нового раскола в правящей элите политическая нестабильность лишь усилилась. Несмотря на возобновление диалога с коренными организациями и декларативные обещания реституции, реальные изменения остаются ограниченными. Старые учебные материалы, разработанные в рамках проекта EIBAMAZ при поддержке ЮНЕСКО, устаревают, а новые не создаются; отсев учащихся на начальном уровне по экономическим причинам остаётся высоким; а сами учителя, не владеющие языками и культурой коренных народов, стремятся покинуть регион.

Таким образом, образовательная политика Эквадора в отношении коренных народов демонстрирует разрыв между риторикой «благополучной жизни» и реальностью социально-экономической маргинализации. Преодоление этого разрыва требует не просто деклараций, а системной реинституционализации межкультурного образования: возврата контроля общинам, признания эпистемологического плюрализма, гибких образовательных траекторий, адекватного финансирования и реального равноправия языков. Без этого высшее образование и школа в Амазонии будут продолжать воспроизводить колониальную логику исключения, а не служить инструментом культурного возрождения и социальной справедливости.

Список литературы / Bibliography

1. Asamblea Nacional. Ley Orgánica de Educación Intercultural. Segundo suplemento, № 417, 31 de Marzo. Registro Oficial Órgano del Gobierno del Ecuador. 2011.
2. Cabrero, F. (coord.) Ciudadanía intercultural. Aportes desde la participación política de los pueblos indígenas en Latinoamérica. PNUD. 2013.
3. Castillo, R., Andrade, J. Pobreza en Ecuador, perfiles y factores asociados 2006–2014, capítulo 3. En Instituto Nacional de Estadísticas y Censos (INEC) 2016. Reporte de pobreza por consumo Ecuador 2006–2014. // URL: https://www.ecuadorencifras.gob.ec.
4. González Díez, J., Brito Román, J.C., Gámez Ceruelo, V. . Educación para la ciudadanía intercultural en Ecuador: Historia, límites y retos para el futuro. Nullius. 2022. № 3 (1). P. 1-23.
5. Granda Merchán, J. S. Transformaciones de la educación comunitaria en los Andes ecuatorianos. Sophia: Colección de Filosofía de la Educación, 2018. № 24 (1). P. 291-311.
6. Gutiérrez R., López E., Llambí L., May T., Ramírez A. and TocancipáFalla, J. Higher education and indigenous nationalities: challenges for inclusion in the Ecuadorian Amazonian region. Creative Education. 2015. № 6. P. 847-854.
7. Häkkinen, A., Minoia, P., Sirén, A. Cultures, environment and development in the transition zone between the Andes and the Amazon of Ecuador. Field Trip 2015 Department of Geosciences and Geography C 12. Department of Geosciences and Geography, University of Helsinki. 2016.
8. Hohenthal, J., Minoia, P. Territorial and mobility justice for Indigenous youth: accessing education in Ecuadorian Amazonia. Mobilities. 2022. № 17 (6). P. 850-866. // URL: https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1987154.
9. Kerr J. and Andreotti V. Recognizing more-than-human relations in social justice research. Gesturing towards decolonial

possibilities. Issues in Teacher Education. 2018. № 27 (2). P. 53-67.

10. Lang M. Erradicar la pobreza o empobrecer las alternativas? Ediciones Abya-Yala. 2017.

11. Martínez Novo, C. Managing diversity in postneoliberal Ecuador. The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology. 2014. № 19 (1). P.103-125.

12. Martínez Novo, C. Ventriloquism, racism and the politics of decoloniality in Ecuador. Cultural Studies, 2018. № 32 (3). P. 389-413.

13. Méndez Torres, G. Miradas de género de las mujeres indígenas en Ecuador, Colombia y México. En Andrea Pequeño (comp.), Participación y políticas de mujeres indígenas en contextos latinoamericanos recientes FLACSO. 2009. P. 53-71.

14. Ministerio de Educación. Lineamientos Pedagógicos para la implementación del MOSEIB. Acuerdo ministerial. 2017. P. 13-440.

15. Minoia Paola and Tapia Andrés Public Education Policies and the Struggle of the Indigenous Movement for a Decolonial Interculturality// Plurinationality and epistemic justice. The challenges of intercultural education in Ecuadorian Amazonia EADI Global Development Series. Palgrave Macmillan. 2024. P. 41-68.

16. Perreault T. Changing places: transnational networks, ethnic politics, and community development in the Ecuadorian Amazon// Political Geography. 2003. № 22 (1). P. 61-88.

17. Primicias.ec. La primera universidad pública del Ecuador se creó en 1786. 2022, November 7. // URL: http://bit.ly/3J4V0Wt.

18. Rodríguez M. Capítulo 3, La doble demanda: tierra y plurinacionalidad. La educación intercultural bilingüe como proyecto político de la CONAIE (1988–2006)// En Educación intercultural bilingüe, interculturalidad y plurinacionalidad en el Ecuador. Luchas y experiencias del movimiento indígena: desde Dolores Cacuango hasta la Revolución Ciudadana (Vol. 1). Abya Yala- Fundación Pueblo Unido del Ecuador - Fortalecimiento del Sistema de Educación Intercultural Bilingüe- Ministerio de Educación. 2018.

19. Ruiz, L.Amazonía ecuatoriana, escenario y actores del 2000. EcoCiencia, Comité Ecuatoriano de la Unión Internacional para la Conservación de la Naturaleza. 2000.

20. Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo (SENPLADES). Plan Nacional para el Buen Vivir 2009–2013. Construyendo un Estado Plurinacional e Intercultural. 2009. // URL: https://bit.ly/3T5q4d4.

21. Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo (SENPLADES). Plan Nacional para el Buen Vivir 2017–2021. Planificamos para toda una vida. 2017. // URL: https://bit.ly/3mF76Ou

22. Universidad Estatal Amazónica (UEA). (2022). Estatuto. // URL: https://www.uea. edu.ec/.

23. Walsh C. Interculturalidad y (de)colonialidad, perspectivas críticas y políticas. Visão Global, Joaçaba. 2012. № 15 (1–2). P. 61–-74.

24. Wilson J., Bayón M. La selva de los elefantes blancos. Megaproyectos y extractivismos en la Amazonía ecuatoriana. Ediciones Abya-Yala. 2017.

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Китайская символика золотых кирпичей: от древних традиций к геополитике многополярного мира

В политике метафора служит мощным инструментом для упрощения сложных концепций, формирования общественного мнения и оправдания политических курсов[1]. Этот языковой механизм переносит название с одного хорошо известного объекта на другой, более сложный, чтобы выявить их общий признак и создать яркий, запоминающийся образ. Политическая метафора служит не просто украшением речи, а выполняет несколько основных функций[2].

– упрощение сложного, переводя абстрактные политические и экономические процессы на язык повседневных образов, например, сравнение экономики с «мотором», который можно «запустить»;

– эмоциональное воздействие, вызывая у аудитории сильные эмоции, такие как страх, гордость, гнев, чтобы повлиять на восприятие;

– манипуляция сознанием, формируя упрощенное, часто однобокое, восприятие политических оппонентов или международных событий, частности, создание образа «врага»;

– мобилизация электората, объединяя людей вокруг общей идеи или лидера, используя образы пути («долгая дорога») или совместного строительства («кирпич за кирпичом»).

Исследователи выделяют различные типы общественно-политических метафор в зависимости от той сферы, из которой черпаются образы. В риторике часто встречаются следующие виды метафор: военная, срав-

1 *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». 2004.

2 *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая метафорология: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008; *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации: монография. 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012; *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004; Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990.

нивает политику с боевыми действиями («бомбардировать избирателей пустыми обещаниями»); пути, акцентирующая внимание на движении к цели, отмечающая направление развития («дорога к коммунизму»); техническая, отражающая суть процесса, напоминающего действие механизма («мотор экономики», «локомотив европейской интеграции»); соматическая, обращенная к образам человеческого тела («сердце Родины»); катаклическая, мобилизующая силу стихийных бедствий и разрушений («глобальный тектонический разлом», «буря в пустыне»); экологическая, воодушевленная природными факторами («цветущая сложность мира»); ткачества, передающая идеи создания, структуры, соединения, а иногда и запутанности или разрыва («паутина лжи», «коррупция разъедает саму ткань нашего государства»); строительная («краеугольный камень государства»).

В сфере международных отношений метафоры часто используются для описания глобального устройства, отношений между государствами и военных стратегий. Многие из них стали частью исторического наследия и политического лексикона. Так, одна из самых известных метафор XX в. «железный занавес» (англ. Iron Curtain) символизировала идеологический и политический барьер, отделявший СССР и бывшие страны социализма от Западной Европы. По аналогии с «железным занавесом» термин «бамбуковый занавес» использовался для описания международной изоляции Китайской Народной Республики в определенный исторический период. «Ось зла» была метафорой, использованной американским США Джорджем Бушем-мл. для обозначения стран, обвиненных в поддержке терроризма (Иран, Ирак, КНДР). Она создает образ глобальной силы абсолютного зла, угрожающей свободному миру. Популярная во времена холодной войны геополитическая метафора «теория домино» описывала стратегию сдерживания, согласно которой падение одного государства под натиском коммунизма неминуемо приведёт к падению соседних стран, как костяшек домино. Метафора «санитарный кордон» обозначала создание буферной зоны из ряда государств для изоляции потенциально опасной страны[3].

Политические метафоры, представляя собой заостренный инструмент политической риторики, выступают очень мощным оружием в информационной войне. Они позволяют мгновенно донести до публики сложную идею, затронуть самые глубинные эмоции и сформировать нужное

3 *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.

восприятие события. Понимание их природы и механизмов воздействия помогает людям быть более осознанными и критичными потребителями информации.

Строительная метафора в политическом дискурсе выполняет несколько функций: во-первых, конкретизации абстрактных целей посредством изложения сути сложных экономических и политических процессов в понятных образах строительства; во-вторых, формированию позитивных коннотаций благодаря тому, что строительство ассоциируется с созиданием, прогрессом и будущим; в-третьих, мобилизации коллективных усилий на базе представлений о том, что все участники являются «строителями» общего проекта[4]. В каждой культуре эта метафора окрашивается в тона, передающие национальный колорит и опыт зодчества. Например, в китайской политической культуре такая метафора обладает особой семантикой, связанной с концепцией «построения будущего» и коллективного строительства. Китайская мудрость, в целом, представляется как незаменимый для жизни «строительный материал».

Удивительно, но всю историю человечества легко образно представить, обратившись к такому частному аспекту строительной метафоры, как кирпич[5]. Для начала необходимо проследить путь возникновения этого строительного материала. На место его появления указывает корень слова – -кирп(и). Он находится в тюркских языках, где означает «шип, колючка». Первые кирпичи появились в эпоху неолита на территории современного Ближнего Востока. То были сырцовые (необожженные) кирпичи, изготовленные из глины и высушенные на солнце. Около семи тысяч лет назад археологи обнаружили древнейшие кирпичи в Палестине, вблизи Иерихона, считающегося одним из самых древних городов в мир, что подтверждает раннее использование этого материала в строительстве.

В III тысячелетии до н. э. в Древнем Египте и Месопотамии начали применять технологию обжига кирпича в печах. Это значительно повысило его прочность и долговечность, поскольку раньше использовались только сырые, т.е. необожженные кирпичи. Кирпичи широ-

4 *Бородулина Н.Ю., Мордовина Т.В.* Концепт дом как архетип осмысления картины мира // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Ч. 2. С. 481-490; *Тлеубай Б.Д.* Метафора строительства в политическом дискурсе // Молодой ученый. 2022. № 9 (404). С. 222-226. [Электронный ресурс]. // URL: https://moluch.ru/archive/404/89210/; *Чжан Тинтин.* Построение будущего: метафора строительства в политическом дискурсе М.С. Горбачева // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 108-115; *Шипицына Г.М.* Метафоры строительства и движения в коммунистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 59-63; *Шутова Е.В.* Архетипы «дом» и «бездомье» и их объективация в духовной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011.

5 *Данилова Л.И.* О глине, и не только о ней // Камень, глина и фантазия. – М.: Просвещение, 1991. С. 137-160.

ко применялись для строительства жилых домов, храмов, гробниц и других сооружений в Месопотамии и Древним Риме, где технология производства кирпича была значительно усовершенствована. В Древней Греции и Византии распространилась форма кирпича, известная как плинфа (от греч. plinthos – кирпич), которая стала характерной для архитектуры этих регионов. Из Византии эта техника пришла на Русь, где в X в. началось собственное производство плинфы. До начала XIX в. кирпич-сырец формовали вручную. Сушили заготовки только летом, а зимой обжигали в печах.

В традиционной китайской архитектуре кирпич имел особое значение. Китайские строители экспериментировали с размерами и формами строительной керамики с большей фантазией, чем западные производители. Кирпичное строительство в Китае развивалось с периода Борющихся царств (475 – 221 до н.э.). К эпохе династий Суй (581 – 618) и Тан (618 – 907) эти изделия стали традиционным элементом архитектуры. Таким образом, кирпич прошел путь от простого сырца до высокотехнологичного строительного материала, оставаясь одной из самых важных составляющих строительства и запоминающихся деталей архитектуры.

Отсюда понятно, почему исключительно богаты мифологические традиции, связанные с кирпичами. Можно выделить три основных аспекта проявления символизма кирпича в мировой культуре:

– основа и прочность, когда кирпичи символизируют надежность, долговечность и стабильность;

– возникновение цивилизации, зафиксированное в мифах, где кирпич часто ассоциируется с переходом от примитивного к цивилизованному образу жизни;

– коллективный труд, проявляющийся в том, что кирпичная кладка требует координации усилий, олицетворяя сотрудничество.

В Библии (Быт. 11:1–9) упоминается изготовление и обжиг кирпичей: «И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней». Этот фрагмент связан с мифом о Вавилонской башне, где кирпичи символизировали человеческое стремление к величию. Археологи находят связи истории о Вавилонской башне с традицией строительства в Древней Месопотамии зиккуратов[6]. В христианской агиографии символическое изображение кирпича связано со Спиридоном Тримифунтским (около 270 – 348), который на первом Ни-

6 *Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флиттнер Н.* Очерки по истории техники Древнего Востока / Под. ред. акад. Струве В.В. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 34.

кейском соборе (325), созванным императором Константином I, для демонстрации единосущности Бога Сына с Богом отцом взял кирпич и всей душой обратился к Богу, воскликнув: «Три стихии, три лица Троицы – а божество едино!» Произошло чудо: из кирпича вверх изверглось пламя, а вниз потекла вода. В руках у Спиридона остался обычный кусок глины, из которой и изготавливались кирпичи и что служила олицетворением Земли, а для создания кирпича подвергалась воздействию огня и воды, объединяя все три стихии.

В Китае существуют предания о точных расчетах количества кирпича, необходимого при строительстве. Одно из них повествует о ремесленнике И Кайчжане, который точно подсчитал, что для строительства перевала Цзяюй (Цзяюгуань), первой пограничной крепости на западной оконечности Великой Китайской стены периода династии Мин (1368 – 1644 (1662)), потребуется 99 999 кирпичей. Когда после завершения строительства нашли «лишний» кирпич, мастер объяснил, что он был добавлен богом для прочности всей конструкции. Этот кирпич до сих пор находится на башне ворот перевала. Великая Китайская стена также связана с мифологией кирпичей. Имеются легенды о том, что в стену были замурованы тела погибших строителей, а связующий раствор замешивался на рисовой муке. Исследования опровергли версию о захоронениях в стене. Но предание отразило представления о кирпиче как материале, способном «поглощать» человеческие жертвы ради создания монументальных сооружений, что соответствовало мифологическим утверждениям значимости живой жертвы для успеха любого строительства.

Неудивительно, что в Китае такое преломление строительной метафоры получило особое развитие и культурную адаптацию. Китайская политическая культура исторически опирается на метафоры, связанные с гармоничным строительством. В концепции «китайской модернизации» строительная метафора приобретает особое звучание как не разрушение древней цивилизации, а ее наследование и обновление. Китайская цивилизация 3.0, как ее называют современные теоретики, представляет собой «творческое исследование пути развития человеческой цивилизации в целом».

Китайское наименование БРИКС как «золотых кирпичей» (金砖国家, «цзиньчжуань гоцзя») искусно развивает проявление строительной метафоры в политическом дискурсе. Известно, что в 2001 г. акроним БРИК создавался с прямой отсылкой к строительной метафоре эконо-

мистом Джимом О'Нилом из банка Goldman Sachs. Он его применил в аналитической записке Building Better Global Economic BRICs («Строим лучшую мировую экономику»), где сознательно использовал созвучие с английским словом «brick» (кирпич), подчеркнув, что именно за счет роста государств, из первых букв названий которых составлен термин (Бразилия, Россия, Индия, Китай) во многом будет выстраиваться мировая экономика.

Каждое государство, входящее в это объединение, буквально по кирпичику стало вносить в него наработки, включавшие не только их экономический или политический опыт, но и собственное духовное богатство. Поскольку китайская письменность основана не на буквах, а на слогах-иероглифах, то в китайском языке невозможно было использовать аббревиатуру BRIC. Первоначально объединение в китайском языке все же называлось просто «кирпичом», но вскоре было сконструировано новое обозначение, сохранившее смысл английского слова «brick». После стабилизации экономик стран-участников объединения от последствий международного финансового кризиса 2007 – 2008 гг., а также с развитием самого формата он стал уже именоваться «золотыми кирпичами» или «странами золотых кирпичей».

Эта модель трансформации строительной метафоры чрезвычайно символична. «Золотые кирпичи» в китайском контексте указывают на оптимизм относительно огромного потенциала и блестящего будущего объединения. Золото в китайской культуре традиционно символизирует не только материальное богатство, но и духовную ценность, постоянство и благородство. Золотой цвет занимает особое место в китайских традициях и ассоциируется с множеством положительных значений. Прежде всего, это – цвет власти и принадлежности к знати. В Древнем Китае желтый и золотой цвета были исключительной привилегией императоров. Желтый император Хуан-ди является легендарной фигурой китайской мифологии и истории[7]. Согласно преданиям, Хуан-ди жил около пяти тысяч лет назад. Он считается основоположником китайской цивилизации. Его имя связывается с развитием медицины, астрономии, изобретением календаря, многими другими аспектами культуры и науки Древнего Китая. Но исторические свидетельства о нем крайне скудны, а большинство сведений носит мифологический характер. Золотые элементы часто используются в праздничном декоре, особенно во время китайского Но-

7 *Мартыненко Н.П.* Легендарный первопредок китайской нации и первый правитель: к вопросу о первоистоках концепта Хуан-ди // PolitBook. 2015. № 4. С. 154-165.

вого года, для привлечения удачи и счастья. Так как золото не подвержено коррозии оно символизирует долговечность и неизменность, что применительно к формату БРИКС подчеркивает его устойчивость

Особую наглядность китайскому варианту названия БРИКС придает существующая многовековая традиция изготовления настоящих «золотых кирпичей». В китайской строительной традиции известен тип керамических плиток золотистого цвета, применявшихся для мощения полов в императорских дворцах. Они были так названы по двум причинам: во-первых, из-за металлического звона, появлявшегося при постукивании; во-вторых, из-за высокой стоимости вследствие чрезвычайной трудоемкости и требований соблюдения строгих технологических норм. Для производства годилась только высококачественная глина из Сучжоу, известная своими идеальными характеристиками; процесс обжига длился более 130 дней и включал четыре этапа с разными видами топлива; на изготовление одного «золотого кирпича» тратились деньги, эквивалентные стоимости ста литров риса; готовые кирпичи полировались и иногда пропитывались нефтью для получения золотистого цвета.

Адаптация наименования объединения БРИКС к китайской ментальности служит блестящим примером нахождения глубокого цивилизационного смысла, объединяющего: метафору строительства как созидательного процесса; мифологические представления о кирпиче как основе цивилизации; древние традиции императорской архитектуры; символику золота как знака процветания и власти. Данное прочтение подчеркивает именно китайское видение БРИКС не просто как экономического союза, а как части фундамента нового мирового порядка, построенного из «золотых кирпичей» развивающихся экономик. Эта метафора особенно актуальна в контексте китайской инициативы «Пояс и путь», где также используется символика золотых кирпичей для обозначения совместного строительства будущего[8].

Применительно к БРИКС, китайская интерпретация «золотых кирпичей» отражает представление о том, что объединение способствует построению нового типа международных отношений и новой формы цивилизации. В современном политическом дискурсе БРИКС строительная метафора расширилась до концепции «архитектуры многополярного мира»[9]. Эта метафора позволяет представить международную

8 *Кун Фаньи*. Культурные конфликты и пути достижения межкультурной идентичности в рамках китайской инициативы «Пояс и путь» // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 5. (№ 40). С. 190-200.

9 *Дзюба Е.В., Еремина С.А.* «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 77-87.

систему как сложное архитектурное сооружение, где БРИКС выполняет роль несущей конструкции. В китайском понимании «золотые кирпичи» БРИКС символизируют цивилизационную мудрость. Председатель КНР Си Цзиньпин часто использует строительные метафоры в контексте БРИКС, подчеркивая, что сотрудничество строится «кирпичик за кирпичиком», вводя в оборот китайскую философию постепенного, планомерного строительства, основанного на прочном фундаменте взаимного доверия и общих ценностей. В отличие от западных моделей быстрых изменений, китайский подход к БРИКС представляет собой долгосрочное цивилизационное строительство.

Дефиниция «золотые кирпичи» транслирует китайское видение БРИКС как основополагающего элемента в строительстве нового мирового порядка, где каждая страна-участница является ценным «золотым кирпичом» в общей архитектуре многополярного мира. Строительная метафора в китайском политическом дискурсе о БРИКС служит мощным инструментом не только для описания текущего состояния объединения, но и для формирования видения его будущего как устойчивой, гармоничной и процветающей структуры международного сотрудничества[10].

В докладе аналитического центра Синьхуа «Теория развития цивилизаций – взгляд на формирование новой концепции цивилизаций, в основе которой лежит развитие», обнародованном в рамках международного академического симпозиума, проходившего в городе Гуанчжоу осенью 2025 г., говорится, что мир настоятельно требует появления новой формы цивилизации, поскольку парадигма цивилизационного развития, сформированная со времен Промышленной революции, не способна удовлетворить новые требования к выживанию и развитию человечества в XXI в. Китайский взгляд на цивилизации представляет собой «системное преодоление западной парадигмы модернизации»[11].

Теория развития цивилизаций, предлагаемая китайскими экспертами, основывается на праве на развитие и опирается на практику китайской модернизации. Китай завершил столетний процесс западной индустриализации всего за несколько десятилетий, а масштаб его цифровой экономики вышел на второе место в мире, что является убедительным

10 *Го Цзюнье*. Современные подходы к построению нового мирового порядка // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 139-147; *Чжао Яо*. Стратегическое партнерство России и Китая как «вызов мировому порядку» // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 161-166; *Чэнь Юнь*. Китайская дипломатия стратегического партнерства в эпоху глобализации // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 180-188.

11 *Ремчуков К*. В КНР создали концепцию цивилизации, нацеленную на преодоление западного образца модернизации // Независимая газета. 2025. 1 октября.

свидетельством способности развивающихся стран совершить «обгон на повороте» за счет использования «преимуществ догоняющего развития». В докладе аналитического центра Синьхуа подчеркивается, что теория является реконструктивной силой в глобальном цивилизационном порядке. Заменяя гегемонистскую логику сотрудничеством в области права на развитие, она способствует переходу международного порядка от «игр с нулевой суммой» к «симбиотическому взаимному выигрышу «через практики в рамках инициатив "Пояс и путь"», по глобальной безопасности, глобальному развитию, глобальной цивилизации, глобальному управлению и др.

Список литературы:

1. Бородулина Н.Ю., Мордовина Т.В. Концепт дом как архетип осмысления картины мира // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Ч. 2. С. 481-490.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. 248 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 248 с.
4. Го Цзюнье. Современные подходы к построению нового мирового порядка // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 139-147.
5. Данилова Л.И. О глине, и не только о ней // Камень, глина и фантазия. М.: Просвещение, 1991. С. 137-160.
6. Дзюба Е.В., Еремина С.А. «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 77-87.
7. Кун Фаньи. Культурные конфликты и пути достижения межкультурной идентичности в рамках китайской инициативы «Пояс и путь» // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 5. (№ 40). С. 190-200.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флиттнер Н. Очерки по истории техники Древнего Востока / Под. ред. акад. Струве В.В. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 34. 352 с.
10. Мартыненко Н.П. Легендарный первопредок китайской нации и первый правитель: к вопросу о первоистоках концепта Хуан-ди // PolitBook. 2015. № 4. С. 154-165.
11. Ремчуков К. В КНР создали концепцию цивилизации, нацеленную на преодоление западного образца модернизации // Независимая газета. 2025. 1 октября.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
13. Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
14. Тлеубай Б.Д. Метафора строительства в политическом дискурсе // Молодой ученый. 2022. № 9 (404). С. 222-226. // URL: https://moluch.ru/archive/404/89210/.
15. Чжан Тинтин. Построение будущего: метафора строительства в политическом дискурсе М.С. Горбачева // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 108-115.
16. Чжао Яо. Стратегическое партнерство России и Китая как «вызов мировому порядку» // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 161-166.
17. Чэнь Юнь. Китайская дипломатия стратегического партнерства в эпоху глобализации // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 180-188.
18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. 326 с.
19. Шипицына Г.М. Метафоры строительства и движения в коммунистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 59-63.
20. Шутова Е.В. Архетипы «дом» и «бездомье» и их объективация в духовной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 26 с.

Bibliography

1. Borodulina N.Yu., Mordovina T.V. The concept of "home" as an archetype for interpreting the worldview // Prepodavatel XXI vek [Teacher of the 21st Century]. 2022. № 4. Part 2. P. 481-490.
2. Budaev E.V., Chudinov A.P. Foreign Political Metaphorology: A Monograph / Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2008. 248 p.
3. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metaphor in Political Communication: A Monograph. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Flinta, 2012. 248 p.

4. Guo Junye. Modern approaches to constructing a new world order // Kultura mira [Culture of Peace]. 2024. Vol. 12. Issue 7 (№ 42). P. 139-147.
5. Danilova L.I. About clay, and not only about it // Stone, clay and fantasy. Moscow: Prosveshcheniye, 1991. P. 137-160.
6. Dzyuba E.V., Eremina S.A. "The architecture of a multipolar world": a construction metaphor in the representation of the political image of the world // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2023. № 6 (102). P. 77-87.
7. Kong Fanyi. Cultural conflicts and ways to achieve intercultural identity within the framework of the Chinese "Belt and Road" initiative // Kultura mira [Culture of Peace]. 2024. Vol. 12. Issue 5 (№ 40). P. 190-200.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. Lurye I., Lyapunova K., Matie M., Piotrovsky B., Flittner N. Essays on the history of technology of the Ancient East / Ed. by Academician V.V. Struve. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1940. P. 34. 352 p.
9. Martynenko N.P. The legendary ancestor of the Chinese nation and the first ruler: on the origins of the concept of Huangdi // PolitBook. 2015. № 4. P. 154-165.
10. Remchukov K. In the PRC, they created a concept of civilization aimed at overcoming the Western model of modernization // Nezavisimaya Gazeta. 2025. October 1.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
12. Theory of metaphor: collection / edited by. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow: Progress, 1990. 512 p.
13. Tleubay B.D. Metaphor of construction in political discourse // Young scientist. 2022. № 9 (404). P. 222–226. // URL: https://moluch.ru/archive/404/89210/.
14. Zhang Tingting. Building the future: the construction metaphor in M.S. Gorbachev // Political linguistics. 2021. № 5 (89). P. 108-115.
15. Zhao Yao. Strategic partnership between Russia and China as a "challenge to the world order" // Culture of the world. 2024. Vol. 12. Issue 7 (№ 42). P. 161-166.
16. Chen Yun. Chinese Strategic Partnership Diplomacy in the Era of Globalization // Culture of world. 2024. Vol. 12. Issue 7 (№ 42). P. 180–188.
17. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse. – Moscow: ITDGK "Gnozis", 2004. 326 p.
18. Shipitsyna G.M. Metaphors of Construction and Movement in Communist Discourse // Political Linguistics. 2011. № 2. P. 59-63.
19. Shipitsyna G.M. Metaphors of construction and movement in communist discourse // Political Linguistics. 2011. № 2. P. 59–63.
20. Shutova E.V. Archetypes of "home" and "homelessness" and their objectification in spiritual culture: Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation. Omsk, 2011. 26 p.

РЕЦЕНЗИЯ

Томский государственный университет

Кемеровский государственный медицинский университет

Востриков К.В.

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков. Заполярного государственного университета имени Н.М. Федоровского, г. Норильск.

Бирюков С.В.

Доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск. Профессор кафедры политологии, Томский государственный университет, г. Томск. Профессор кафедры истории, Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово.

Рецензия на учебное пособие

Рябовой Е.Л., Щупленкова Н.О. «Политика Китая в отношении национальных территорий. Книга 1. Реализация «Великого возрождения китайской нации китайской диаспорой за рубежом»»

Учебное пособие, указанных авторов «**Политика Китая в отношении национальных территорий. Книга 1. Реализация «Великого возрождения китайской нации китайской диаспорой за рубежом».** Посвящена актуальным вопросам китайской политики по отношениям к национальным территориям, связанная с возрождением китайской нации и китайской диаспорой. Рассмотрение данной проблемы вызывает большой интерес специалистов в изучении Китая.

В первом разделе «Феномен китайской эмиграции» авторы рассматривают терминологию «китайские мигранты» и «миграционные процессы». Как справедливо отмечают авторы под китайскими эмигрантами следует понимать абсолютно любых переселенцев из Китая ханьской национальной принадлежности, то есть представителей титульной китайской национальности, насчитывающей свыше 90% населения КНР. Приводится справочная информация, о наличии в разных регионах Азии «хуацяо». Нужно отметить, что авторы справедливо излагают причины китайской миграции за границу, изучая историю страны, когда Китай переживал с середины XIX и по середину XX века страшные потрясения, связанные с опиумными войнами, политической

нестабильностью, гражданскими войнами и оккупации Японией. Также авторы рассматривают и анализируют несколько волн китайской миграции, которые продолжились и после 1948 года и иллюстрируют численность «хуацяо» за рубежом. Рассматривается правовой статус китайских мигрантов в КНР от недоверия к прагматическому подходу начиная с времен руководства страной Дэн Сяопином в связи с проводимой им политики модернизации Китая, где «хуацяо» отводилась немаловажная роль. В рамках данного вопроса авторы рассматривают огромный клад китайский диаспор за рубежом в китайскую экономику. Особое значение авторы учебного пособия придают австралийскому вектору китайской миграции, поскольку исторически сложилось, что австралийский континент привлекал иностранцев, которые имели большие возможности для обогащения. Авторы анализируют особое внимание китайского руководства к Юго-Восточному региону с геополитической точки зрения, поэтому роль «хуацяо» становится все более значимой с социально-экономической и политической точек зрения.

Во втором разделе «**Китайские мигранты в контексте системы национального имиджа»** авторы учебного пособия подчеркивают имиджевые приобретения в связи с привлечением китайских диаспор за рубежом. Прежде всего данный вопрос рассматривается с точки зрения глобальных технологических и информационных процессов, из который Китай стремится извлечь пользу. Используя свои ресурсы и возможности Китай участвует в гуманитарных миссиях под эгидами различных международных организаций. Показано как китайское руководство предпринимало усилия пор снижению (не без успеха) негативного образа Китая в глазах граждан западных стран. Особая роль, по мнению авторов сегодня отводится социальным сетям, которые выступили как объединительная сила не только для решения проблем китайских диаспор за рубежом, но и внутри самого Китая. При этом как отмечают авторы учебного пособия китайские власти формируют институционально-правовые основы для противодействия «трём силам зла», которые связаны с терроризмом. Была создана централизованная система противодействия религиозному экстремизму и террористическому сепаратизму.

Раздел третий учебное пособия отдельно рассматривает «**Особенности реализации модели «Одна страна, две системы» на примере взаимоотношений Китая и Гонконга».** Естественным образом анализу подвергается история экономических отношений Китая и Гонконга. Рассматриваются исторические процессы, посредством которого Гонконг был превращен в британский форпост против остального Китая и других стран Юго-Восточной Азии. Важным аспектом рассмотрения Гонконга стал анализ экономического подъема анкла-

ва, который приобрел славу крупнейшего финансово экономического игрока на азиатском континенте. В данном ключе авторы учебного пособия не обошли вниманием процессы подготовки интеграции Гонконга и Китая по принципу «одна страна-две системы» к концу XX века. Чтобы интегрировать две системы в одну, как справедливо отмечают авторы, необходимо проанализировать экономические взаимоотношения между Гонконгом и Китаем, что было вполне успешным в рамках развития отдельных экономических районов. Тем не менее экономики Гонконга и материкового Китая остаются совершенно разными по масштабу и сильно различаются по наличию экономических свобод. Гонконг сформировал эффективную институциональную систему и стал важнейшим торгово-транспортным узлом Южного Китая. Однако постепенно экономика Гонконга стала зависеть от экономики Китая. И причина в этом, по нению авторов, в разразившемся экономическом кризисе. Тем не менее Гонконг остается важнейшим центров мировых экономических процессов.

Таким образом учебное пособие Рябовой Е.Л., Щупленкова Н.О. отразило основные вехи политики Китая по отношению к национальным территориям и будет полезна для изучения не только студентам, но и специалистам в сфере политических отношений.

Аннотации

Кадаев А.Г.
Пономаренко Б.Т.

Формирование системной адаптации управления талантами на малых предприятиях

В условиях кадрового дефицита, охватившего 85% российских работодателей, малые и средние предприятия (МСП) вынуждены прибегать к адаптации управления персоналом с учетом ресурсных и рыночных ограничений. В статье на основе системного анализа методологических подходов (ресурсная теория, теории мотивации) и эмпирических исследований выявлены проблемы управления талантами в бизнесе и предпринимательстве. Речь о неформальности HR-процессов, неразвитости бренда работодателей, ограниченности бюджета, институциональной нестабильности. Обоснована эффективность малозатратных практик (наставничество, цифровизация, развитие HR-бренда) как инструментов институционализации. Предложена дорожная карта поэтапного формирования системы адаптации управления талантами, учитывающей ограниченность ресурсов развития предпринимательства.

Ключевые слова: управление талантами, малое предприятие, HR-практики, ресурсные ограничения, HR-бренд, наставничество, цифровизация HR, нематериальная мотивация, человеческий капитал.

Будаева Д.Ц.

Политико-управленческая модель интеграции инокультурных иммигрантов в местное сообщество в условиях публичного управления

Статья посвящена управленческим аспектам инкорпорирования инокультурных иммигрантов в местное сообщество в контексте публичной власти.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым миграционным потоком в Российскую Федерацию и объективной потребностью во включении мигрантов в принимающий социум, которая вступает в противоречие с существующей нормативно-правовой базой, фактически выводящей интеграционную проблематику из ведения федеральных органов власти и перекладывающей ответственность на муниципальные образования.

Предложенная управленческая модель, основанная на функцио-

нально-субъектном принципе и сочетающая интеграционные и контрольно-предупредительные направления, позволяет муниципалитетам оценивать динамику интеграционных процессов и оперативно корректировать управленческие стратегии.

Ключевые слова: публичное управление, адаптация и интеграция мигрантов, инкорпорирование инокультурных иммигрантов, местное сообщество, индикаторы оценивания, муниципальное управление.

Петрова С.И.
Петров И.Ф.

Скрытые механизмы реальности: онтологическое измерение проблемы

В статье прослеживается концептуальный сдвиг в европейской философии XIX–XX веков. В результате которого проблема скрытого из эпистемологической плоскости (как вопрос о границах познания) переходит в онтологическую (как вопрос о бытийном статусе сокрытого и многослойной структуре реальности). Авторы реконструирует три ключевых поворота, через которые осуществляется эта онтологизация. Первый связан с кантовским понятием «вещи в себе» и его последующими трансформациями в немецком идеализме (И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель). Волюнтаризме А. Шопенгауэра. Феноменологии Э. Гуссерля. А также в современных дискуссиях между научным реализмом и антиреализмом. Второй поворот представлен концепциями стратифицированной онтологии Н. Гартмана (с его учением о четырех слоях бытия) и фундаментальной онтологией М. Хайдеггера. Где скрытое мыслится как структурный момент самого бытия (разворачивающийся в игре алетейи и сокрытия). Третий поворот реализуется в структурализме (Ф. Соссюр, К. Леви-Стросс, Ж. Лакан) и постструктурализме (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез). Где скрытое десубстанциализируется и предстает как анонимная имманентная структура организующая реальность изнутри. Делается вывод о том, что названные три линии образуют единое проблемное поле современной онтологии скрытого. В нем сокрытие выступает не дефектом познания, а сущностной характеристикой самого бытия.

Ключевые слова: онтология скрытого, вещь в себе, ноумен, алетейя, эпистема, И. Кант, Н. Гартман, М. Хайдеггер, структурализм, постструктурализм.

Хитарова И.Ю.
Одинцова Ю.В.
Рипачева Е.А.
Кораблева С.А.
Николаева Е.А.

Формирование языковых компетенций студентов технических вузов: проблемы и практические решения

Рассматривается проблема низкого уровня языковой подготовки студентов инженерных направлений. Приводятся данные анализа письменных работ, типичные ошибки (подмена терминов бытовой лексикой, нарушение логических связей). Описан эксперимент с комплексом профессионально-ориентированных упражнений, показавший рост терминологической точности и связности текстов. Сформулированы рекомендации для преподавателей технических вузов.

Ключевые слова: языковая компетенция, культура речи инженера, терминология, логика текста, методика преподавания, редактирование, профессиональная коммуникация.

Гасанов Э.Г.
Хоконов А.А.

Цифровое государственно-частное партнёрство: модели институционального предпринимательства в платформенной среде

Классическая модель государственно-частного партнёрства (ГЧП), ориентированная на долгосрочные инвестиции в материальную инфраструктуру и формализованное распределение рисков, оказывается неадекватной для цифровой экономики, где платформы берут на себя функции контроля, идентификации и налогового администрирования без традиционных концессионных соглашений. В статье на основе анализа российских кейсов 2020–2025 годов (система маркировки «Честный знак», интеграция маркетплейсов с Федеральной налоговой службой, Единая биометрическая система) концептуализируется понятие цифрового государственно-частного партнёрства (ЦГЧП) и обосновывается его принципиальное отличие от классического ГЧП. В качестве аналитической рамки используется концепция институционального предпринимательства, на основе которой выделены четыре модели: регуляторный арбитраж (использование законодательных лакун с последующей легитимацией), платформенное делегирование (передача государственных функций частному оператору), комплаенс-интеграция (встраивание фи-

скальных инструментов в интерфейс платформы) и обратная нормативная инженерия (переход от экспериментальных правовых режимов к общеобязательным нормам). Предложено операциональное определение ЦГЧП как институционального режима, при котором частная платформа систематически замещает публично значимые функции, а государство попадает в асимметричную зависимость от её инфраструктуры, что запускает циклическую коадаптацию правил. Для эмпирической идентификации таких партнёрств разработаны три критерия: функциональное замещение, асимметричная институциональная зависимость и циклическая коадаптация норм. Полученные результаты указывают на необходимость реформирования законодательства о ГЧП или создания отдельного правового института для цифровых соглашений, а также на важность пересмотра теоретических подходов к анализу гибридных форм управления в платформенной экономике.

Ключевые слова: цифровое государственно-частное партнёрство (ЦГЧП), институциональное предпринимательство, платформенная экономика, цифровые платформы, регуляторный арбитраж, платформенное делегирование, комплаенс-интеграция, обратная нормативная инженерия, гибридное управление, экспериментальные правовые режимы.

Семикин Е.Д.

Динамическая инклюзивность и эффект переноса инфраструктурного конфликта: сравнительный анализ М-12 «Восток» во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги в Московской области

Статья посвящена устойчивости гражданского участия при корректировке крупных транспортно-инфраструктурных проектов. Цель - определить, почему учет требований одной группы не всегда завершает конфликт и когда изменение проекта требует повторного включения затронутых сообществ. На основе сравнительного документального process tracing М-12 «Восток» во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги в Московской области (ЮЛА) вводятся понятия динамической инклюзивности и эффекта переноса инфраструктурного конфликта, операционализированные через документальные признаки. В случае М-12 изменение трассировки, официально связанное с замечаниями жителей, сопровождалось возражениями на других территориях. По ЮЛА часть корректировок по просьбам жителей была реализо-

вана, однако на строительной стадии конфликт в Видном возобновился. Устойчивость согласования интересов определяется не только первоначальным участием, но и повторным картированием акторов, открытием каналов участия после существенных изменений и прослеживаемостью решений.

Ключевые слова: динамическая инклюзивность, инфраструктурный конфликт, гражданское участие, транспортная инфраструктура, перенос конфликта, локальные сообщества, process tracing, согласование интересов.

Шаровский Ю.Н.
Шевцова Е.В.

К вопросу формирования «портрета террориста» и разработке дополнительных мер противодействия идеологии терроризма в молодежной среде Новосибирской области

В данной статье рассматриваются причины роста случаев вовлечения молодежи в совершение преступлений террористической направленности на территории Российской Федерации на примере Новосибирской области. Рассмотрены и проанализированы исторические причины развития терроризма в России, а так же методы и способы вербовки молодых людей. Исследованы маршруты вовлечения молодых людей в совершение преступлений террористической направленности, а также вопросы адресной и индивидуальной профилактики молодых людей, попавших под влияние деструктивной идеологии. Констатируется, что современная ситуация требует пересмотра подходов к вопросу противодействия идеологии терроризма.

Ключевые слова: терроризм, вербовка, комплексный план, СВО, профилактика.

Погребняк Д.А.
Дианов С.А.

Геокультурный подход в инклюзивном брендинге территорий

В статье рассмотрены подходы инклюзивного и геокультурного брендинга к решению проблемы негативных установок восприятия инклюзивного образования в РФ. Приведены основания для использования геокультурного брендинга с учётом ценностно-культурной специфики проблемы. Представлены возможные инструменты геокультурного брендинга гипотетической территории, как инклюзивного пространства.

Ключевые слова: геокультурная политика, геокультурный брендинг, инклюзивный брендинг, политика брендинга, инклюзивная политика, инклюзивное образование, инклюзивная образовательная политика.

Каштанюк В.А.
Шелудько А.С.

Ценностный суверенитет и историческая память: что значит «быть собой» в эпоху слома миропорядка (на примере истории и культуры Дальнего Востока)

В статье рассматривается проблема формирования ценностного суверенитета как гуманитарной категории в условиях геополитической турбулентности. На материале истории и культуры российского Дальнего Востока (XVII–XX вв.) анализируются механизмы «этнокультурного врастания» русских переселенцев в регион, роль исторической памяти и традиционных ценностей в консолидации общества. Обосновывается тезис о Дальнем Востоке как метафоре российского пограничья, где вопросы сохранения идентичности становятся повседневной практикой. Автор приходит к выводу, что духовный суверенитет складывается из синтеза трёх культурных слоёв (автохтонного, православного, современного), а «дальневосточность» является фундаментом общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: ценностный суверенитет, историческая память, Дальний Восток, духовный суверенитет, этнокультурное врастание, дальневосточная идентичность, традиционные ценности.

Гаврилюк Н.П.
Дедиу Е.И.

Псевдо-оригиналы Сен-Дени: технология изготовления папируса и стратегии фальсификации в дипломатике раннего средневековья

В статье рассматривается взаимосвязь между технологией производства письменных материалов раннего Средневековья и практикой изготовления подложных документов на примере коллекции папирусов аббатства Сен-Дени. Прослеживается история использования папируса вплоть до его исчезновения из хозяйственного оборота Западной Европы, анализируются технология изготовления папирусного свитка, критерии качества материала и причины перехода от папируса к пергамену. Особое внимание уделяется процессу Сен-Дени середины XI века, в ходе которого монахи, отстаивая экземптный статус аббатства, изготовили серию

псевдо-оригиналов, используя в качестве носителя древние исписанные папирусы. На примере завещания Эрментруды и подложной буллы папы Захарии реконструируются стратегии фальсификации: сокрытие оригинального текста путём склеивания свитков, повторное использование носителя, имитация письма и знаков удостоверения. Показано, что материаловедческий подход к изучению документов существенно дополняет традиционную дипломатику и палеографию, позволяя раскрыть механику средневековой фальсификации.

Ключевые слова: папирус, пергамен, дипломатика, Сен-Дени, псевдо-оригиналы, фальсификация документов, меровингская эпоха, палеография, письменные материалы, завещание Эрментруды, экземпция, кодикология.

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

Волшебная гора: невозможность «давосской цивилизации»

Статья посвящена критическому анализу феномена «давосской цивилизации» – глобальной элитарной культуры, формируемой на встречах Всемирного экономического форума. Рассматривается концепция «давосского человека», введенная С. Хантингтоном, и показывается, что, несмотря на влияние этой группы, ее ценности не являются универсальными и вызывают сопротивление традиционных обществ. Проводится параллель между «давосской цивилизацией» и образом санатория в романе Т. Манна «Волшебная гора»: оба пространства представлены как изолированные анклавы, оторванные от реальной жизни, где интеллектуальные дискуссии и культ идей подменяют реальное действие. Анализируются кризисные явления в современной глобализации, политическая фрагментация Запада, рост протекционизма и национализма, а также кризис институтов глобального управления. Особое внимание уделено конкуренции между западной «давосской» моделью и альтернативными проектами, прежде всего «Пекинским консенсусом», а также внутренним противоречиям в БРИКС. Делается вывод о том, что кризис «давосской цивилизации» и трудности продвижения альтернативных моделей развития взаимосвязаны и отражают глубинные сдвиги в мировой системе.

Ключевые слова: давосская цивилизация, глобальная элита, Всемирный экономический форум, культурные идентичности, кризис глобализации, Пекинский консенсус, БРИКС, политическая фрагментация,

международные институты, элитарные сети, универсальные ценности, цивилизационные разрывы.

Бирюков С.В.
Востриков К.В.

Переговоры по мирному урегулированию ливано-израильского конфликта в контексте общего ливанского кризиса

Даная статья посвящена анализу переговорного процесса между Президентом Ливана Дж. Ауном и представителями Администрации Д. Трампа и европейскими чиновниками. Анализируется трехсторонний план по мирному урегулированию в Ливане, связанный с выводом израильских войск и разоружением группировки «Хезболла» и сами перспективы урегулирования ситуации внутри и вокруг Страны кедров. Используя факторный анализ и рассматривая «ливанский случай» с помощью метода case-study, авторы приходят в итоге к заключению о том, что совокупность ключевых факторов, определяющих современную ситуацию, не позволяют Ливану и его руководству рассчитывать на скорое урегулирование конфликта и преодоление внутриполитического кризиса.

Ключевые слова: трехсторонний план, Хезболла, военное перемирие, ситуация в Ливане, международный процесс.

Юдин В.И.
Большаков С.Н.

Государственная образовательная политика в отношении коренных народов Эквадора: декларации и реальность

Глобальный поиск моделей инклюзивного образования для малых коренных народов особое значение приобретает для культурно разнообразного региона Южной Америки. Актуальность подтверждается анализом латиноамериканского опыта, где конституционное признание многонациональности сопровождается сохранением евроцентристских образовательных стандартов. Статья актуальна в связи с необходимостью выявления противоречий между декларируемыми принципами межкультурности и реальной политикой, ведущей к маргинализации коренных общин, особенно в удалённых регионах Амазонии. Целью исследования является анализ разрывов между конституционно закреплёнными принципами многонациональности, межкультурного двуязычного образования (IBE) и практикой государственного управления в Эквадоре, оценке последствий модернизационной политики для доступа

коренных народов к качественному образованию. Метода исследования выступили синтез и анализ институциональных решений органов власти в части межкультурного образования, образовательной политики, разработки программных документов; кейс-стади образовательной политики в эквадорской Амазонии. Результаты исследования позволили выявить общее и частное в особенностях реализации, расхождения политической риторики и программных действий органов власти Эквадора в части инклюзивного образования для малых коренных народов.

Ключевые слова: малые коренные народы, образовательная политика, Эквадор, межкультурное двуязычное образование, многонациональное государство, деколониальная перспектива, социальное неравенство.

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

Китайская символика золотых кирпичей: от древних традиций к геополитике многополярного мира

Статья рассматривает строительную метафору как важный политический и культурный инструмент, используемый в международных отношениях, с особым акцентом на китайскую культурную и политическую специфику. В политическом дискурсе метафора кирпича символизирует надежность, долговечность, коллективный труд и цивилизационное развитие. Исторический путь кирпича как строительного материала прослеживается от неолита на Ближнем Востоке до традиций китайской архитектуры и мифологии. Особое внимание уделено китайской интерпретации строительной метафоры в контексте объединения БРИКС, где наименование стран-участниц как «золотых кирпичей» подчеркивает их роль фундамента нового мирового порядка. Анализируются культурные, исторические и политические аспекты использования метафоры, включая символику золота в китайской традиции и роль строительной метафоры в формировании образа устойчивого многополярного мира. Статья также освещает современные китайские концепции цивилизационного развития и сотрудничества, базирующиеся на традициях и философии постепенного, гармоничного строительства.

Ключевые слова: политическая метафора, строительная метафора, китайская символика, золотые кирпичи, БРИКС, международные отношения, многополярный мир, цивилизационное развитие, мифология

кирпича, китайская архитектура, глобальная политика, культурные традиции, символика золота, международное сотрудничество, политический дискурс.

Востриков К.В.
Бирюков С.В.

Рецензия на учебное пособие *Рябовой Е.Л., Щупленкова Н.О. «Политика Китая в отношении национальных территорий. Книга 1. Реализация «Великого возрождения китайской нации китайской диаспорой за рубежом»»*

Учебное пособие, указанных авторов посвящено актуальным вопросам китайской политики по отношениям к национальным территориям, связанная с возрождением китайской нации и китайской диаспорой. Рассмотрение данной проблемы вызывает большой интерес специалистов в изучении Китая.

Ключевые слова: КНР, актуальность, исследование, анализ, политика Китая, национальные территории, хань, национальность, национальная принадлежность.

Abstracts

Kadaev A.G.
Ponomarenko B.T.

Developing a systemic adaptation of talent management in small enterprises

In the context of a staffing shortage that affects 85% of Russian employers, small and medium-sized enterprises (SMEs) are forced to adapt their HR management practices to meet resource and market constraints. Based on a systematic analysis of methodological approaches (resource theory and motivation theories) and empirical research, the article identifies the challenges of talent management in business and entrepreneurship. These challenges include the informality of HR processes, the underdeveloped employer brand, limited budgets, and institutional instability. The effectiveness of low-cost practices (mentoring, digitalization, and HR brand development) as tools for institutionalization has been substantiated. A roadmap has been proposed for the gradual formation of a talent management adaptation system that takes into account the limited resources for entrepreneurship development.

Key words: talent management, small enterprise, HR practices, resource constraints, HR brand, mentoring, HR digitalization, non-monetary motivation, human capital.

Budaeva D.Ts.

A politico-administrative model for integrating immigrants from different cultural backgrounds into the local community within the framework of public administration

This article addresses the management aspects of incorporating immigrants from different cultural backgrounds into the local community within the context of public administration.

The study's relevance stems from the steady flow of migration into the Russian Federation and the objective need to integrate migrants into the host society—a need that conflicts with the existing legal and regulatory framework, which effectively removes integration issues from the purview of federal authorities and shifts responsibility onto municipalities.

The proposed management model, based on a functional-actor principle and combining integration efforts with monitoring and preventive measures, enables municipalities to assess the dynamics of integration processes and promptly adjust their management strategies.

Key words: public administration, migrant adaptation and integration, incorporation of immigrants from different cultural backgrounds, local community, assessment indicators, municipal governance.

Petrova S.I.
Petrov I.F.

Hidden mechanisms of reality: ontological dimension of the problem

The article traces a conceptual shift in European philosophy of the 19th and 20th centuries. As a result, the problem of the hidden shifts from the epistemological plane (as a question about the limits of knowledge) to the ontological plane (as a question about the existence status of the hidden and the multilayered structure of reality). The authors reconstruct three key turns that facilitate this ontologization. The first turn is related to Kant's concept of "things-in-themselves" and its subsequent transformations in German idealism (Johann Fichte, Friedrich Schelling, and Georg Wilhelm Friedrich Hegel). The voluntarism of A. Schopenhauer. The phenomenology of E. Husserl. And in the contemporary discussions between scientific realism and anti-realism. The second turn is represented by the concepts of stratified ontology by N. Hartmann (with his doctrine of four layers of being) and fundamental ontology by M. Heidegger. Where the hidden is thought of as a structural moment of being itself (unfolding in the game of alethea and concealment). The third turn is realized in structuralism (F. Saussure, K. Levi-Strauss, J. Lacan) and poststructuralism (J. Derrida, M. Foucault, J. Deleuze). Where the hidden is desubstantialized and appears as an anonymous immanent structure that organizes reality from the inside. It is concluded that these three lines form a single problematic field of the modern ontology of the hidden. In this field, the hidden is not a defect of knowledge, but an essential characteristic of existence itself.

Key words: ontology of the hidden, thing-in-itself, noumenon, aletheia, episteme, I. Kant, N. Hartmann, M. Heidegger, structuralism, post-structuralism.

Khitarova I.Yu.
Odintsova Yu.V.
Ripacheva E.A.
Korableva S.A.
Nikolaeva E.A.

Developing language competencies among technical university students: challenges and practical solutions

The paper addresses the problem of insufficient language proficiency among engineering students. Data from an analysis of written assignments are provided, along with typical errors (substitution of technical terms by everyday vocabulary, violations of logical coherence). An experiment involving a set of profession-oriented exercises is described; it showed an increase in terminological accuracy and textual cohesion. Recommendations for instructors teaching in technical universities are formulated.

Key words: linguistic competence, engineer's speech culture, terminology, text logic, teaching methodology, editing, professional communication.

Gasanov E.G.
Khokonov A.A.

Digital public-private partnership: models of institutional entrepreneurship in a platform based environment

The classic model of public-private partnership (PPP), which focuses on long-term investments in material infrastructure and formalized risk distribution, proves to be inadequate for the digital economy, where platforms assume functions related to control, identification, and tax administration without traditional concession agreements. Based on an analysis of Russian case studies from 2020–2025 (the "Chestny Znak" marking system, the integration of marketplaces with the Federal Tax Service, and the Unified Biometric System), the article conceptualizes the concept of digital public-private partnership (DPPP) and substantiates its fundamental difference from traditional PPP. The concept of institutional entrepreneurship is used as an analytical framework, on the basis of which four models are identified: regulatory arbitrage (the use of legislative gaps with subsequent legitimation), platform delegation (the transfer of state functions to a private operator), compliance integration (the integration of fiscal instruments into the platform's interface), and reverse norm engineering (the transition from experimental legal regimes to universally binding norms). An operational definition of PPPs has been proposed as an institutional regime in which a private platform systematically replaces publicly significant functions, and the state becomes asymmetrically dependent on its infrastructure, which triggers a cyclical co-adaptation of rules. Three criteria have been developed for the empirical identification of such partnerships: functional substitution, asymmetrical institutional dependence, and cyclical co-adaptation of norms. The results obtained indicate the need to reform the legislation on PPPs or to

create a separate legal institution for digital agreements, as well as the importance of revising theoretical approaches to the analysis of hybrid forms of governance in the platform economy.

Key words: digital public-private partnership (DPPP), institutional entrepreneurship, platform economy, digital platforms, regulatory arbitrage, platform delegation, compliance integration, reverse regulatory engineering, hybrid governance, experimental legal regimes.

Semikin E.D.

Dynamic inclusivity and the spillover effect of infrastructure conflict: a comparative analysis of the M-12 "Vostok" highway in the Vladimir Region and the South Lytkarino highway in the Moscow Region

The article examines the sustainability of public participation when major transport infrastructure projects are modified. It asks why accommodating one affected group does not necessarily resolve conflict and when a revised project requires renewed stakeholder inclusion. Comparative document-based process tracing is applied to the M-12 Vostok motorway in Vladimir Region and the South Lytkarino Motorway in Moscow Region. Dynamic inclusiveness and the infrastructure conflict displacement effect are operationalized through documentary indicators. In the M-12 case, a route revision officially linked to residents' comments was followed by objections in other territories. In the South Lytkarino case, several changes requested by residents were implemented, yet conflict re-escalated in Vidnoye during construction. Sustainable interest reconciliation therefore depends on repeated stakeholder mapping, renewed participation after material project changes, and traceable links between demands and decisions.

Key words: dynamic inclusiveness, infrastructure conflict, public participation, transport infrastructure, conflict displacement, local communities, process tracing, interest reconciliation.

Sharovsky Yu.N.
Shevtsova E.V.

On the issue of creating a «portrait of a terrorist» in the Novosibirsk Region and developing additional measures to counter the ideology of terrorism among young people in the Novosibirsk Region

This article examines the reasons for the increase in cases of youth involvement in terrorist crimes in the Russian Federation, using the example of the

Novosibirsk Region. It examines and analyzes the historical causes of the development of terrorism in Russia, as well as the methods and ways of recruiting young people. The article explores the routes of youth involvement in terrorist crimes, as well as the issues of targeted and individual prevention of young people who have fallen under the influence of destructive ideologies. The article concludes that the current situation requires a revision of approaches to countering the ideology of terrorism.

Key words: terrorism, recruitment, comprehensive plan, special military operation, prevention.

Pogrebniak D.A.
Dianov S.A.

Geocultural approach in inclusive place branding

In the article we have analysed inclusive branding and geocultural branding approaches to solving the problem of negative perceptions of inclusive education in the Russian Federation. The adoption of geocultural approach has been substantiated due to the problem's values and culture specific nature. We have introduced some possible geocultural branding instruments for a hypothetical place branding situation.

Key words: geocultural policy, geocultural branding, inclusive branding, branding policy, inclusive policy, inclusive education, inclusive educational policy.

Kashtanyuk V.A.
Sheludko A.S.

Value sovereignty and historical memory: what does it mean to "be oneself" in an era of world order collapse (through the lens of the history and culture of the Russian Far East)

The article examines the problem of forming value sovereignty as a humanitarian category in the context of geopolitical turbulence. Drawing on the history and culture of the Russian Far East (17th–20th centuries), it analyzes the mechanisms of "ethnocultural ingrowth" of Russian settlers into the region, as well as the role of historical memory and traditional values in consolidating society. The thesis of the Far East as a metaphor for the Russian borderlands is substantiated, where issues of preserving identity become a daily practice. The author concludes that spiritual sovereignty is formed through a synthesis of three cultural layers -autochthonous, Orthodox, and

contemporary - and that “Far Easternness” constitutes the foundation of all-Russian civic identity.

Key words: value sovereignty, historical memory, the Russian Far East, spiritual sovereignty, ethnocultural rooting, Far Eastern identity, traditional values.

Gavrilyuk N.P.
Dediu E.I.

Pseudo-originals of Saint-Denis: papyrus manufacturing technology and strategies of forgery in early medieval diplomatics

This article examines the relationship between the technology of writing material production in the Early Middle Ages and the practice of forging documents, using the collection of papyri from the Abbey of Saint-Denis as a case study. It traces the history of papyrus use up to its disappearance from the economic circulation of Western Europe, analysing the manufacturing technology of the papyrus roll, the criteria for material quality, and the reasons for the transition from papyrus to parchment. Particular attention is paid to the Saint-Denis affair of the mid-eleventh century, during which the monks, defending the exempt status of the abbey, produced a series of pseudo-originals, using ancient reused papyri as writing supports. Through the examples of the Testament of Ermenstrude and the forged bull of Pope Zacharias, the strategies of forgery are reconstructed: concealment of the original text by gluing rolls together, reuse of the support, imitation of handwriting and signs of authentication. It is demonstrated that a material-scientific approach to the study of documents significantly complements traditional diplomatics and palaeography, making it possible to uncover the mechanics of medieval forgery.

Key words: papyrus, parchment, diplomatics, Saint-Denis, pseudo-originals, document forgery, Merovingian era, palaeography, writing materials, Testament of Ermenstrude, exemption, codicology.

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

The magic mountain: the impossibility of a “Davos Civilization”

This article provides a critical analysis of the phenomenon of the “Davos civilization”–a global elite culture shaped by the meetings of the World Economic Forum. It examines the concept of “Davos Man” introduced by S.

Huntington, demonstrating that, despite the influence of this group, its values are not universal and provoke resistance in traditional societies. A parallel is drawn between the "Davos civilization" and the image of a sanatorium in T. Mann's novel "The Magic Mountain": both spaces are presented as isolated enclaves, divorced from real life, where intellectual discussions and the cult of ideas replace real action. The article analyzes the crisis phenomena in contemporary globalization, the political fragmentation of the West, the rise of protectionism and nationalism, and the crisis of global governance institutions. Particular attention is paid to the competition between the Western "Davos" model and alternative projects, primarily the "Beijing Consensus," as well as the internal contradictions within BRICS. The conclusion is that the crisis of the "Davos civilization" and the difficulties in promoting alternative development models are interconnected and reflect profound shifts in the global system.

Key words: Davos civilization, global elite, World Economic Forum, cultural identities, crisis of globalization, Beijing Consensus, BRICS, political fragmentation, international institutions, elite networks, universal values, civilizational ruptures.

Biryukov S.V.
Vostrikov K.V.

Negotiations on the peaceful settlement of the Lebanese-Israeli conflict in the context of the broader Lebanese crisis

This article analyzes the negotiation process between Lebanese President Giorgi Aoun and representatives of the Trump administration and European officials. It examines the trilateral peace plan for Lebanon, which involves the withdrawal of Israeli troops and the disarmament of Hezbollah, and the prospects for resolving the situation within and around the Land of the Cedars themselves. Using factor analysis and examining the "Lebanese case" using the case-study method, the authors ultimately conclude that the combination of key factors determining the current situation does not allow Lebanon and its leadership to count on a swift resolution of the conflict and overcoming the internal political crisis.

Key words: trilateral plan, Hezbollah, military ceasefire, situation in Lebanon, international process.

Yudin V.I.
Bolshakov S.N.

State education policy regarding indigenous peoples of Ecuador: declarations and reality

The global search for inclusive education models for small indigenous peoples is particularly important for the culturally diverse region of South America. This relevance is confirmed by an analysis of the Latin American experience, where constitutional recognition of multinationality is accompanied by the preservation of Eurocentric educational standards. This article is relevant due to the need to identify contradictions between the declared principles of interculturalism and the actual policies that lead to the marginalization of indigenous communities, particularly in remote regions of the Amazon. The aim of the study is to analyze the gaps between the constitutionally enshrined principles of multinationality, intercultural bilingual education (IBE), and public administration practices in Ecuador, and to assess the consequences of modernization policies on indigenous peoples' access to quality education. The research method utilized a synthesis and analysis of institutional decisions by government bodies regarding intercultural education, educational policy, and the development of policy documents, as well as a case study of educational policy in the Ecuadorian Amazon. The results of the study allowed us to identify commonalities and specifics in the implementation practices, as well as discrepancies between political rhetoric and the policy actions of Ecuadorian authorities regarding inclusive education for indigenous minorities.

Key words: small indigenous peoples, educational policy, Ecuador, intercultural bilingual education, plurinational state, decolonial perspective, social inequality.

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

Chinese symbols of golden bricks: from ancient traditions to the geopolitics of a multipolar world

The article considers the construction metaphor as an important political and cultural tool used in international relations, with a special focus on Chinese cultural and political specifics. In political discourse, the metaphor of a brick symbolizes reliability, durability, collective labor and civilizational development. The historical path of brick as a building material can be traced from

the Neolithic Period in the Middle East to the traditions of Chinese architecture and mythology. Special attention is paid to the Chinese interpretation of the construction metaphor in the context of the BRICS unification, where the naming of the participating countries as "golden bricks" emphasizes their role as the foundation of the new world order. The cultural, historical and political aspects of the use of metaphor are analyzed, including the symbolism of gold in the Chinese tradition and the role of the construction metaphor in shaping the image of a stable multipolar world. The article also highlights modern Chinese concepts of civilizational development and cooperation based on traditions and philosophy of gradual, harmonious construction.

Key words: political metaphor, construction metaphor, Chinese symbols, golden bricks, BRICS, international relations, multipolar world, civilizational development, brick mythology, Chinese architecture, global politics, cultural traditions, gold symbolism, international cooperation, political discourse.

Vostrikov K.V.
Biryukov S.V.

Review of the study guide *by E.L. Ryabova and N.O. "China's policy towards national territories. Book 1. Implementation of the "Great Revival of the Chinese Nation by the Chinese Diaspora Abroad""*

This study guide by the aforementioned authors addresses topical issues regarding China's policy toward its ethnic regions, specifically in the context of the rejuvenation of the Chinese nation and the Chinese diaspora. The examination of this subject is of great interest to specialists in Chinese studies.

Key words: PRC, relevance, research, analysis, China's policy, national territories, Han, nationality, ethnic identity.

Авторы

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск. Профессор кафедры политологии, Томский государственный университет, г. Томск. Профессор кафедры истории, Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово.

Большаков С.Н. - доктор политических наук, профессор. ФГОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Будаева Д.Ц. - кандидат политических наук, доцент. Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ.

Востриков К.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры философии, истории и иностранных языков. Заполярный государственный университет имени Н.М. Федоровского, г. Норильск.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Гасанов Э.Г. - аспирант 2-го года обучения. АНО ВО «Институт деловой карьеры».

Дедиу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дианов С.А. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и истории. Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Кадаев А.Г. - магистр программы «Управление персоналом государственной службы и корпораций». Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Каштанюк В.А. - кандидат исторических наук, кафедра «Истории», ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», г. Биробиджан.

Кораблева С.А. - кандидат культурологии, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Николаева Е.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюд-

жетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Одинцова Ю.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Погребняк Д.А. - аспирант. Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Пономаренко Б.Т. - доктор исторических наук, профессор. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рипачева Е.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Семикин Е.Д. - аспирант. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Терновая Л.О. -доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хитарова И.Ю. - доктор философских наук, профессор, Заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Хоконов А.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Шаровский Ю.Н. - магистрант. Сибирский институт управления – Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шевцова Е.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления. Сибирский институт управления – Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шелудько А.С. - ассистент, кафедра «Истории», ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Еврейская автономная область, г. Биробиджан.

Юдин В.И. - доктор политических наук, профессор. Эксперт, Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Authors

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences; Professor, Department of Socio-Political Sciences and International Relations, Siberian Institute of Management (a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Novosibirsk; Professor, Department of Political Science, Tomsk State University, Tomsk; Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University, Kemerovo.

Bolshakov S.N., Doctor of Political Science, Professor. Russian State Social University.

Budaeva D.Ts., Candidate of Political Sciences, Associate Professor. Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dianov S.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Public Administration and History. Perm National Research Polytechnic University.

Gasanov E.G., 2nd-year postgraduate student. Institute of Business Career.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Kadaev A.G., Master's student in the "Personnel Management in Public Service and Corporations" program. Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kashtanyuk V.A., Candidate of Historical Sciences, Department of History, Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan.

Khitarova I.Yu., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Khokonov A.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science. Financial University under the Government of the Russian Federation.

Korableva S.A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Nikolaeva E.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Odintsova Yu.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of Marketing and Social-Information Technologies, Krasnodar.

Petrov I.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Academy of Marketing and Social-Information Technologies, Krasnodar.

Pogrebniak D.A., Postgraduate student. Perm National Research Polytechnic University.

Ponomarenko B.T., Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ripacheva E.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Ryabova E.L., Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal «Ethnosocium and Interethnic Culture».

Sharovsky Yu.N., Master's student, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Sheludko A.S., Assistant Lecturer, Department of History, Sholom-Aleichem Priamursky State University, Jewish Autonomous Region, Birobidzhan.

Shevtsova E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration., Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Semikin E.D., Graduate student. Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Science, Professor, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Vostrikov K.V., Candidate of Political Sciences; Associate Professor, Department of Philosophy, History, and Foreign Languages, N.M. Fedorovsky Polar State University, Norilsk.

Yudin V.I., Doctor of Political Science, Professor. Expert, Foundation for the Support of Interethnic Culture and International Public Relations.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ
ПО ТЕМЕ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТНОСОЦИУМ»

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

Все права защищены. При использовании материала ссылка на журнал «Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах;
- Государственная Дума;

Аппарат Правительства РФ;

- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 12,75